

НАРОДНИКИ В ИСТОРИИ РОССИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

НАРОДНИКИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Межвузовский сборник научных трудов

В ы п у с к 2

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2016

УДК 323.32(47+57)
ББК 63.3(2Рос)
Н 30

*В оформлении обложки использована
репродукция с картины В. Е. Маковского «Вечеринка»*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук *Г. Н. Мокшин* (отв. ред.),
д-р ист. наук *В. В. Блохин*,
д-р ист. наук *В. В. Зверев*,
д-р ист. наук *М. Д. Карпачев*

Н 30 **Народники в истории России** : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2 / [редколл. : Г. Н. Мокшин (отв. ред.) и др.] ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. – 280 с.
ISBN 978-5-9273-2347-0

В предлагаемом сборнике опубликованы статьи специалистов в области народниковедения из различных российских вузов.

Исследуются проблемы истории и историографии русского народничества второй половины XIX – начала XX в. Развиваются современные подходы к осмыслению явления народничества и его места и роли в общественной и культурной жизни России. Прослеживаются исторические судьбы народников после 1917 г.

Для научных работников, аспирантов, студентов и всех интересующихся историей России нового времени.

УДК 323.32(47+57)
ББК 63.3(2Рос)

ISBN 978-5-9273-2347-0

© Воронежский государственный
университет, 2016
© Оформление. Издательский дом ВГУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Раздел I. Историография народничества	
<i>Карпачев М. Д.</i> О новых и старых подходах к периодизации истории русского народничества.....	7
<i>Мокшин Г. Н.</i> Проблема реконструкции теории «малых дел» в отечественном народниковедении.....	20
<i>Зеленин Ю. А.</i> К вопросу о значении мировоззрения Л. Н. Толстого и его принадлежности к народничеству (историографический аспект)...	37
<i>Суслов А. Ю.</i> Неонародничество и модернизация России в начале XX в.: современные исследования.....	50
<i>Кононенко А. А.</i> Накануне столетия Великой русской революции (о некоторых итогах изучения истории партии эсеров).....	70
Раздел II. Общие проблемы истории народничества	
<i>Калинчук С. В.</i> Революционные народники и украинофилы 1870–1880-х гг.: сотрудничество или соперничество?.....	82
<i>Квасов О. Н.</i> Эволюция террористической платформы народничества: от народовольцев к эсерам.....	107
<i>Блохин В. В.</i> Между социализмом и либерализмом: проблема «срединной линии» в общественной мысли пореформенной России.....	121
<i>Федорова В. И.</i> Эволюция социально-революционных идеалов в позднем народничестве.....	130
<i>Касторнов С. Н.</i> Народники-реформисты о еврейском вопросе в России на рубеже XIX–XX вв.	148
<i>Протасова О. Л.</i> Неонародничество как органическая часть российского демократического социализма первой четверти XX века...164	
Раздел III. Теоретики и практики народничества	
<i>Зверев В. В.</i> В. П. Воронцов: перспективы и прогнозы развития России в 80–90-е гг. XIX века.....	182
<i>Головкин В. М.</i> Традиции демократического просветительства в теории социокультурного эволюционизма Я. В. Абрамова.....	194
<i>Левин С. В.</i> Народническое прошлое земских статистиков.....	214
<i>Коновалова О. В.</i> Идеология неонародничества (по работам В. М. Чернова).....	225
<i>Леонтьев Я. В.</i> Братья Аяксы (политическая и научная биография Е. Н. Мальма).....	244
Список сокращений	269
Именной указатель	270
Сведения об авторах	278

ПРЕДИСЛОВИЕ

История русского народничества изобилует яркими, захватывающими, порой драматическими событиями и судьбоносными поворотами. Под обаянием народнических идей, и особенно идеи борьбы против социальной несправедливости находились несколько поколений русской интеллигенции: от 1860-х до 1920-х гг. Разумеется, влияние народничества на молодежь (его главный контингент) имело свои приливы и отливы, но народническое движение в целом всегда оценивалось современниками как передовое, поскольку оно способствовало демократизации взглядов русской общества.

Долгое время народничество в России изучалось в основном как революционно-социалистическое течение и движение 1870 – начала 1880-х гг. Неслучайно именно эпоха первого и второго «хождения в народ» признавалась его расцветом, а сами народники – выразителями интересов крестьянской демократии. И только в последние два десятилетия появились обобщающие работы по истории легально-реформаторского народничества, включая народников-культурников, эсеров, энесов, анархистов и т.д.

Современные исследователи интерпретируют природу народничества как реакцию радикально-демократической интеллигенции на издержки модернизации «сверху», проводимой в интересах сохранения мощи и величия российского государства. Преимущества данного подхода – рассмотрение народнической интеллигенции как самостоятельной общественной силы, идеология и практика которой развивались по своей собственной траектории. Наличие у народнического движения внутреннего стержня, так сказать, собственной логики развития, актуализирует проблему его концептуализации: разработку общей периодизации истории народничества и неонародничества, новой типологии течений народнической мысли и т.п. Все это не могло не стимулировать появления новых исследований самой разной направленности.

Только за последние 15 лет по народнической тематике защищено более 240 диссертаций (по всем специальностям). Это ненамного, но все-таки больше, чем за вторую половину 1980-х – 1990-е гг., что опровергает распространенное мнение об общем спаде исследовательского интереса к русским народникам¹. Хотя о каких-то прорывах и качественных скачках пока говорить трудно. На осмысление новейшей историографии тоже требуется время.

По идее, каждая диссертация – это решение какой-либо важной исследовательской задачи. Проблема в том, что историки, филологи, философы, социологи, политологи, экономисты исследуют народничество с разных точек зрения и воспользоваться их результатами те же историки могут далеко не всегда. Но и историкам, изучающим разные направления в народничестве, тоже зачастую бывает трудно найти общий язык. И корни этой проблемы не столько в современном методологическом плюрализме, сколько в многоликости, неоднозначности и противоречивости самого народничества, способного к восприятию и аккумуляции различных общественных идей и теорий: от революционных до консервативных. Достаточно сравнить, например, двух народнических теоретиков: П. Н. Ткачева и И. И. Каблицы-Юзова. Они оба посвятили свою жизнь служению идее народа. Однако их взгляды на задачи народнической интеллигенции диаметрально противоположны. Если первый считал интеллигенцию (революционное меньшинство) истинной выразительницей интересов народа и его руководителем, то второй – худшим и опаснейшим врагом, пытающимся переделать народ по своему образу и подобию, вместо того чтобы развивать его самосознание и самостоятельность.

Второй выпуск нашего межвузовского сборника включает статьи специалистов по основным направлениям отечественного народниковедения из 11 городов России.

Материалы сборника разбиты на три тематических раздела.

Первый раздел посвящен историографии народничества. Внимание исследователей привлекли: проблема периодизации истории русского народничества (ее автор М. Д. Карпачев полемизирует с Ю. А. Зелениным о допустимости выделения таких периодов, как «протонародничество» и «постнеонародничество»); проблема реконструкции исследователями теории «малых дел» (Г. Н. Мокшин); вопрос о принадлежности к народничеству Л. Н. Толстого (Ю. А. Зеленин). Историография неонародничества представлена статьями А. Ю. Сулова и А. А. Кононенко. Первый из них анализирует современные подходы к проблеме «неонародничество и модернизация», а именно: являлось ли русское народничество действительной альтернативой марксизму. Затрагивается автором и до сих пор мало изученный вопрос о соотношении понятий «народничество и неонародничество». А. А. Кононенко – известный историограф партии социалистов-революционеров – подводит итоги изучения ее истории с дореволюционных времен и до наших дней.

Во втором разделе анализируются общие проблемы истории русского народничества. В их числе: актуальный в наше время вопрос о взаимоотношениях русских революционных народников и украинофилов во главе с М. П. Драгомановым (С. В. Калинин); проблема эволюции народнического терроризма от индивидуального к систематическому (О. Н. Квасов); проблема сближения идеологии народничества и либерализма, рассматриваемая на основе сравнительного анализа взглядов «либерального социалиста» Н. К. Михайловского и ряда социальных либералов (В. В. Блохин); развитие идеологии революционного народничества в 80–90-е гг. XIX в., которое, по мнению автора статьи В. И. Федоровой, шло по пути преодоления примитивного эгалитаризма к идее равенства возможностей; отношение (как выясняется, далеко неоднозначное) народников-реформистов к еврейскому вопросу (С. Н. Касторнов); необходимость и возможность интерпретации неонародничества в контексте становления доктрины демократического (гуманного) социализма XX в. (О. Л. Протасова).

В третьем разделе рассматриваются: различные стороны взглядов и деятельности ведущих теоретиков легального народничества В. П. Воронцова (В. В. Зверев) и Я. В. Абрамова (В. М. Головкин) и главного идеолога неонародников В. М. Чернова (О. В. Коновалова); народническое прошлое земских статистиков И. П. Белоконова, С. А. Харизоменова, К. В. Лаврского, Ф. А. Щербины, Н. Ф. Анненского и др. (С. В. Левин); политическая и научная биография левого эсера Е. М. Мальма (Я. В. Леонтьев).

Составители сборника выражают надежду, что данное издание отражает современное состояние отечественного народниковедения, его успехи и пока неразрешенные проблемы, а, возможно, и намечает пути дальнейшего изучения истории русского народничества.

¹ Только авторами данного сборника в 2015–2016 гг. защищено три докторских диссертации: Сулов А. Ю. *Общероссийские социалистические партии после октября 1917 года в российской историографии* : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2014; Левин С. В. *Становление и развитие земской статистики в Поволжье (1882–1917 гг.)* : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2015; Квасов О. Н. *Терроризм в российском революционном движении (вторая половина XIX – начало XX вв.)* : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2015.

Геннадий Мокшин

Раздел I ИСТОРИОГРАФИЯ НАРОДНИЧЕСТВА

Карпачев М. Д.

О новых и старых подходах к периодизации истории русского народничества

Народничество в общественной и культурной жизни нашей страны занимало исключительно важное место. Являясь духовным детищем русской интеллигенции, это идейное течение вдохновляло отечественных демократов на беспрецедентно напряженные поиски путей и способов освобождения «простого» народа от социального и политического угнетения. Совершенно закономерно народничество стало разновидностью непролетарского социализма.

В середине XIX в. идеи социализма заняли ведущее место в идеологии европейского освободительного движения. Стоит напомнить, что «Манифест коммунистической партии» был написан К. Марксом и Ф. Энгельсом уже в 1848 г. И уже тогда прозвучал набатный девиз: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма». Вполне естественно, что призрак коммунизма как общества полного народного благоденствия практически одновременно обосновался и в России, прежде всего в кругах европейски просвещенной молодежи. При этом после отмены крепостного права идеи социализма в нашей стране по социальным условиям того времени могли принять только форму крестьянского социализма. Разработанные А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским идеи крестьянского общинного социализма стали идеологической основой народничества.

У публицистов, а вслед за ними и у историков с давних пор наблюдалось стремление к широкому употреблению понятия «народничество». Например, В. И. Ленин определял его как длительную полосу в истории русского общественного движения – от Герцена до эсеров. Естественно, что советские историки, следуя указаниям вождя большевиков, хронологические рамки народничества поначалу определяли соответствующим образом: от падения крепостного права до конца XIX в., когда в качестве лидеров освободительного движения народников вытеснили пролетарские революционеры-марксисты.

Как нередко случается, долго господствовавшее представление начало, по-видимому, надоедать и в исторической литературе последнего времени стали появляться разные, а порой и крайне расширительные толкования народничества. Со своеобразной интерпретацией проблемы периодизации истории русского народничества выступил Ю. А. Зеленин – специалист по историографии данной темы¹.

По мнению Зеленина, народничество – явление многоаспектное. Его можно трактовать и как идеологию, и как практическое движение интеллигенции, и как культурное течение². Соглашаясь с этим, в общем-то, хорошо известным подходом, тем не менее, отметим, что предпринятая автором попытка построить новую периодизацию народничества выглядит, хотя и экстравагантно, но неубедительно.

Для начала отметим, что позиция автора большей сложностью не отличается. Поскольку, считает он, народничество нельзя сводить исключительно к общественному движению, постольку говорить о нем следует как о явлении гораздо более длительном, чем это принято в современной историографии. На основе предварительно установленных так называемых «базовых компонентов» народничества (свобода, демократический антиэтатизм и федерализм, справедливость, взаимопомощь и др.³), Зеленин приступил к конструированию весьма оригинальной периодизации его истории.

Нельзя не подивиться легковесности авторского подхода. Он, в частности, решил выделить некий *протонароднический* этап, датируя его начало концом XVIII в., а завершение – концом 50-х гг. XIX в. Этап этот определяется Зелениным как время складывания народничества в качестве мироощущения и, как пишет автор, «возможно мировоззрения»⁴. Однако никакой серьезной аргументации у этого тезиса нет. О каком мироощущении идет речь, если признаки народнического мироощущения автор находит у А. Н. Радищева и А. С. Пушкина, у Н. В. Гоголя и Н. П. Огарева, у А. И. Герцена и М. Ю. Лермонтова, даже у П. Я. Чаадаева. Но при таком увлекательном манипулировании автор легко мог причислить к протонародникам Н. М. Карамзина и А. С. Шишкова, И. А. Крылова и вообще любого сколько-нибудь заметного литератора, историка или философа. Поиск и сопоставление отдельно взятых взглядов вообще может увести мысли исследователя в заоблачные дали. Только ничего конструктивного в таких сопоставлениях быть не может. Можно согласиться, что при создании теоретических основ русского кре-

стьянского социализма А. И. Герцен до известной степени синтезировал некоторые идеи славянофильства и западничества (мысль эта, как известно, далеко не нова⁵), но и в данном случае речь может идти лишь о творческом комбинировании в процессе создания новой социальной теории. Необоснованная поспешность авторского изложения проявляется, между прочим, даже в небрежном отношении к именам русских мыслителей (например, поставленные им инициалы Н. А. у Радищева или В. Г. у Плеханова)*.

В хронологических рамках с конца 1850-х до середины 1890-х гг. Зеленин усматривает классический этап в развитии народничества. Очевидно, что под классикой автор понимает доминирование народнической идеологии в общественном движении пореформенных десятилетий. Новым в подходе Зеленина можно признать лишь то, что под общий знаменатель классичности он подвел буквально все направления и разновидности народнической идеологии. Такой подход никак нельзя назвать продуктивным. Вольно или невольно автор фактически выводит из-под исследовательского внимания напряженные поиски народниками адекватных отечественным социально-экономическим реалиям идей и практических действий.

Меньше всего возражений вызывает выделение Зелениным так называемого неонароднического этапа. Он датируется автором с 1890-х гг. до конца первой четверти XX в.⁶ Действительно, эпигонов народнической идеологии, включая эсеров, а также иных поклонников сохранения крестьянской самобытности, общинных порядков и так называемой моральной экономики русского крестьянского двора принято именовать неонародниками. К их числу, в частности, принято относить и сторонников теории А. В. Чаянова об устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. Словом, в выделении такого этапа нет ничего необычного, поэтому в данном отношении с автором можно согласиться.

Зато немалое удивление вызывает обнаружение Зелениным некоего *постнеонароднического* этапа. Начало этапа с таким экстравагантным названием автор датирует 1930-ми годами и ведет его историю до настоящего времени. И вновь, как и при выделении протонароднического этапа, Зеленин демонстрирует необыкновенную ме-

* Ошибки в инициалах А. Н. Радищева и Г. В. Плеханова – плачевный недосмотр ответственного редактора (Г. М.).

тодологическую гибкость и, скажем так, исследовательское своеволие. К *постнеонародникам* он смело причисляет группу эмигрантов довоенной поры, включая, например, видных эсеров-теоретиков В. М. Чернова, Н. Д. Авксентьева и В. А. Мякотина. Среди *постнеонародников* послевоенного времени он выделяет многочисленную группу прозаиков-деревенщиков, находя и в их литературном творчестве элементы народнического мировоззрения. К этой же категории современных народников отнесены и так называемые социальные писатели новейшего времени, вроде Захара Прилепина. Наконец, активными фигурантами *постнеонароднического* этапа Зеленин смело считает представителей широкой гаммы современных политиков, от А. В. Шубина и С. В. Миронова, до Э. В. Лимонова и С. Н. Бабурина⁷.

Можно согласиться с предположением, что столь вольное манипулирование именами и идеями способно вызвать оживление в среде политиков-популистов. Однако научного смысла в таком подходе мало. Избирательное жонглирование терминами никак не может прояснить исторического содержания в разнохарактерных доктринах, рождавшихся в разные эпохи и в совершенно разных социальных условиях. Произвольное сопоставление совпадений в политической лексике разных эпох позволяет обнаружить идейные наслоения народничества в мировоззрении даже Александра III. Во всяком случае, законы 1886 и 1893 гг. были прямо направлены на сохранение традиционных устоев крестьянской жизни, в том числе на укрепление общины.

Да и в целом опыт построения Зелениным оригинальной периодизации истории народничества нельзя признать удачным. Анализируя его подход, стоит напомнить, что проблема периодизации всегда была одной из ключевых в исторических оценках народничества. В отечественной и зарубежной историографии трудно найти понятие более сложное, чем термин «народничество». О содержании этого термина велись острые споры в русской публицистике конца XIX в. Журналисты, политики, а вслед за ними и историки долго время никак не могли договориться о содержании этого ставшего исключительно популярным слова. Но появился этот термин довольно поздно. В устойчивое употребление он вошел уже после знаменитого «хождения в народ», со второй половины 1870-х гг., а точнее с образования тайного общества «Земля и воля», участники

которого и стали именовать себя народниками. Называть же себя они так стали потому, что принятая ими программа отличалась своеобразным оппортунизмом. Революционная партия, заявляла программа, не должна навязывать народу малопонятные теории. Влиятельной и сильной она может быть только тогда, «когда она опирается на народные требования и не насилует выработанный историю экономического и политического народного идеала»⁸.

В отечественной историографии советского времени споры вокруг периодизации народничества разводили по разные стороны партийных ортодоксов и историков-новаторов, искавших пути выхода из догматических интерпретаций истории русского общественного движения. Начало такому размежеванию положили, естественно, официальные идеологи. Упрочив свое политическое руководство, советская номенклатура стала с сомнением относиться к различным течениям революционной мысли, кроме, разумеется, того, которое обеспечило ее приход к власти. Сначала последовало по своему весьма резонное заявление И. В. Сталина о необходимости критического подхода к истории «Народной воли». В противном случае, утверждал вождь советского народа, можно воспитать террористов⁹. А затем ставший на 30 лет каноническим «Краткий курс истории ВКП (б)» определил народничество как злейшего врага марксизма, очевидно, более опасного, чем царский режим.

Политическая ангажированность таких толкований вызывала естественное отторжение у исследователей, не желавших сводить значение исторической науки к обслуживанию идеологических догм. Вот почему совершенно естественным стал пересмотр установок «Краткого курса» практически сразу после XX съезда КПСС, подвергшего острой критике политические нравы эпохи культа личности. Здесь первой ласточкой, привлекавшей живое внимание, стала принципиальная статья П. С. Ткаченко, опубликованная в ведущем научном журнале¹⁰. Автор статьи одним из первых вернулся к позитивной оценке народничества как демократического течения в общественном движении пореформенной эпохи.

Еще более энергично с позитивной оценкой народничества выступил крупнейший знаток этой темы Б. П. Козьмин. В своей обширной и темпераментно написанной статье он детально обосновал положение о внутреннем единстве русской революционной демократии от Герцена и Чернышевского до «Народной воли»¹¹.

И, тем не менее, в официальной советской историографии Герцен и тем более Чернышевский еще на долгое время останутся в роли великих революционеров-демократов и исторических предшественников большевизма. Поэтому в периодизации народничества доминировало мнение, что революционная демократия эпохи «первой революционной ситуации» к истории народничества прямого отношения не имеет. Начало же революционного народничества относилось только к 1870-м гг., а идеологические построения М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова или П. Н. Ткачева расценивались как несомненный шаг назад в истории русской революционной мысли и практики. Если, разумеется, ее высшим этапом считать историю большевизма.

П. С. Ткаченко одним из первых указал на искусственный и даже противоестественный характер противопоставления революционных демократов эпохи Чернышевского революционным народникам 1870-х гг. Сужение понятия революционного народничества, подчеркивал автор, предпринималось для того, чтобы умалить роль семидесятников в качестве исторических предшественников русской социал-демократии, в первую очередь большевизма¹². Такая роль три десятка лет без возражений отводилась исключительно революционерам эпохи отмены крепостного права, а с самой этой эпохой связывалось возникновение мифа о первой революционной ситуации в России. Наиболее ярким и авторитетным сторонником такой интерпретации роли предшественников большевизма была акад. М. В. Нечкина¹³. Получалось, что, едва начавшись, разночинский этап в истории революционного движения в России сразу достиг своей вершины, а в 1870–1880-е гг. непрерывно снижался идейный уровень его участников.

Однако в условиях относительной политической и идеологической оттепели остановить противников такой догматики было уже невозможно. Решительным новатором в толковании проблемы периодизации движения разночинцев выступил В. Ф. Антонов. В 1965 г. ему удалось не только написать, но и издать весьма большим тиражом книгу, написанную в жанре пособия для учителей и озаглавленную просто – «Революционное народничество». Написанная в наступательном тоне, книга Антонова убеждала, что выделение в движении разночинцев трех этапов не имеет под собой научных оснований. Относя к народничеству всех сторонников крестьянского общинного социализма, автор вполне обоснованно полагает, что те-

чение это доминировало в отечественном общественном движении вплоть до конца XIX столетия. А делить его на этапы следует по политическим характеристикам. 1860-е – начало 1880-х гг. – это время революционного народничества, а последние 15 лет века – время либерального народничества¹⁴.

Однако идейное единство демократического движения 1860-х – начала 1880-х гг. не исключало все же заметных различий в теории и практике революционной деятельности русских интеллигентов первых пореформенных десятилетий. Прежде всего, в 1870-е гг. существенно возросли масштабы и накал революционной борьбы, что убедительно показано, например, в фундаментальных исследованиях Н. А. Троицкого¹⁵. Но дело не только в количестве представителей революционного подполья.

В 1870-е гг. произошли заметные сдвиги в идейном багаже поклонников крестьянского социализма. Революционерам нового десятилетия было, в общем ясно, каких целей им следует добиваться. В этом отношении они твердо стояли на идейных позициях, выработанных Герценом и Чернышевским. Но если во время подготовки и реализации отмены крепостного права демократы были уверены в неизбежности самодеятельной народной революции, то к рубежу 1860/70-х гг. эта уверенность сильно потускнела. Теперь на самостоятельность народного протеста интеллигенция уже не надеялась. Вера же в необходимость и возможность социальной революции отнюдь не иссякла. Не исчезла и надежда на то, что ведущими творцами такой революции в России должны были стать две силы: народ (в первую очередь, крестьянство) и интеллигенция. Но если в период проведения реформы 1861 г. демократов воодушевляла вера в неизбежности народной инициативы, то в новом десятилетии расчет делался на инициативную роль интеллигенции. Представление о механизме почина революции, таким образом, принципиально менялось. Толчок к революционному переустройству России должен пройти не «снизу», от крестьянства, а «сверху», от просвещенного круга демократов. Интеллигенция, следовательно, переходила к этапу «активного народничества». Не ждать народного почина, а идти к народу с целью его революционизирования. Отсюда – уверенность в необходимости «хождения в народ», столь характерного для семидесятников. Единый с точки зрения основных идейных характеристик этап состоял из существенно различных в тактическом отношении движений¹⁶.

Оценивая такой тактический сдвиг, советские историки, конструируя периодизацию разночинского этапа, еще в 1960-е гг. разошлись на две противостоящие группы. Одна из них упорно отделяла революционных демократов от революционных народников, вторая, напротив, настаивала на их глубоком идейном единстве и классовом родстве¹⁷. Начавшийся спор постепенно утих, не дав определенного результата, сторонники разных точек зрения так и остались при своих мнениях. А к 1990-м годам проблема народничества по объективным причинам утратила большую долю актуальности и отошла на периферию научных интересов, как со стороны публицистов, так и историков.

Но в советское время, подчеркнем еще раз, демократически настроенные историки возражали против чрезмерного сужения периода революционного народничества. Они резонно отмечали, что само противопоставление революционных демократов революционным народникам выглядит абсурдно. Народничество – одно из наиболее ярких проявлений демократизма русской интеллигенции. Противопоставлять эти понятия невозможно. Иначе логика и здравый смысл приносились в жертву классовому подходу.

Разгоревшиеся в 1960-е гг. споры вокруг периодизации народнического движения были симптомом и следствием наступившей после XX съезда КПСС политической оттепели. Определенным ослаблением идеологического диктата немедленно воспользовались многие историки, но главным образом молодого в ту пору поколения. Впрочем, свобода дискуссий была относительной. Замечательной особенностью тех споров было то, что буквально все их участники усердно доказывали правоту своей точки зрения с помощью обильного цитирования классиков «научного коммунизма», в первую очередь В. И. Ленина. Искусство манипулирования ленинскими цитатами достигло больших высот. Однако отношение к ленинским высказываниям оставалось статичным: любая мысль основоположника большевизма признавалась бесспорной, независимо от времени и обстоятельств ее высказывания. Поэтому споры заведомо не могли закончиться творческой победой какой-то определенной трактовки.

Поклонники традиционного для «Краткого курса» подхода (М. В. Нечкина, А. Ф. Смирнов, О. Д. Соколов) опирались на ленинские суждения о народничестве, высказанные в период ожесточенной полемики русских марксистов с легальными народниками.

Именно поэтому они выстраивали довольно странную периодизацию освободительного движения, в соответствии с которой разночинский этап начался с его высшей по качеству точки («эпохи Чернышевского»), а затем последовал идейный спад, связанный с уклоном теоретиков народничества 1870-х гг. сначала в сторону субъективной социологии, а затем и революционного террора.

Между тем В. И. Ленин как раз уверенно делил народничество на две разновидности: революционное – от А. И. Герцена до «Народной воли» и либеральное, доминирование которого он обнаруживал с 1880-х гг. и до конца разночинского этапа. Н. Г. Чернышевского, а вслед за ним корифеев революционной борьбы 1870-х гг. он неизменно противопоставлял буржуазному реформаторству либеральных народников последних десятилетий XIX в. При этом позиции легальных народников неизменно аттестовались как вырождение, деградация, пошное мещанство и т.п.¹⁸ Народничество он делил просто: старое и новое, хорошее и плохое.

Итак, историкам-ортодоксам противостояла группа исследователей, пытавшихся преодолеть узкий догматизм сторонников долго господствовавшего подхода. Примечательно, что одним из наиболее последовательных критиков противопоставления революционных демократов и народников был профессор МГУ М. Г. Седов, подвергшийся необоснованным репрессиям и реабилитированный в середине 1950-х гг. На состоявшейся в 1959 г. на истфаке МГУ конференции он выступил с докладом «В. И. Ленин о революционном народничестве». Противопоставив ленинские цитаты трактовкам «Краткого курса», Седов утверждал, что революционное народничество как идейное течение было рождено в эпоху падения крепостного права, а как практическое движение интеллигенции имело своим расцветом «хождение в народ» и политическую борьбу народовольцев¹⁹.

Живое и конструктивное обсуждение столь ответственной темы на конференции в МГУ открыло новый этап в историографии народнической проблематики. Почти три десятка лет различные аспекты истории народничества вызывали устойчивый исследовательский интерес, причем не только у историков. На страницах журнала «Вопросы литературы» вспыхнула острая и весьма плодотворная дискуссия о существовании народнической идеологии²⁰. А в начале 1960-х гг. в Институте истории СССР АН СССР возникли две по существу противостоявшие друг другу группы исследователей, одна по изучению

революционной ситуации 1859–1861 гг., а вторая по изучению общественного движения в пореформенный период.

Между двумя группами исследователей, в состав каждой, между прочим, входили весьма авторитетные историки, разгорелись нешуточные споры. Группа по изучению «первой революционной ситуации» упорно отстаивала тезис о принципиальном идейном превосходстве революционных демократов 1860-х гг. над революционными народниками 1870–1880-х гг. Их оппоненты, напротив, исходили из идейной общности интеллигентов-демократов пореформенных десятилетий и настойчиво убеждали, что весь разночинский этап общественного движения прошел под знаком идейной гегемонии народничества. Столь резкое противостояние побудило теперь уже академический Институт истории (в 1968 г. он был разделен на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории) организовать в 1966 г. широкую научную дискуссию о внутренней периодизации разночинного этапа русского революционного движения. Естественно, что на дискуссии были представлены два основных доклада (по одному от каждой группы).

Вступивший от поклонников «первой революционной ситуации» А. Ф. Смирнов отстаивал традиционную для 1940–1950-х гг. позицию: «революционные демократы» эпохи Чернышевского объявлялись подлинными историческими предшественниками большевизма, истинными и наиболее последовательными защитниками идей материализма, народной революции и социализма. Народники же следующего и последующего десятилетий трактовались как последователи в сущности вырождавшейся субъективной и идеалистической философии, интеллигентского индивидуализма и начавшегося упадка мелкобуржуазной революционности²¹.

Ярким оппонентом такое точке зрения стал саратовский исследователь Н. А. Троицкий, выступивший с докладом «К вопросу о периодизации разночинского или буржуазно-демократического этапа в русском освободительном движении». Темпераментный докладчик прямо увязал позицию руководимой М. В. Нечкиной группы с неизжитым догматизмом эпохи «культы личности». Троицкий сделал упор на доказательстве глубокой общности идейных позиций демократов пореформенного времени и настаивал на тезисе о неуклонном и поступательном развитии идеологии и практики народничества вплоть до его высшего расцвета в рамках «Народной воли»²².

Острая дискуссия завершилась внешне без особого результата. Каждая группа осталась при собственном мнении. Ослабляло позиции споривших то обстоятельство, что все они могли вести дискуссию только в рамках марксистской методологии и, во всяком случае, формально утверждали, что именно их позиция лучше всего соответствует ленинским оценкам народничества. Вот почему споры зачастую принимали схоластический характер и, с современной точки зрения, не имели серьезных научных перспектив.

И все же бесплодными прошедшие дискуссии не были. В конце концов, в научной литературе сложилось устойчивое представление о содержании и сущности народнической идеологии. Историки, в общем начали понимать друг друга, можно сказать, что они фактически договорились по вопросу об определении народничества. Примечательно, что негласное согласие по вопросу о содержании термина было достигнуто и с западными исследователями. Например, известный американский специалист М. Малиа точно также определяет народничество как систему идей русского крестьянского общинного социализма²³.

Следует учесть, что в пользу сторонников исторической реабилитации народничества в послевоенные годы начал работать международный фактор. В странах третьего мира развернулась борьба за национальное самоопределение, начался усиленный распад колониальной системы. Во многих новых государствах Африки, Азии и Латинской Америки остро встал вопрос о выборе путей социально-экономического развития. При несомненном росте влияния Советского Союза и стран социалистического лагеря немалое число новых государств выбрало некапиталистический путь развития. При этом общественная жизнь в таких государствах, как, скажем, Мали, Венесуэла или Камбоджа типологически напоминала социальную ситуацию в пореформенной России: в экономике преобладали самобытные формы народного труда, а в политической жизни повышенную роль стала играть национальная интеллигенция. Иначе говоря, в таких государствах сложились условия для возникновения своеобразных разновидностей народничества²⁴. Можно напомнить также, что к народническому типу относились в свое время идеи некапиталистического развития Китая, творцом которых по праву считался Сунь Ят-сен.

Кстати сказать, в западной историографии русское и зарубежное народничество исследовалось долго и обстоятельно. При этом чаще

всего термин «народничество» переводился словом «*populism*». Смысловая неопределенность такого термина становится очевидной при обратном переводе его на русский язык. Тем не менее, общее во всех разновидностях «популизма» виделось именно в обосновании некапиталистического выбора развития для стран, отличающихся господством традиционного аграрного общества²⁵. В СССР же и тем более в России после проведения индустриализации и коренной реорганизации сельского хозяйства социальные условия для культивирования народничества исчезли еще в довоенные годы. Поэтому странный, произвольно сконструированный термин *постнеонародничество* при исследовании современной идейной жизни российского общества не имеет реального научного смысла.

С другой стороны, кризис советской историографии, естественно последовавший вслед за распадом Советского Союза, постепенно привел к своеобразному возрождению расширительных интерпретаций народничества. Острая потребность в рационализации аграрных отношений в теперь уже независимой России побудила часть научной интеллигенции и управленцев обратиться к традициям отечественной экономической мысли эпохи нэпа. В исторической литературе появились позитивные высказывания о возрождении народничества в среде советских экономистов 1920-х гг., в первую очередь в трудах А. В. Чаянова, Н. П. Макарова и Н. Д. Кондратьева.

Однако общие тенденции развития экономики рыночного типа неизбежно вели к затуханию рассуждений о возможности восстановления давно отжившего свое общинного землевладения, уравнительного землепользования и мирского самоуправления. Народнические идеи и движения прочно стали уделом академической, в первую очередь исторической науки.

¹ Зеленин Ю. А. Советская историография классического народничества в России : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009.

² Зеленин Ю. А. Опыт периодизации истории российского народничества // Народники в истории России : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Воронеж, 2013. С. 107.

³ Там же. С. 108.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 48.

⁶ Зеленин Ю. А. Опыт периодизации истории российского народничества. С. 115.

- ⁷ Там же. С. 116–122.
- ⁸ Программа «Земли и воли» // Революционное народничество 70-х гг. XIX века. М. ; Л., 1965. Т. 2. С. 27.
- ⁹ *Седов М. Г.* Героический период революционного народничества. М., 1966. С. 45–46.
- ¹⁰ *Ткаченко П. С.* О некоторых вопросах истории народничества // Вопросы истории. 1956. № 5.
- ¹¹ *Козьмин Б. П.* Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Исторические записки. 1959. Т. 65. С. 25–35.
- ¹² *Ткаченко П. С.* Указ. соч. С. 37–38.
- ¹³ *Нечкина М. В.* Революционная ситуация в России в исходе 50-х – начале 60-х годов XIX в. (Исследовательская проблематика и основные задачи изучения) // *Нечкина М. В.* Встреча двух поколений. М., 1980. С. 342–354.
- ¹⁴ *Антонов В. Ф.* Революционное народничество. Пособие для учителей. М., 1965. С. 264–265.
- ¹⁵ *Троицкий Н. А.* Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 143–148.
- ¹⁶ *Левин Ш. М.* Общественное движение в России в России в 60–70-е годы XIX века. М., 1958. С. 292–312.
- ¹⁷ *Козьмин Б. П.* Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961. С. 647.
- ¹⁸ *Ленин В. И.* Народничающая буржуазия и растерянное народничество // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 20. С. 168.
- ¹⁹ *Колесниченко Д. А., Твардовская В. А.* Научная конференция о революционном народничестве // Вопросы истории. 1960. № 2. С. 212–214.
- ²⁰ *Худолеев А. Н.* Дискуссия о народническом этапе революционного движения (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.) // Диалог со временем. 2008. № 22. С. 254.
- ²¹ *Вандалковская М. Г., Колесниченко Д. А.* Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа революционного движения // История СССР. 1966. № 4. С. 108–111.
- ²² Там же. С. 111–114.
- ²³ *Малиа М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М., 2010. С. 45.
- ²⁴ Подробный анализ народнической идеологии и народнических движений в странах «третьего мира» содержится в книге: *Хорос В. Г.* Идеиые течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980.
- ²⁵ Подробнее см.: *Карпачев М. Д.* Истоки российской революции : легенды и реальность. М., 1991. С. 155–156.

Мокшин Г. Н.

Проблема реконструкции теории «малых дел» в отечественном народниковедении

Теория «малых дел» – это общепринятое наименование системы взглядов идеологов крайне правого народничества последней четверти XIX в. на задачи демократической русской интеллигенции. Считается, что сторонники данной теории (Я. В. Абрамов, И. И. Каблиц, С. Н. Кривенко, В. П. Воронцов и др.) призывали отодвинуть на второй план «широкие общественно-политические вопросы» и заняться «малыми делами», направленными на непосредственное улучшение народного быта. Царствование Александра III, когда взгляды правых народников получили наиболее широкое распространение, особенно в среде земской интеллигенции, также нередко называют «эпохой малых дел».

Проблема в том, что правые народники не считали себя представителями какого-то единого течения народнической мысли, связанного общей идейно-тактической концепцией, и тем более «малых дел». Да, они много писали о необходимости для развития страны «черной», «будничной» работы. Но культа «малых дел» не создавали. Большинство народников вообще предпочитало говорить не о «маленьких делах и идеальчиках», а о великой «культурной» работе. В этой связи возникает вопрос: не является ли и сама теория «малых дел» всего лишь «идеологическим клише», освещенном традицией? Для ответа на него мы попытаемся рассмотреть, как реконструировалось содержание этой теории в публицистике конца XIX в. и в исследовательской литературе XX – начала XXI в.

Первое упоминание о существовании у народников теории «малых», а точнее «маленьких» дел относится к началу 1891 г. и принадлежит Н. В. Шелгунову¹. В полемике с Я. В. Абрамовым – ведущим публицистом газеты «Неделя», который в середине 1880-х гг. призовет интеллигенцию к новому походу в деревню (на «культурную работу») – Шелгунов обвинит своего оппонента в попытке придать малым делам (труд врача, учителя, агронома и т.д.) самодеvelopующее значение, т.е. сделать их «делом всех». Против почтенной деятельности земских служащих и «культурных одиночек» Шелгунов, конечно, ничего не имел. Но, опасаясь возможности перемеще-

ния в провинцию значительной части «идейной» интеллигенции, он попытается убедить своих читателей в том, что «маленькие дела» отвлекают внимание общества от необходимости решения более важных «больших дел» (=политических преобразований). Задача, прямо скажем, непростая, если учесть последующие оценки 1880-х гг. как время реакции и аполитизма.

В статьях Шелгунова кроме учения о «малых делах» упоминаются и другие теории народников-восьмидесятников: «среднего человека», «светлых явлений» и «бодрящих впечатлений» и т.п. Стратегия автора очевидна – представить Абрамова и его единомышленников убежденными (раз у них есть цельное учение) противниками идеалов предшествующей эпохи, требующих коренных изменений существующего общественного строя. Для этого всем «теориям»² правых народников был придан морально-этический характер: как изменить жизнь к лучшему путем личного самосовершенствования и самопомощи. Разумеется, так могли думать только идеологи *мещанства* (в смысле врагов идейности и широких общественных идеалов), что и требовалось доказать. Возможность пробудить общественную энергию при помощи «заразительного примера» (успешной деятельности тех же земских служащих) категорически отрицалась³.

Позицию Шелгунова поддержали его близкие друзья – Н. К. Михайловский и С. Н. Кривенко. Правда, последний, соглашаясь с недостаточностью для улучшения положения народа одних только частных, преимущественно хозяйственных и культурных мероприятий, все-таки признавал, что «в настоящее время» и эти «маленькие дела» есть уже большая заслуга со стороны людей, задавшихся такой задачей⁴.

Симпатии Кривенко к «малоделам» вполне объяснимы. «Исчезновение новой революционной идеи в период 80-х гг. в русском обществе, – писал на рубеже 1880–1890-х гг. будущий критик «друзей народа» В. И. Ленин, – вызвало распространение убеждения, что падение абсолютизма зависит от культурного развития страны, что наиболее верный путь к его низвержению – это развитие культурных сил страны. Оппозиционный элемент пошел по пути культурной деятельности»⁵.

Споры о «малых дел» обострились после голода 1891–1892 гг. и попыток обновления идеологии и практики народничества В. П. Во-

ронцовым на страницах журнала «Русское богатство». На этот раз Кривенко поддержал не Михайловского, а Воронцова, считавшего главной задачей интеллигенции не борьбу за расширение политических свобод, а «умственный подъем массы». В одном из писем к старому товарищу Кривенко прямо писал о том, что является убежденным сторонником активной деятельности, хотя бы и «маленькой», т.к. она гораздо лучше бездействия, порождающего в обществе апатию и равнодушие к положению народа⁶. В итоге журнал раскололся, а Кривенко и Михайловский расстались навсегда.

В 1895 г. либеральный публицист Р. И. Сементковский в одной из статей громогласно заявил, что «надо сознательно, честно и по возможности дружно исполнять “маленькое дело”, к которому каждый из нас приставлен, а в общей сложности эти “маленькие дела” дадут великие результаты»⁷. Эта нехитрая формула успеха вызвала еще один виток полемики, в которой, кстати говоря, принял участие и Я. В. Абрамов. В статье «Малые и великие дела» он попытался доказать, что они друг другу не помеха, т.к. «малые дела» – это основа «культурной работы», цель которой – освобождение народа от его «ужасающего состояния». Поэтому «тихую» и «малозаметную» культурную работу, которая уже шла по всей России, он назвал «великой» по своим последствиям⁸. Конечно, критики «малых дел» допусками такой результат только после предварительного изменения общественных условий.

Итак, то, что мы называем теорией «малых дел» есть лишь *реконструкция* взглядов публицистов газеты «Неделя» их идейными противниками в условиях жесткой полемики конца 1880 – середины 1890-х гг. Ее цель – представить Абрамова и иже с ним идеологами мещанства, играющими на руку реакции. Насколько эти оценки соответствовали действительности, все ли народники-культурники противопоставляли «малые» и «большие» дела и отрицали необходимость политических преобразований, должны были установить последующие поколения исследователей.

Понятие «реконструкция», заявленное в заглавии статьи, предполагает не только определение основных положений теории «малых дел» и вытекающей из нее программы, но и установление причин ее возникновения, эволюции и кризиса (падения популярности) и, конечно же, выявление круга теоретиков, причастных к ее обоснованию и развитию. Но самое главное – это интерпретация сути

теории, ее идейной направленности, а также места и роли в истории правого народничества.

Для начала попытаемся выделить основные этапы изучения интересующей нас темы. Это: 1) 1901–1917 гг., 2) 1918–1978 гг., 3) 1979–2007 гг. и 4) с 2008 г. и по настоящее время. Принцип деления – появление новых подходов и приращение нового знания об идеологии и идеологах культурного народничества.

Первый этап – начало XX в. – это становление предмета изучения. Во-первых, в широкий оборот входит само понятие «теория “малых дел”». Его активно используют авторы первых обобщающих работ по истории позднего народничества – преимущественно неонародники и марксисты (Иванов-Разумник, Ю. Мартов, М. Неведомский)⁹. Фактически они продолжают прежнюю полемику о значении «малых дел», которая, за отсутствием ответной реакции, превращается в одностороннюю идеологическую критику.

Во-вторых, теория «малых дел» все чаще ассоциируется с взглядами Я. В. Абрамова. Масло в огонь подлил Петр Струве. В 1901 г. в заметке по поводу десятилетней кончины Шелгунова он употребил слово «абрамовщина», имея в виду «мелкие дела Абрамова и его школы», против которых «так жарко выступал покойный критик»¹⁰. А в 1915 г. в «Новом энциклопедическом словаре» Абрамов уже наречен «одним из главных выразителей течения, которое по его имени *часто* (курсив мой. – Г. М.) называлось “абрамовщиной”». Ее суть – полный отказ от идеи «пересоздания» общественного строя (настоящего «большого дела») и сосредоточение общественного внимания и энергии на «малых делах» и «тихой культурной работе» (идти в учителя, земские врачи и статистики, бороться с кулачеством и т.п.)¹¹.

В данном тексте обращается на себя внимание очень узкая трактовка понятия «культурная работа», которая ставится в один ряд с «малыми делами» народников 1880-х гг. Во многом это заслуга первых русских марксистов, которые еще в 1890-е гг., во время полемики с легальными народниками, придумали для их идеологии особое название – «культурничество». Это слово происходит не от почетной для всех народников «культурной работы» (необходимого условия построения социализма), а от «буржуазного» слова «культурник». По понятиям всех тогдашних радикалов – это тоже что и «культуртрегер» – распространитель «мелкой» мещанской культу-

ры. Не случайно Иванов-Разумник назовет теорию «малых дел» – мещанской теорией «житейского благополучия», отражающей взгляды «среднего человека» – представителя толпы¹².

Именно в дореволюционной литературе утвердился миф о том, что главное зло позднего народничества и символ его идейного разложения – это не призыв к занятию «малыми делами», которые «не оспаривал никто и никогда», а *возведение их в теорию*, превратившую великую идею «непрерывности и постепенности» развития в «плоское постепенство». Правда, изначально, у того же Шелгунова, речь шла лишь о неудачных *попытках* восьмидесятников придать своим идейно-тактическим установкам вид теории. Но из-за того что они «узкие практики» и в их статьях текущий материал довлеет над теоретическими обобщениями, стройной теории явно не получилось. Так что «до ума» ее довел сам Шелгунов.

Негативное отношение к идеологии и практике «малых дел», обусловленное резкой политизацией русского общества в начале XX в., привело к появлению еще одного подхода к интерпретации истории культурно-народнического направления. Он основывался на тезисе о существовании у правых народников учения о так называемой «органической культурной работе». Это понятие ввел в литературу первый биограф С. Н. Кривенко Е. Д. Максимов. Глубинный смысл «культурной работы», по Максиму, заключался в идее подготовки нового народно-социалистического строя *параллельно* с разрушением старого – буржуазного. По большому счету этой деятельностью занимались все народники (от Н. Г. Чернышевского до Н. К. Михайловского). Одни из них работали над подъемом благосостояния и общей культуры народа, другие, а именно Кривенко и его окружение, посвятили себя культурной работе «высшего порядка»: проведению в жизнь отдельных начал будущего строя. С этой точки зрения, разрабатываемые Кривенко программа и тактика реформирования русской жизни не имели ничего общего ни с толстовством, ни с теорией «малых дел» Якова Абрамова¹³.

Высокую оценку культурническому движению народников дал также известный русский марксист-меньшевик А. Н. Потресов, который заметил в нем «начатки политического воспитания масс культурных работников». Но и он призывал не смешивать это широкое общественное движение, охватившее русское общество после голо-

да 1891–1892 гг., с «малыми делами» публицистов «Недели» – порождением реакции 1880-х гг.¹⁴

Последующие 60 лет в историографии темы пришлось на советский период. Конечно, марксистская интерпретация идеологии правого народничества не способствовала ее объективному изучению. Особенно при И. В. Сталине, когда в исторической литературе окончательно утвердился известный марксистский тезис о «либеральном перерождении» народничества в 80–90-е гг. XIX в. Теперь если и писали о теоретиках «малых дел», то в основном в контексте ленинской критики их культурно-оппортунистической программы. Кстати, выражение «теория “малые дел”» Ленин не использовал из-за его отсутствия в народнической литературе.

К главным достижениям советских историков в осмыслении «пресловутой» теории «малых дел» (так и писалось в энциклопедиях) мы можем отнести: во-первых, признание ее ядром идеологии правого народничества (включая и его «культурническую программу либерального толка»); во-вторых, постановка вопроса об авторстве. Первым, кандидатом на эту роль естественно оказался Абрамов. А первым исследователем, заявившим о его авторстве в безапелляционной форме, видимо, был Б. П. Козьмин – один из самых авторитетных отечественных народниковедов 1930–1950-х гг.¹⁵ Следующий шаг в 1965 г. сделала В. А. Твардовская – автор статьи о теории «малых дел» в «Советской исторической энциклопедии». В ней также категорично утверждалось, что данная теория «выдвинута в России в сер[едине] 80-х гг. на страницах журн[ала] “Неделя” Я. В. Абрамовым. Ее поддержали и развивали И. И. Каблиц, С. Н. Южаков, С. Н. Кривенко и др. либеральные народники»¹⁶. Поскольку это была позиция официальной советской науки, ее придерживались все тогдашние историки народничества.

Что касается оценок теории «малых дел», то и здесь у советских исследователей царил полное единомыслие. Стремление поздних народников к улучшению отдельных сторон пореформенной русской жизни, вместо попыток ее коренного переустройства преподносилось как проявление упадка народнической мысли. Особенно важен тезис о признании теоретиками «Недели» наличия в России капитализма. В свете этого факта ставка восьмидесятников на «усиление» общества, которое все более обуржуазивалось, делала их идеологами [мелкой] буржуазии.

Собственно научное изучение теории «малых дел» началось в СССР лишь на излете 1970-х гг. Концептуальная разработка ее становления и развития принадлежит В. И. Харламову. Примечательно, что это впервые делается в контексте истории «культурнического» течения в народничестве. Благодаря Харламову этот термин возвращается в научный обиход.

По справедливому замечанию исследователя, понятие «культурничество» шире теории «малых дел». Данная теория – ядро идеологии так называемого «неделизма», т.е. не всего легального народничества, а только его правого (либерального) крыла¹⁷. Этот новый подход позволит Харламову отодвинуть время формирования теории «малых дел» с середины 1880-х на рубеж 1870–1880-х гг. и назвать ведущим ее создателем И. И. Каблиця-Юзова – первого сложившегося идеолога «культурнического» народничества¹⁸. Именно Каблиц дал этой теории социологическое обоснование: необходимость согласования содержания и темпов общественных преобразований с уровнем развития народа. При этом Харламов уточнил, что одновременно с публицистами «Недели» над разработкой основ теории «малых дел» трудились сотрудники и других народнических изданий (В. С. Пругавин, Г. П. Сазонов, С. Я. Капустин, С. Н. Южаков, В. П. Воронцов и др.)¹⁹. Что же касается Я. В. Абрамова, то он стал идеологом культурничества на несколько лет позже Каблиця-Юзова и в основном занимался практической стороной работы народолюбивой интеллигенции в деревне²⁰.

В. И. Харламов первым сформулировал основные положения теории «малых дел», как они были обозначены Каблицем и его предшественниками. Это, прежде всего, отказ от мысли поднять народ на революцию, провозглашение необходимости неотложной помощи народу, пропаганда общинных и артельных форм хозяйствования, призыв к нравственному самосовершенствованию интеллигенции, «отказ от унынья и разочарования, охватившего значительные слои населения в период политических репрессий правительства» и призыв к культурной работе «засучив рукава»²¹.

Однако общее содержание идеологии «малых дел» Харламов трактует в русле сложившейся историографической традиции, делая акцент на ее аполитизме и отказе от попыток непосредственного введения социализма в России. Газета «Неделя», пишет историк, «практически перестает говорить о возможности минования Россией ка-

питалистической фазы развития и изыскивает пути безболезненного приспособления крестьянской общины к капиталистическим порядкам. Последним публицистом “Недели”, кто отстаивает идею минования капиталистической фазы, был С. А. Приклонский»²².

В конечном итоге, Харламов пришел к выводу, что народническая теория «малых дел» была демократичной, поскольку ориентировала народолюбивую интеллигенцию на помощь крестьянству в его повседневной борьбе за свое существование. И она же была «реакционной», поскольку выступала в качестве социалистической доктрины с претензией решать коренные социальные проблемы страны, но объективно уводила широкие народные массы с пути революционного преобразования общества²³.

Заметим, что данная позиция не лишена противоречий. С одной стороны Харламов признает теорию «малых дел» частью социалистической доктрины народников-культурников, с другой пытается доказать, что они отказались от идеи некапиталистического развития страны.

С трудов Харламова на рубеже 1970/80-х гг. начинается становление современного подхода к изучению либерально-культурнического течения в народничестве. Его основа – анализ идеологии народничества исходя из внутренней логики ее развития, а не со слов идейных противников, чем грешили историки-марксисты. Но до признания того, что культурническая деятельность интеллигенции не менее важна, чем ее революционная миссия пройдет еще десять лет. Лишь в начале 1990-х гг. в историко-публицистических статьях М. Колерова будет впервые заявлено о том, что только после перехода к выполнению своих прямых профессиональных обязанностей в эпоху так называемых «малых дел» русская интеллигенция, наконец, превратилась в «живую силу общественного строительства», преодолев свой застарелый комплекс «лишних людей» и «отщепенцев»²⁴.

В 1990-е гг. теория «малых дел» становится предметом изучения в целом ряде специальных трудов по истории правого народничества, включая две обобщающие монографии²⁵. Их авторы – Б. П. Балухев и В. В. Зверев – подготовят для современных энциклопедий соответствующие статьи, отражающие два разных подхода к осмыслению темы – *неомарксистский* и *неонароднический*²⁶. Если Балухев попытается сгладить разногласия между сторонниками «малых» и «больших дел», считая их не принципиальными (все *не* революцио-

неры – малodelы), то Зверев, наоборот, увидит в них столкновение двух несовместимых концепций общественных преобразований: или длительное приспособление к новым (буржуазным) порядкам, или относительно быстрое их разрушение и переход на социалистический путь развития страны²⁷.

В целом же, благодаря пересмотру отношения официальной науки к идее «постепенного внедрения цивилизации в тело России», с идеологов «малых дел», наконец-то, будут сняты ярлыки «реакционеров» и «оппортунистов». Историки впервые подробно проанализируют основные доводы народников в защиту их культурнической программы (критика насилия как движущей силы прогресса, неготовность народа к радикальному изменению его быта, необходимость развития самосознания и самодеятельности основного населения страны и т.п.).

В 1997 г. журнал «Отечественная история» опубликует сразу две «сочувственные» статьи об Я. В. Абрамове, что означало окончательную реабилитацию теории «малых дел» в глазах научного сообщества²⁸. После этого имя Абрамова появится в вузовских и даже школьных учебниках. Однако споров вокруг его идейного наследия (особенно о вкладе мыслителя в развитие идеологии позднего народничества) меньше не станет. Просто деидеологизация исторической науки сделает их более содержательными и конструктивными. Ведь теперь народниковеды опираются не на ленинские цитаты, а на труды самих народников.

Более подробный анализ взглядов П. П. Червинского, И. И. Каблицы, Л. Е. Оболенского и, разумеется, Я. В. Абрамова позволил:

во-первых, уточнить вопрос о родоначальниках и времени становления теории «малых дел»: Червинский, Каблиц и Оболенский заложили ее основу (учение о служебной роли интеллигенции в жизни народа и общества), а Абрамов завершил оформление теории, дополнив ее программой практических действий интеллигенции в деревне; новые хронологические рамки данного процесса – вторая половина 1870-х – середина 1880-х гг.²⁹;

во-вторых, сформулировать основные положения теории «малых дел». Лучше всего с этой задачей справился В. В. Зверев. Он выделяет три ее составные элемента: 1) признание капиталистической эволюции страны, 2) призыв к «образованному обществу» направить усилия на помощь русской деревне; 3) разработка целого ряда

практических мер по просвещению народа и улучшению его материального положения³⁰.

Сложнее оказалось установить степень влияния идей теоретиков «малых дел» на так называемую «трудовую» интеллигенцию – представителей массовых интеллигентских профессий. Считается, что призыв Абрамова к новому деполитизированному походу в деревню нашел отклик в сердцах тысяч учителей, врачей, фельдшеров, агрономов, статистиков, составивших основной костяк земских служащих – «третьего элемента». На этот счет появился даже специальный термин – «второе хождение в народ»³¹. Только не вполне понятно, о каком времени идет речь: о второй половине 1880-х гг. («хождении в земство») или о массовом участии интеллигенции в помощи крестьянам – жертвам голода 1891–1892 гг.

Начало новейшего этапа в историографии теории «малых дел» мы относим к 2008 г., когда на родине Я. В. Абрамова в г. Ставрополе стараниями проф. В. М. Головки прошли первые научные «Абрамовские чтения» и началось регулярное издание коллективных сборников трудов³². Именно Головки, кстати, доктору филологических наук и лучшему знатоку Абрамова как писателя, принадлежит первая попытка представить своего героя не как ортодоксального народника, живущего задачами текущего дня, а как идеолога «демократического просветительства», утверждавшего необходимость работы в народе в целях обеспечения мирного, постепенного социокультурного прогресса³³.

Современные исследования также показывают, что в народническом лагере Я. В. Абрамов был гораздо ближе к широкому культурничеству С. Н. Кривенко, чем к крестьянофильскому народничеству И. И. Каблицы-Юзова. По крайней мере, его нельзя заподозрить в пренебрежительно-враждебном отношении к «идейной» русской интеллигенции и ее великой культурно-просветительской миссии³⁴.

Проблема, однако, не в том, какие идеалы исповедовал сам Абрамов, а в той откровенно аполитичной программе «малых дел», которую он защищал на страницах газеты «Неделя» середины 1880-х – конца 1890-х гг. Могла ли эта программа стать реальной альтернативой новой волне политизации, захватившей русское общество в середине 1890-х гг.? Увы, нет. По мнению большинства российских исследователей, фатальная незавершенность политических преобразований препятствовала успешной реализации культурнической

деятельности народников. Не случайно с начала 1890-х гг. влияние Абрамова на умы демократической интеллигенции начинает снижаться, а сам он из Петербурга перебирается в Ставрополь, где со временем становится гласным городской думы.

Что касается других теоретиков правого народничества – П. А. Гайдебуров, В. С. и А. С. Пругавины, П. А. Соколовский, Г. П. Сазонов, С. Н. Южаков, то они пока остаются в положении «сочувствующих» теории «малых дел», т.к. их вклад в ее становление и развитие пока не изучен. Зато установлено, что В. Воронцов и С. Кривенко, хотя и поддерживали «малые дела», но не являлись их теоретиками. Это не ортодоксальные народники круга Каблиця-Оболенского, а центристы, признававшие необходимость политического перевоспитания масс (т.е. они были сторонниками социально-политической концепции общественных преобразований)³⁵.

К сожалению, размеры статьи не позволяют дать более подробную характеристику основных этапов изучения теории «малых дел». Поэтому в заключении мы остановимся лишь на самых важных подвижках в ее реконструкции и современном состоянии проблемы.

Начнем с причин возникновения теории «малых дел». Ответ историков на данный вопрос зависел от того, кто признавался ее автором. Первоначально, еще в дореволюционной литературе считалось, что теория зародилась в трудах Абрамова как реакция на разгром революционного движения в царствование Александра III. В конце 1970-х гг., когда В. И. Харламов называет «ведущим создателем» теории И. И. Каблиця-Юзова, выясняется еще одна причина – террористическая деятельность народовольцев. И, наконец, уже в середине 1990-х гг., с добавлением В. В. Зверевым к кругу теоретиков «малых дел» П. П. Червинского, ее истоки начинают искать в неудачном «хождении в народ» 1874–1875 гг. И этот список причин может быть увеличен, т.к. отдельные положения теории «малых дел» историки находят у А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и даже у П. Л. Лаврова³⁶. Это означает, что генезис рассматриваемой теории начался еще в 1860-е годы, как и идеологии всего культурного народничества.

Если учесть, что становление теории «малых дел» достаточно длительный процесс (минимум десять лет), все указанные причины имели место. И сводятся они к одному. Данная теория – это ответ ортодоксальных народников «Недели» на неудачные попытки рево-

люционных народников решить «народный вопрос» одним махом, перевернув пирамиду власти путем всенародного бунта или политического заговора.

Суть теории «малых дел», ее основополагающая идея – это, пожалуй, одна из главных загадок, которую наши народниковеды решали с начала XX в., но убедительного ответа так и не нашли. И дело здесь не столько в сложности предмета изучения, сколько в используемых подходах, не позволяющих исследователям перестать быть *частью* интеллигентского дискурса о путях развития страны (так сказать, стать над «схваткой»).

Вплоть до конца 1970-х гг. историки описывали данную теорию не по трудам самих народников, а со слов ее критиков. В этом, конечно, были свои резоны. Основные положения теории первыми сформулировали Н. В. Шелгунов и его единомышленники. И они не случайно взяли за основу понятие «малые дела», а не, скажем, «черная» или «муравьиная» работа, к которой еще на рубеже 1870–1880-х годов усиленно призывал Л. Е. Оболенский³⁷.

Само название теории указывает на то, что ее защитники не приемлют «большие дела»: революцию, политику, социализм и вообще все вопросы, касающиеся изменения существующего строя. В отказе от «больших» дел якобы и заключался ее смысл. Видимо, только таким путем можно было заставить «идейную» русскую интеллигенцию увидеть во всех правых народниках «идеологов мещанства», «культурнических оппортунистов» и даже скрытых врагов трудового народа.

В 1990-е гг. критика теоретиков «малых дел» заметно ослабла. Их отрицательное отношение к идее революционного переворота из очевидной слабости превратилось в показатель гражданской и социальной зрелости. Но неожиданное звучание получил вопрос об отношении правых народников к социализму.

Новое поколение исследователей, как правило, рассматривает историю легального народничества в контексте взаимодействия двух его течений: политического и культурничества. По мнению известного народниковеда В. В. Зверева, принципиальная разница между ними в отношении к идеалу народнического социализма. Теория «малых дел», по сути, была направлена на адаптацию крестьянского хозяйства к условиям рыночной экономики и товарно-денежных отношений³⁸. Это не делало культурников идеологами мел-

кой буржуазии (на чем настаивали русские марксисты), но и в праве называться социалистами им тоже было отказано. Таковыми признавались только народники-политики из журнала «Русского богатства» во главе с Н. К. Михайловским, которые «отчетливее, чем “культурники” видели, как капиталистическое хозяйство разрушало привычные условия крестьянской жизни»³⁹.

Однако тезис о том, что можно быть идеологом классического народничества и не разделять его социалистических идеалов выглядит не очень убедительно. Видимо по этой причине большинство современных исследователей полагают, что культурники отказались не от идеалов, а от идеи *непосредственного* перехода к социализму⁴⁰. К концу 1870-х гг. многим народникам стало понятно, что русский мужик консерватор и монархист. В этих условиях перейти к народно-социалистическому строю можно было только через политическое насилие (в том числе и над народом), чреватое построением «бюрократического» социализма. Поэтому П. П. Червинский и И. И. Каблиц-Юзов отстаивали идею развития культурной самобытности народа, включая его миросозерцание.

На наш взгляд, «культурников» и «политиков», прежде всего, разделяли разные концепции общественных преобразований: социальная и политическая, и соответственно разные тактики действий: «для народа и через народ» и «для народа, но без народа». «Культурники», включая Я. В. Абрамова, не без оснований полагали, что главным препятствием на пути к социальному прогрессу являются *народная нищета и невежество*, по мере устранения которых, народ сможет выступить в качестве самостоятельной общественной силы. Иными словами, в основе теории «малых дел», а точнее «культурной работы», лежала идея о том, что «внутреннее» развитие народа, его культуры и самодеятельности – есть основное условие его «внешнего» освобождения. Каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает. Старая истина. Но могли ли народники-культурники 1880–1890-х гг. оказать существенное влияние на понимание радикальной интеллигенцией задач русского освободительного движения?

Определение места и роли теории «малых дел» в общественной жизни пореформенной России – это еще одно «яблоко раздора» для отечественного народниковедения.

Долгое время считалось, что так называемая «культурная деятельность» в отрыве от «политики» – бесплодна как песок в пустыне. Социальная работа, не поддержанная государственными ресурсами, не могла искоренить ни народной нищеты, ни безграмотности подавляющего большинства населения страны.

Российские историки существенно подкорректировали эту точку зрения. Изучение истории земства, кооперации, деятельности всевозможных культурно-просветительских учреждений показало, что «малые дела» народников не столь уж и малы. И «количество», действительно, могло перерасти в «качество». Особенно, когда общественные начинания получали поддержку правительства (например, в деле организации народного кредита)⁴¹. В 1997 г. Б. С. Итенберг в предисловии к посмертному сборнику статей В. И. Харламова, отмечая огромный вклад, который внесли «либеральные народники» в российскую жизнь, посетовал о том, «как могло радикально измениться экономическое положение страны, если бы тогда прислушались к голосу этих самоотверженных людей»⁴².

В этой связи интересна попытка М. Ю. Лачаевой, автора учебника по отечественной историографии, по-новому определить место правых народников в истории «классического» русского народничества 1870–1890-х гг. Общую тенденцию развития этого движения она предлагает рассматривать как последовательную эволюцию от просвещения к террору и затем возвращение, после тяжелых потерь, к социокультурной деятельности⁴³.

Пока у этой концепции очень слабые перспективы. Ведь в трудах народниковедов критика аполитизма теории «малых» дел до сих пор перевешивает ее позитивные стороны.

Во-первых, главная задача освободительного движения 1861–1905 гг. заключалась в борьбе за расширение политических прав и свобод, что и было достигнуто в октябре 1905 г. Во-вторых, аполитизм легальных народников 1880-х – начала 1890-х гг. во многом носил вынужденный характер (общество находилось в состоянии политической «спячки»). И, наконец, в начале XX в., вместе с очередной радикализацией общественного движения, все народники-культурники, включая С. Н. Кривенко и В. П. Воронцова, оказались на его обочине.

Нельзя, однако, не вспомнить, что так называемая «победа» русского освободительного движения (свержение самодержавия в 1917 г.

и провозглашение России республикой), без достаточных на то социокультурных предпосылок, обернулась построением казарменного социализма. Но это, как говорится, уже другая история.

¹ [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1891. № 4. С. 186–187.

² Теория (в данном контексте) – доктрина или план действия, не проверенный на практике или неприменимый в жизни. См.: Теория // Иллюстрированный словарь иностранных слов. 2-е изд. Одесса, 1916. С. 335.

³ [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1888. № 11. С. 170–171.

⁴ [Кривенко С. Н.] Из провинциальной печати // Северный вестник. 1891. № 1. С. 41.

⁵ Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении : идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX века). М., 2000. С. 366.

⁶ См.: Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 234.

⁷ Сементковский Р. И. Общественные мотивы современных беллетристик // Исторический вестник. 1895. № 3. С. 812.

⁸ Абрамов Я. Малые и великие дела // Книжки «Недели». 1896. № 7. С. 227.

⁹ Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. М., 1997. Т. 3. С. 53, 68; Мартов Ю. Общественные и умственные течения в России 1870–1907 гг. Л.; М., 1924. С. 71; Неведомский М. 80-е и 90-е годы в нашей литературе // История России в XIX веке. СПб., 1911. Т. 9. С. 19.

¹⁰ Струве П. На разные темы // Мир божий. 1901. № 6. С. 27.

¹¹ Фомин А. Абрамов Я. В. // Новый энциклопедический словарь. СПб., 1915. Т. 1. С. 77.

¹² Иванов-Разумник. Указ. соч. С. 51, 60.

¹³ [Максимов Е. Д.] Слобожанин М. К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии // Жизнь для всех. 1909. Декабрь. Стлб. 49, 51, 54.

¹⁴ [Потресов А. Н.] Старовер. Этюды о русской интеллигенции : сб. ст. СПб., 1906. С. 172.

¹⁵ Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России : избр. тр. М., 1961. С. 725.

¹⁶ Твардовская В. А. «Малых дел теория» («абрамовщина») // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. Стлб. 980.

¹⁷ Харламов В. И. О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 10. С. 110.

¹⁸ Харламов В. И. Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников // Из истории общественно-политической мысли России XIX в. М., 1990. С. 111.

¹⁹ Харламов В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. // Революционеры и либералы России : сб. ст. М., 1990. С. 165.

²⁰ Харламов В. И. Из истории либерального народничества в России в конце 70-х – начале 90-х годов XIX в. Общественно-политические воззрения Каблицы /Юзова/ : дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 55. В числе разработчиков теории «малых дел» В. И. Харламов называет также С. Н. Кривенко. Но он выступил в защиту «малых дел» еще позже Я. В. Абрамова – на рубеже 1880/90-х гг.

²¹ Харламов В. И. Каблиц (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70–80-х годов XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1980. № 4. С. 50.

²² Харламов В. И. Из истории развития либерально-народнической мысли в пореформенной России [1982 г.] // «Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005. С. 704.

²³ Там же. С. 715.

²⁴ Колеров М. Дитя несвободы. Рождение и смерть интеллигенции // Знание-сила. 1992. № 2. С. 109.

²⁵ См.: Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995; Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997.

²⁶ См.: Балуев Б. П. «Малых дел» теория // Отечественная история : Энциклопедия : в 5 т. М., 2000. Т. 3; Зверев В. В. «Малых дел» теория // Общественная мысль России XVIII – начала XX века : Энциклопедия. М., 2005.

²⁷ Подробнее см.: Мокшин Г. Н. Основные концепции истории легального народничества в современной отечественной историографии // История и историография правого народничества : сб. ст. Воронеж, 2014.

²⁸ См.: Новак С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4; Зверев В. В. Эволюция народничества : «теория малых дел» // Там же.

²⁹ См.: Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. Раздел 3. Гл. 2, 3; Раздел 5. Гл. 1; Мокшин Г. Н. Л. Е. Оболенский как идеолог легального народничества 1880-х гг. // Вестник ВГУ. Сер. 1, Гуманит. науки. 2003. № 2.

³⁰ Зверев В. В. «Малых дел» теория. С. 269.

³¹ См.: Харламов В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. С. 178, 180; Новак С. Я. Указ. соч. С. 84; Лачаева М. Ю. Исторические представления народников //

Историография истории России до 1917 года : учебник для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 336.

³² См.: За лучшую будущность России : к 150-летию со дня рождения Я. В. Абрамова. Ставрополь, 2011; Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под ред. проф. В. М. Головки. Ставрополь, 2013; и др.

³³ Головки В. М. Габитус Якова Абрамова как просветителя и писателя // Экскурсия в мир литературы Ставрополья. Ставрополь, 2008; *Он же*. Я. В. Абрамов : Мироззрение. Метод. Поэтика. М., 2015.

³⁴ Касторнов С. Н. Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 44.

³⁵ Подробнее см.: Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. С. 212–227.

³⁶ См.: Козьмин Б. П. От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». Очерки по истории народничества. М., 1933. С. 156; Жвания Д. Д. Народники-реформисты о крестьянской общине в 70–90-е гг. XIX в. (В. П. Воронцов, И. И. Каблиц, П. А. Соколовский) : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 73.

³⁷ См.: [Оболенский Л. Е.] Н. Н. Возможно ли работать только для прогресса // Мысль. 1880. № 12. С. 243, 244.

³⁸ Зверев В. В. «Малых дел» теория. С. 269.

³⁹ Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. С. 363.

⁴⁰ Подробнее см.: Мокшин Г. Н. Культурническое народничество и социализм // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2012. № 1.

⁴¹ Хорос В. Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 80.

⁴² Итенберг Б. С. Предисловие // Харламов В. И. Книга. Библиотека. Культура : Аспекты теории и истории; Воспоминания о В. И. Харламове. М., 1998. С. 205.

⁴³ Лачаева М. Ю. Указ. соч. С. 337.

Зеленин Ю. А.

**К вопросу о значении мировоззрения Л. Н. Толстого
и его принадлежности к народничеству
(историографический аспект)**

Будущий историк наших идеологий не обойдет проповеди Толстого, на которую он укажет, как на характерный эпизод в развитии русского народничества.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский

Вопросы о ценности мировоззрения Л. Н. Толстого в сравнении с его художественным творчеством и о его идеологической принадлежности остаются до сих пор дискуссионными. Это вызвано рядом причин: сложностью и оригинальностью взглядов Толстого, менявшихся на протяжении всей его долгой жизни; отсутствием единого понимания у исследователей таких терминов как «религия», «анархизм», «социализм», «народничество», «консерватизм», «реакционность» и т.д.; субъективностью оценок идеологической идентичности Толстого исследователями, принадлежащими к различным парадигмам (от консерватизма до марксизма) и т.д.

Сначала рассмотрим концепции, дающие оценки значимости мировоззрения Льва Толстого в сопоставлении с его художественным творчеством. Еще при жизни этого «титана духа» складывается так называемая концепция «двух Толстых». На ранних этапах эта концепция сводилась часто к формальному противопоставлению Толстого-художника Толстому-мыслителю. Так, в 1875 г. идеолог эволюционного народничества Н. К. Михайловский в своей статье «Десница и шуйца Льва Толстого» констатировал следующее: «Репутация гр. Толстого двойственна: как из ряду вон выходящего беллетриста и как плохого мыслителя. Эта репутация обратилась уже в какую-то аксиому, не требующую никаких доказательств»¹.

Концепции «двух Толстых» придерживались исследователи различных направлений. Народнический критик А. М. Скабичевский в статье «Разлад художника и мыслителя», анализируя роман Толстого «Анна Каренина», подчеркивал, что «художник... презрел мыслителя, возмутился против него, пошел своей дорогой..., уничтожил все те перегородки, которые наставил мыслитель...»².

Основоположник русского марксизма В. Г. Плеханов считал Льва Толстого «...гениальным художником, но крайне слабым мыслителем»³.

Подобных же взглядов в 1912 г. придерживался религиозный философ Н. А. Бердяев, утверждавший, что Л. Н. Толстой «...гениальный художник и гениальная личность, но он не гениальный и даже не даровитый религиозный мыслитель. Ему не дано было дара выражения в слове, изречения своей религиозной жизни, своего религиозного искания»⁴.

Своеобразную интерпретацию концепции «двух Толстых» разработал русский философ-экзистенциалист Л. И. Шестов. Он уже не противопоставляет гениального художника и бездарного мыслителя как прочие исследователи мировоззрения Толстого. Шестов противопоставляет, прежде всего, Толстого-философа Толстому-проповеднику. Как раз в своем лучшем художественном произведении «Война и мир» Лев Толстой проявился как «...философ в лучшем и благороднейшем смысле этого слова...»⁵. По его мнению, «Сказать про гр. Толстого, что он – не философ, значит отнять у философии одного из виднейших ее деятелей. Наоборот, философия должна считаться с гр. Толстым как с крупной величиной, хотя его произведения и не имеют формы трактатов и не примыкают к какой-нибудь из существующих школ. ...вся творческая деятельность его была вызвана потребностью понять жизнь, т.е. той именно потребностью, которая вызвала к существованию философию»⁶. Но поздний Толстой, по его мнению, перестает быть философом и становится проповедником, подобно Ф. М. Достоевскому и Ф. Ницше. Разница только в том, что если Толстой и Достоевский проповедуют добро (делят людей на праведников и грешников), то Ницше проповедует аристократизм (делит людей на высших и низших). Однако причина отхода от философии и обращение к проповеди у них одна: «Нужно оправдать как-нибудь себя, нужно забыть прошлое, нужно спастись, избавиться от страшных вопросов, на которые нет настоящих ответов... А в проповеди, в возможности негодовать и возмущаться – лучший исход, какой только можно придумать для бушующей в душе бури»⁷.

Авторы, которые считают мировоззрение Льва Толстого по ряду позиций близким к своему мировоззрению, придерживаются концепции «противоречивый Толстой»⁸. Так, Н. К. Михайловский отмечает противоречия взглядов Толстого, пронизывающие все его

творчество. Мироззрение Толстого, по его мнению, сочетает в себе одновременно два по сути несовместимых «типа социологического исследования» антииндивидуализм (шуйца) и индивидуализм (десница): «Одни исследователи принимают за точку отправления судьбы общества или цивилизации, сводят задачу науки к познанию существующего и не могут или не желают дать руководящую нить для практики. Другие отправляются от судеб личности, полагая, что общество и цивилизация сами по себе цены не имеют, если не служат удовлетворению потребности личности; далее эти исследователи думают, что наука обязана дать практике нужные указания и изучать не только существующее, а и желательное»⁹.

Как отмечает советский исследователь Н. С. Козлов это «...с одной стороны, убежденный демократизм, сила мысли («десница»), с другой стороны – исторический фатализм, недоверие к разуму («шуйца»)»¹⁰. По его мнению, позиция Н. К. Михайловского, несмотря на всю его значимость для своего времени, не дала ответа на вопрос «о классовых и исторических корнях идейных противоречий писателя, так как Михайловский считал их противоречиями самой личности Толстого»¹¹.

В. И. Ленин тоже полагал, что мироззрение Толстого противоречиво и содержит в себе как прогрессивные (революционные, демократические, социалистические), так и реакционные элементы. Сильные и слабые стороны Толстого как мыслителя обусловлены конкретными историческими условиями и являются отражением психологии и идеологии русского крестьянства: «...быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых “устоев” старой России... отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя»¹².

По мнению Н. С. Козлова, развивающего взгляды основоположника ленинизма на толстовское мироззрение, «говоря о реакционности учения Толстого, Ленин, безусловно, имел в виду объективно реакционный смысл его учения вопреки субъективным намерениям его создателя»¹³. К наивным, реакционным чертам мироззрения Толстого исследователь относит осуждение научно-технического прогресса, призывы к опрощению и духовному самосовершенствованию, ограничение хозяйства сельскохозяйственным трудом, провозглашение религии руководящим началом жизни, проповедь непротивления и ненасилия, идея классового мира между угнетенными и привилегированными классами¹⁴.

Следует еще выделить концепцию «целостный Толстой», сторонники которой зачастую высоко оценивают учение Льва Толстого (чаще всего это его последователи, например, В. Ф. Булгаков¹⁵) или, по крайней мере, считают его цельным единым мировоззрением без особых противоречий (П. А. Сорокин)¹⁶.

Также исследователи спорят о сущности толстовского мировоззрения. Все эти авторские концепции можно разделить на две большие группы: одни считают мировоззрение Льва Толстого религиозным в той или иной степени; другие – нерелигиозным. Начнем с первой группы исследователей. По мнению религиозного философа В. В. Зеньковского, Л. Н. Толстой был христианским мыслителем довольно близким к православному учению. Он отмечает, что духовный кризис Толстого закончился полным разрывом с секулярным миропониманием и переходом к религиозному отношению к жизни. Зеньковский называет мировоззрение Толстого «мистическим имманентизмом» – мистическим учением о жизни и человеке, не тождественным как православному учению, так и секулярному мировоззрению¹⁷. Но религиозному мировоззрению Толстого, по его мнению, присуща внутренняя противоречивость: «...странное сочетание мистической взволнованности с очень плоским и убогим рационализмом, сочетание горячей, страстной и искренней преданности Христу с отрицанием в Нем надземного, Божественного начала вскрывает внутреннюю дисгармонию в Толстом...»¹⁸. Он считает что, расхождение Толстого с православием было недоразумением, так как «...Толстой был горячим и искренним последователем Христа, а его отрицание догматики, отрицание Божества Христа и воскресения Христа было связано с рационализмом, внутренне совершенно несогласуемым с его мистическим опытом. Разрыв же с миром, с секулярной культурой был у Толстого подлинным и глубоким, ни на каком недоразумении не основанным»¹⁹.

Н. А. Бердяев полагал, что «мироощущение и мирознание Льва Толстого вполне внехристианское и дохристианское во все периоды его жизни»²⁰. Он характеризует ее как языческую, ветхозаветную религию: «Религия Л. Толстого хочет знать лишь Отца и не хочет знать Сына; Сын мешает ему выполнить собственными силами закон Отца»²¹. По мнению Бердяева, религия Толстого ближе к буддизму, чем к христианству, т.к. является религией самоспасения и сострадания, не знает личности Бога и личности спасаемого²². Учение Л. Толстого

о Боге он расценивает как особую форму пантеизма, в которой не существует как божественной, так и человеческой личности²³.

Советский философ Д. Ю. Квитко утверждал, что толстовское мировоззрение, в основе которого лежали идеи «живого бога», «свободы», «любви» и «абсолютного равенства» (или «братства»), было смесью христианства и буддизма²⁴. Причем, по его мнению, «...толкование “христианства”, которое он старался очистить и восстановить в оригинальном виде, если об оригинальном виде вообще можно говорить, гораздо ближе к буддийскому учению, чем к тому, что известно под именем исторического христианства»²⁵. Он считал, что все его учение проникнуто пессимизмом и квиетизмом.

Вторая группа концепций представлена тоже большим количеством версий. Нерелигиозным мыслителем Льва Толстого считали, прежде всего, представители государственной власти и православной церкви. Так прочитав драму «Власть тьмы», Александр III потребовал запретить ее продажу: «Надо бы положить конец этому безобразию Л. Толстого, – писал он министру внутренних дел. – Он чисто нигилист и безбожник»²⁶. О. Иоанн Кронштадский в своих проповедях характеризовал Толстого за критику им православной церкви и ее догматов, как антихриста, богоотступника и богохульника²⁷.

По мнению Л. И. Шестова, несмотря на то, что Л. Н. Толстой постоянно ссылается на Евангелие, «христианского в его учении очень мало. Если приравнивать его к св. Писанию, то разве к Ветхому Завету, к пророкам, которых он напоминает характером своей проповеди и требовательности. Он не хочет убедить людей – он их запугивает»²⁸. Более того, вера Толстого, как считает Шестов, имеет мало общего и с религией: «Бог умышленно подменяется добром, а добро – братской любовью людей. Такая вера не исключает, вообще говоря, совершенного атеизма, совершенного безверия и ведет обязательно к стремлению уничтожать, душировать, давить других людей во имя какого-либо принципа, который выставляется обязательным, хотя сам по себе он в большей или меньшей мере чужд и не нужен ни его защитнику, ни людям»²⁹.

Атеистом, правда уже скорее со знаком плюс, считает Льва Толстого и современный исследователь А. Д. Сухов. Он полагает, что в толстовском мировоззрении нет ничего религиозного, кроме терминологии и Толстой однозначно является атеистом. Однако атеизм у него имеет не материалистическую, как обычно, а идеалистическую

основу подобно А. Шопенгауэру, М. Штирнеру и Ф. Ницше: «Атеизм сочетается у него с философским идеализмом. И идеализм здесь не сводится к отступлениям от основной линии, к оговоркам или терминологическим нечеткостям. Идеализм Толстого – целостная система взглядов, которой он в своих философских сочинениях придерживается достаточно целенаправленно»³⁰.

Таким образом, существует три концепции, дающие оценки значимости мировоззрения Толстого в сопоставлении с его художественным творчеством: концепция «двух Толстых», концепция «противоречивый Толстой» и концепция «целостный Толстой». На наш взгляд, более предпочтительна концепция «целостный Толстой». Естественно, в учении Толстого есть определенные противоречия как в любом учении, но оно не является простым набором несвязанных с собой идей как считал, например А. М. Скабичевский, а имеет определенную целостность.

Если оценивать сущность учения Льва Толстого, то все упирается в проблему различных трактовок понятия «религия». Если под религией понимать не мировоззрение и определенный культ, основанные на вере в существование бога (богов), сверхъестественного, а считать религией определенную систему ориентации и поклонения (Э. Фромм), которая может исключать веру во что-либо иррациональное и сверхъестественное, то тогда учение Л. Н. Толстого можно считать религиозным.

Не менее проблематичным является вопрос отнесения Толстого к той или иной идеологии. Бесспорно, что он является родоначальником такого идейного течения как толстовство. Но этого не достаточно, т.к. чаще всего подобные течения, названные именем того или иного мыслителя, являются частью какой-либо более широкой идеологии. Этому можно привести множество примеров: марксизм является частью социализма; бакунизм частью народничества и/или анархизма и т.д. Чаще всего толстовство называют разновидностью анархизма или социализма. Хотя как в научных, так и в публицистических трудах встречаются характеристики Толстого как сторонника консерватизма и либерализма. Также еще при жизни его причисляли к такому широкому отечественному идейному течению как народничество.

Так, например, идеолог революционного народничества П. Л. Лавров в своем сочинении «Старые вопросы (Учение графа Л. Н. Толстого)» (1885–1886) одним из первых сравнивает взгляды писателя

с народничеством и характеризует их как «слепое народничество», в основе которого лежит убеждение, что «...все находимое в народе есть истина и что в нем можно найти всю истину»³¹. Лавров критикует толстовское учение за отрицание, по его мнению, науки, искусства, философии, за апологию религии, за проповедь «непротivления злу силою», за отрицание патриотизма и социальной революции³².

Известный литературовед и историк общественной мысли Д. Н. Овсяннико-Куликовский в своей «Истории русской интеллигенции» характеризует взгляды Толстого 1880–1890-х гг., после пережитого им в 1870-х гг. «морального и религиозного кризиса», как «странную повесть “нигилизма” 60-х годов с узким народничеством 80-х (в духе, напр., теорий Юзова-Каблица)»³³. Далее он подчеркивает, что если разложить учение Толстого на составные элементы, то каждый из них будет соответствовать тому или иному течению внутри народничества, возникшему ранее или одновременно с толстовством: «Так, идеал “царствия Божия на земле”, построенный на евангельских предпосылках, но подкрепленный аграрным социализмом Джорджа... и сформулированный на русский крестьянский лад, обнаруживал заметное сходство с идеологиею социалистов-народников 70-х годов и с духом крайнего народничества 80-х, которое, подобно Толстому отрицало городскую цивилизацию и современное просвещение, составляющее будто бы монополию привилегированных классов, и развивало фантастическую идею господства крестьянской культуры, утопию “мужицкого” царства на Руси»³⁴. Он подчеркивает только единственное отличие взглядов Толстого от учения социалистов-народников 1870-х гг. – отрицание революционной борьбы – но это, как подчеркивает Овсяннико-Куликовский, «вопрос о средствах осуществления идеала, а не о самом идеале»³⁵. Отмечается также, что и идея «непротivления злу насилем» задолго до Льва Толстого пропагандировалась в 1870-х гг. А. К. Маликовым³⁶.

В итоге Овсяннико-Куликовский приходит к выводу, что учение Толстого являлось «новой вариацией старого народничества», а в некоторых случаях даже «крайним выражением русского народничества, его последним словом, предшествовавшим появлению у нас идей марксизма»³⁷.

Также причислял Л. Н. Толстого к народникам литературный критик и идеолог неонародничества Р. В. Иванов-Разумник: «есть

мировые гении Достоевский и Толстой, творцы и создатели бессмертных художественных образов и этических систем, а есть кроме того Достоевский и Толстой – российские семидесятники, эпигоны народничества, тесно связанные с запросами своей эпохи, своего народа»³⁸. Он считает, что народничество Толстого занимает промежуточное положение между почвенничеством Достоевского и «критическим народничеством» Михайловского: «подобно первому, Толстой склоняется к мнениям, а не интересам народа, подобно второму, он обращает свое главное внимание на разделение блага реальной личности и абстрактного человека»³⁹. Причем Иванов-Разумник отмечает, что народнические идеи, так выпукло проявившиеся в 1890–1900 гг., прослеживаются у мыслителя уже в 1860-х гг.: «Народничество Толстого было не наносным и заимствованным, а его исконным, глубоким, давнишним воззрением»⁴⁰.

Ряд марксистских идеологов и историков отмечали непосредственную близость Л. Н. Толстого к народничеству. Л. Д. Троцкий в статье «Лев Толстой» (1908) именуется его представителем аристократически-консервативного крыла народничества, а также «аграрно-консервативного начала» в нем⁴¹.

В. И. Ленин в одной из статей, первое название которой само весьма примечательно: «Значение Л. Н. Толстого в истории русской революции и русского социализма»⁴², отмечает «примитивный крестьянский демократизм» Толстого, выражающийся в протесте против государства и церкви, отрицании частной поземельной собственности, неприятии капиталистического пути⁴³. В другой статье о Толстом он приходит к характерному сравнению: «Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что “укладывается” в России никакой иной, как буржуазный строй»⁴⁴. Примечательно также его высказывание в письме к А. М. Горькому: «...Толстому ни “пассивизма”, ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя...»⁴⁵. Но так как Ленин сам прямо Льва Толстого народником не называл, а также не относил его, ни к революционному, ни к либеральному направлениям, советская историография дальше признания *сходства* классика русской литературы с народничеством не пошла. Несмотря на то, что во взглядах мыслителя присутствовали две самые существенные, по мнению некоторых советских историков, для «ленинской концепции» черты народничества: неприятие капитализма и крестьянский демократизм⁴⁶.

Историк Н. А. Рожков в поиске Толстым нравственного идеала в простоте и смирении простого народа усматривал только «своеобразную народническую струю», сближающую его с народничеством⁴⁷.

Советский литературовед Д. Л. Тamarченко в специальном исследовании этого вопроса говорит о толстовском народничестве только в кавычках⁴⁸. Этот исследователь, отмечая много точек соприкосновения мировоззрения Толстого с народничеством (критика самодержавия, неприятие капитализма и критика западноевропейской цивилизации, признание необходимости сохранения крестьянской общины и т.д.), не признает его народником, противопоставляя, прежде всего, революционному народничеству. Толстой, по его мнению, не народник, потому что «резко выступал против социализма и создал реакционнейшую философию “непротивления злу”»⁴⁹.

Даже в 80-е гг. XX в. известный историк В. Г. Хорос традиционно всего лишь отмечал у Л. Толстого «народнические тенденции», а в толстовских поселениях видел «своеобразную религиозную разновидность “крестьянского социализма”»⁵⁰.

В отличие от советской историографии для ряда исследователей русской эмиграции характерно причисление Льва Толстого к представителям религиозного народничества. По мнению Н. А. Бердяева, Толстой, наряду с ранними славянофилами и Ф. М. Достоевским, являлся религиозным народником⁵¹. Также он использует термин «толстовское народничество»⁵². Однако он трактует понятие народничество предельно широко. По мнению философа, народниками являлись «...славянофилы и социалисты-революционеры, толстовцы и интеллигенты-революционеры, которые в 70-х годах шли в народ, народником был Достоевский и народником был Михайловский. И русские социал-демократы, которые начали свое существование с борьбы против народничества, в сущности, психологически и морально остались народниками и сейчас, во время революции, находятся во власти всех народнических иллюзий. “Большевизм” есть, конечно, революционное, анархически-бунтарское народничество. Народничество всегда имело особенное обаяние для души русского интеллигента, и от него не могли освободиться даже величайшие русские гении, как Толстой и Достоевский. Редкое исключение представлял Вл. Соловьев, который не был народником»⁵³.

Другой известный религиозный мыслитель и историк русской философии В. В. Зеньковский относит Л. Н. Толстого к религиозно-

анархическому течению в народничестве, выделяя в нем также почвенническую (Ф. М. Достоевский, Н. Н. Страхов) и социалистическую или радикальную разновидности (А. И. Герцен, П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский). Общей, объединяющей чертой всех трех форм он считает «стремление сблизиться с народом, иногда даже слиться с ним, стремление войти в его мир и его интересы»⁵⁴.

В настоящее время наблюдается в сравнении с советским периодом определенный плюрализм в оценках принадлежности Льва Толстого к народникам. Так, известный историк русской философии В. Ф. Пустарнаков являлся противником отождествления народничества и толстовства. Он считал, что народничество как некая идеологическая целостность, отличается «от рядоположенных течений – славянофильства, почвенничества и толстовства, с одной стороны, дворянского и буржуазного либерализма и демократии постпросветительского, ненароднического типа – с другой»⁵⁵. Общим, при всех различиях между революционными и легальными, консервативными и либеральными народниками, было на его взгляд выражение интересов крестьянства в пореформенный период и, как следствие этого, попытка свернуть с капиталистического пути и пойти либо по самобытному «общинно-артельному» пути, либо найти такие самобытные общественные формы, которые смягчили бы переход от одной общественной формы развития к другой.

Можно согласиться с Пустарнаковым, что реальное содержание народничества «следует выводить не из самоназваний тех, или иных деятелей, кружков или группировок, а из степени общности и различия идейных принципов его участников». Но тогда не ясен сам критерий отличия народничества от тех течений мысли, и в особенности таких мыслителей как Толстой, которые, по словам Пустарнакова, «тоже обращались к теме народа, характеризовались своего рода “народолюбием” и даже выражали в той или иной степени интересы народных масс»⁵⁶.

Противоположной В. Ф. Пустарнакову точки зрения придерживается другой современный философ – Т. В. Кузнецова. По ее мнению, «в каком-то смысле народничество Толстого даже глубже народничества Лаврова, Ткачева и Михайловского, ибо он критикует с позиций “народа” не только государство и “господствующий класс”, но и саму современную цивилизацию»⁵⁷. Она считает, что Толстой выражает более системную точку зрения, так как яснее понимал

взаимную обусловленность социальных форм и культуры, составляющих в каком-то смысле единое, неразрывное целое⁵⁸.

Современные отечественные историки обычно сдержано или даже критически относятся к причислению Толстого к народничеству и чаще всего придерживаются традиционных оценок советской историографии⁵⁹.

Попытку обосновать принадлежность Л. Н. Толстого к народнической идеологии предпринимали (под научным руководством В. А. Должикова) молодые барнаульские историки Р. Н. Шимко⁶⁰ и Д. С. Петров⁶¹. В частности Р. Н. Шимко отмечает, что идеология Л. Н. Толстого представляет собой «...разновидность русского народничества наряду с идеологиями М. А. Бакунина, А. И. Герцена, П. Л. Лаврова и др.». Более того, он утверждает, что «толстовская модификация народнической идеологии есть одновременно и вариант “русской идеи”, т.е. общенациональной идеологии», которая, по мнению исследователя, с одной стороны, противостоит европоцентризму, а, с другой стороны, – марксистскому, западному революционаризму⁶².

Таким образом, проблема идеологической идентификации Льва Толстого полностью не решена. В дореволюционной историографии многие исследователи характеризовали взгляды Толстого как народнические. Данная традиция сохранилась у исследователей-эмигрантов. Советские ученые, признавая вслед за В. И. Лениным определенную близость Толстого к народничеству, прямо народником его не называли и считали его взгляды в большей степени реакционными. Большинство современных исследователей сдержано относятся к оценке Толстого как представителя народничества, однако ряд целый философов и историков, считают его в той или иной степени народником.

¹ Михайловский Н. К. Десница и шуйца Льва Толстого // Литературная критика : Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л., 1989. С. 37.

² Скабичевский А. Граф Л. Н. Толстой как художник и мыслитель : критические очерки и заметки. СПб., 1887. С. 99.

³ Плеханов Г. В. Искусство и литература. М., 1948. С. 655.

⁴ Бердяев Н. А. Ветхий и Новый завет в религиозном сознании Л. Толстого // Л. Н. Толстой : pro et contra : Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : Антология. СПб., 2000. С. 244.

⁵ Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (философия и проповедь) // Собр. соч. : в 2 т. Томск, 1996. Т. 1. С. 255.

⁶ Там же. С. 255.

⁷ Там же. С. 312–313.

⁸ Название данной концепции придумано нами, в отличие от названия концепции «Двух Толстых». В ней подчеркивается единство художественного и публицистского (философского) творчества Л. Н. Толстого. И художественные, и философско-публицистские произведения мыслителя, пронизывают одни и те же идеи. Но в самом мировоззрении Толстого, независимо от форм его выражения, по мнению исследователей, придерживающихся этой концепции, содержатся определенные противоречия.

⁹ Михайловский Н. К. Указ. соч. С. 34.

¹⁰ Козлов Н. С. Лев Толстой как мыслитель и гуманист. М., 1985. С. 4–5.

¹¹ Там же. С. 4–5.

¹² Ленин В. И. Л. Н. Толстой и современное рабочее движение // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 20. С. 39.

¹³ Козлов Н. С. Указ. соч. С. 19–20.

¹⁴ Там же. С. 21.

¹⁵ См., напр.: Булгаков В. Христианская этика : систематические очерки мировоззрения Л. Н. Толстого. М., 1917.

¹⁶ См., напр.: Сорокин П. Л. Н. Толстой, как философ. М., 1914.

¹⁷ Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001. С. 376–377.

¹⁸ Там же. С. 382–383.

¹⁹ Там же.

²⁰ Бердяев Н. А. Ветхий и Новый завет в религиозном сознании Л. Толстого. С. 247.

²¹ Там же. С. 249.

²² Там же.

²³ Там же. С. 251.

²⁴ Квитко Д. Ю. Философия Толстого. М., 1928. С. 6.

²⁵ Там же. С. 7.

²⁶ Цит. по: Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой : Материалы к биографии с 1886 по 1892 г. М., 1979. С. 68.

²⁷ Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстание мощной России. М., 2012. С. 367, 387, 397, 399, 401; и др.

²⁸ Шестов Л. Указ. соч. С. 263.

²⁹ Там же. С. 265.

³⁰ Сухов А. Д. Яснополянский мудрец. Традиции русского философствования в творчестве Л. Н. Толстого. М., 2001. С. 55.

³¹ Лавров П. Л. Старые вопросы (Учение графа Л. Н. Толстого) // Философия и социология : избр. произведения : в 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 562.

³² Там же. С. 562–566.

³³ Овсянко-Куликовский Д. Н. Собр. соч. : в 9 т. Т. 3. Л. Н. Толстой. СПб., 1909. С. 132.

³⁴ Там же. С. 137.

- ³⁵ Там же. С. 138.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 140.
- ³⁸ *Иванов-Разумник Р. В.* История русской общественной мысли. СПб., 1911. Т. 2. С. 207.
- ³⁹ Там же. С. 212
- ⁴⁰ *Иванов Разумник Р. В.* Лев Толстой. СПб., 1913. С. 119.
- ⁴¹ *Троцкий Л. Д.* Лев Толстой // Соч. М. ; Л., 1926. Сер. VI. Т. XX. С. 249, 258.
- ⁴² См.: *Эйхенбаум Б. М.* О взглядах Ленина на историческое значение Толстого // О прозе : сб. ст. М., 1969. С. 64.
- ⁴³ *Ленин В. И.* Л. Н. Толстой // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 20. С. 20.
- ⁴⁴ *Ленин В. И.* Л. Н. Толстой и его эпоха // Там же. С. 101.
- ⁴⁵ *Ленин В. И.* А. М. Горькому, 3 января 1911 г. // Там же. Т. 48. С. 12.
- ⁴⁶ См.: *Балуев Б. П.* Ленин о народничестве и неонародничестве // Наследие В. И. Ленина и современность. М., 1989. С. 302.
- ⁴⁷ *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении. Л. ; М., 1925. Т. 11. С. 111.
- ⁴⁸ *Тамарченко Д.* «Народничество» Льва Толстого // Звезда. 1935. № 11.
- ⁴⁹ Там же. С. 233.
- ⁵⁰ *Хорос В. Г.* Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 40–41.
- ⁵¹ См. напр.: *Бердяев Н. А.* Русская идея. М., 2007. С. 138.
- ⁵² *Бердяев Н. А.* Духи русской революции // Вехи : Из глубины. М., 1991. С. 251.
- ⁵³ *Бердяев Н. А.* Падение священного русского царства : Публицистика 1914–1922. М., 2007. С. 285
- ⁵⁴ *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 87.
- ⁵⁵ *Пустарнаков В. Ф.* Философия народничества // История русской философии. М., 2001. С. 234.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ *Кузнецова Т. В.* Эстетические и культурно-философские взгляды народничества // Вестник МГУ. Сер. 7. 1999. № 6. С. 53.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ См., напр.: *Тюкачев Н. А.* Отечественная историография революционного народнического движения 1860–1880-х годов : становление и эволюция : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. С. 8.
- ⁶⁰ *Шимко Р. Н.* Аристократический анархизм Л. Н. Толстого // Известия АлтГУ. 2003. № 4.
- ⁶¹ *Головинов А. В., Должиков В. А., Петров Д. С.* Идеологический облик русского традиционализма : приоритеты и ценности народничества, областничества, толстовства. Барнаул, 2011.
- ⁶² *Шимко Р. Н.* Указ. соч. С. 22.

Суслов А. Ю.

Неонародничество и модернизация России в начале XX в.

Изучение проблем модернизации как процесса перехода от традиционному обществу к современному стало одним из важных направлений зарубежного обществознания. Первоначально объектом исследований в рамках теории модернизации являлись страны «третьего мира». Со временем все более распространенным становится изучение исторического опыта модернизации стран, в которых этот процесс начался гораздо раньше, в том числе и в России. В отечественной исторической науке возможность исследовать проблемы модернизации страны первой трети XX в., разрабатывать различные теоретические модели, помимо формационного марксистского подхода, появилась в конце 1980-х гг. и вызвала большой интерес у обществоведов. Это было связано не только с поиском новых идей для объяснения прошлого, но и с анализом современных проблем развития российского общества, выбором модели его реформирования.

Модернизация указывает на некий комплекс связанных друг с другом структурных, культурных, психических и физических изменений, который сложился в предшествующие столетия, сформировал окружающий нас сегодня мир и все еще продолжает вести его в определенном направлении¹. В этом плане теория модернизации (точнее, теории модернизации, так как со второй половины XX в. в рамках этого подхода появилось множество ее трактовок) представляет несомненный практический интерес.

Теория модернизации прошла несколько этапов в своем развитии. На первом этапе (2-я половина 1950-х – начало 1960-х гг.) господствовала линейная модель модернизации (С. Блэк, У. Ростоу и др.). Суть ее заключалась в том, что модернизация рассматривалась как единый глобальный процесс, заключающийся в распространении современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру. Каждое общество должно было пройти путь от традиционности к современности (*modernity*), под которой фактически понималась европейская индустриальная цивилизация. Тем самым

модернизация, по сути, сводилась к вестернизации неевропейских цивилизаций².

На втором этапе (1980-е гг.) вместо линейной была сформулирована парциальная модель модернизации (Д. Рюшемейер и др.). Суть ее сводилась к тому, что модернизирующееся общество не всегда может пройти все стадии модернизации до конца. В силу ряда причин в некоторых обществах модернизационные и традиционные элементы могут сплетаться в причудливые структуры, которые могут носить временный характер, а могут и сохраняться на протяжении жизни нескольких поколений. Тогда общество как бы «застревает» на стадии частичной модернизации, возникают различные несоответствия между политическими, социальными и экономическими институтами и внутри них, и даже в сознании конкретной личности. В итоге общество останавливается на стадии «устойчивого фрагментарного развития» с многочисленными внутренними противоречиями.

На третьем этапе (конец 1980-х – начало 2000-х гг.) парциальная модель модернизации под воздействием новых эмпирических данных была преобразована в модель многолинейной модернизации (А. Турен, У. Бек, П. Штомпка, Т. Пиирайнен), которая в настоящее время пользуется наибольшей популярностью в научном сообществе. От предыдущих моделей модернизации ее отличает, прежде всего, признание возможности проведения модернизации по собственному оригинальному не западному пути с учетом и на основе национальных особенностей. Модернизация понимается как крайне сложный и противоречивый эндогенно-экзогенный процесс, т.е. происходящий под воздействием сложного сочетания внутренних и внешних факторов³.

В 1960–1970-х гг. в зарубежном обществознании по проблемам модернизации России занимали главенствующее положение труды известного американского экономиста и историка А. Гершенкрона (1904–1978)⁴. Он описывал российское развитие как типичный случай экономического трансформационного процесса, который в сравнении с параллельными событиями в Западной Европе происходил со значительными задержками. Капитализм в России, по мнению Гершенкрона, насаждался искусственно государством и не имел основы для саморазвития. Позднее вступление России на путь модернизации, захватившей к тому же только экономику города,

при сохранении ярко выраженных атрибутов отсталости (авторитарный деспотический режим, забитость и несправедливость масс, прикрепление крестьян к общине) обусловило политическую слабость буржуазии и особое положение интеллигенции. Истоки происхождения оппозиционного движения А. Гершенкрон усматривал в низком уровне «вестернизации» страны.

В западной историографии, как отмечает Н. Б. Селунская⁵, возникли две тенденции в оценке социально-экономического развития дореволюционной России: сторонники одной из них придерживаются тезиса об извечной отсталости и особом историческом пути России (например, подчеркивалось, что в России не было ни феодализма, ни капитализма в классическом смысле этих понятий, а направление общественного развития вообще было противоположным западному и знаменовалось гипертрофированной ролью правительственной власти), отличии его от движения капиталистических стран Запада.

В классических работах Л. Хеймсона обосновывается идея, что политическая и социальная стабильность дореволюционной России не внушала оптимизм. Модернизация российского общества в предвоенные годы отнюдь не сняла два ключевых процесса поляризации – во взаимоотношениях деревни и города и между «низамы» и «верхами» городского и деревенского населения. Революционные процессы, указывал Хеймсон, вполне могут развиваться не в обществе полного застоя, а в обществе сильных политических и социальных противоречий, вытекавших из процесса модернизации⁶. Из исследований других авторов в этом плане характерны работы Р. Пайпса, Р. Уортмана, Р. Маккина.

Другие авторы отстаивали тезис о том, что Россия шла в том же направлении, что и страны Запада, в конце XIX – начале XX в. успешно «модернизировалась» и могла избежать революционных потрясений. По их мнению, социальные и культурные барьеры, вытекавшие из процессов российской модернизации, резко уменьшались, если не исчезали вовсе. На это указывал промышленный подъем, резкое повышение уровня грамотности, активность органов местного самоуправления. Так, немецкий историк Л. Хэфнер отмечает, что сравнение русского общества с европейским не только не выявляет уникальности и отсталости страны, но, напротив, показывает быстрое развитие в России буржуазной культуры⁷. «Общеввропей-

ский контекст» развития России представлен в трудах М. Раева, Д. Гайера, П. Грегори и других.

Из современных российских авторов наиболее четко данная позиция выражена в капитальных работах Б. Н. Миронова, вызвавших, впрочем, продолжительную дискуссию. Миронов отстаивает тезис о том, что русское государство с начала XVIII в. до Октября 1917 г. прошло путь от абсолютизма до демократической парламентской республики, а общество – от объекта до субъекта государственного управления. Это означало, что общественность расширила свои социальные границы от привилегированных социальных групп до всего народа, и что из общественного небытия народ возвратился к политической жизни. Однако Россия в своем социально-политическом развитии к 1917 г. не успела достичь такой стадии, когда государство попадает под полный контроль общественности и адекватно реагирует на требования общества, когда общество и государство приобретают способность развиваться благодаря умению разрешать любые виды проблем мирным путем и с помощью компромисса находить консенсус и приспособляться к изменяющимся условиям жизни⁸. Раскол между европеизированным образованным меньшинством и народными массами – вот что, в конечном счете, поставило преграду буржуазной модернизации в России. Те же причины привели к власти большевиков. Им удалось возглавить движение низов под социалистическими лозунгами, поскольку «большинство народа участвовало в революции во имя восстановления попорченных ускоренной модернизацией традиционных устоев народной жизни».

В 1980-е гг. появились работы, которые представляют собой синтез оптимистической и пессимистической версии развития дореволюционной России. Сегодня в современной западной исторической литературе разрабатываются комплексные концепции становления и развития капиталистической формации в России⁹. Речь идет о том, что Россия начала XX в. оставалась переходным обществом, в котором раннеиндустриальные процессы еще не завершились, политическая система сохраняла имперский характер в сочетании с разрушением старого сословного каркаса.

В современной российской историографии проблемы модернизации исследуются весьма активно и в самых разных аспектах. Изучается структура и характер российской модернизации, социальные

изменения, периодизация, положение рабочего класса и крестьянства и другие проблемы. В частности, в рамках теории модернизации рассматривается деятельность российских политических партий, в концептуальном плане осмысливается их место и роль в общественно-политических процессах первой трети XX в. В конечном счете, именно оценка процесса модернизации конца XIX – начала XX в. предопределяет ответ на ключевой вопрос: была ли неизбежной революция 1917 г.?

В. В. Шелохаев обратил внимание на взаимосвязь и взаимообусловленность типа модернизации с типами политических партий России в целом. Пореформенный модернизационный процесс сформировал «единое поле», на котором стали «укореняться» разнотипные и разновекторные политические партии, по сути решавшие одну глобальную задачу: какими методами преодолеть вековую отсталость в соответствии с пониманием ими вызовов современной эпохи. С другой стороны, каждая партия (в большей или меньшей мере) стала играть роль дополнительного фактора, оказывавшего то или иное влияние на протекание и темпы самого модернизационного процесса¹⁰. Следует учитывать совокупный характер специфики, обусловленный самим конфронтационным типом модернизации, направленностью общественной мысли и общественного движения, степенью настроения радикальных слоев демократической интеллигенции. Совокупность этих факторов стимулировала обострение как межпартийной, так и внутривнутрипартийной борьбы в России, предельно минимизировала тенденцию к компромиссу и соглашению. В этом плане социал-демократическая интеллигенция мало чем отличалась от неонароднической интеллигенции¹¹. Российскую многопартийность следует рассматривать, таким образом, как элемент системного кризиса российского общества в начале XX века.

В этой связи роль российских социалистических партий, предлагавших свои модели преобразования России, представляет собой интересный объект для изучения. Невозможно обойти вниманием тот факт, что на выборах Всероссийского Учредительного собрания в конце 1917 г. социалисты всех мастей и оттенков увлекли своими идеями 80% избирателей. Анализ истории социалистов-революционеров и меньшевиков через призму теории модернизации стал в современной науке (вначале западной, а потом и отечественной) наиболее популярным. Кроме того, модернизационный подход пред-

ставляется продуктивным в нескольких смыслах: он является открытым для восприятия сущностных элементов других концепций и подходов; он признает вероятность любых вариантов реализации исторического процесса (эволюционный, революционный, комбинированный)¹². Проблема модернизации России поэтому рассматривается в контексте как интеллектуальной, так и экономической истории.

Процессы модернизации не реализуются автоматически. Очень часто цели прямого воздействия искажаются цивилизационными (если речь идет, например, о воздействии на китайское или исламское общество) или архаическими и традиционными особенностями трансформирующегося общества.

В России процесс модернизации также наталкивался на сопротивление традиции. С другой стороны, традиция не всегда может рассматриваться как противоположность, препятствие модернизации, а как один из необходимых элементов последней, как сложная структура, не только способная к трансформации, но в ряде случаев сама выступающая источником изменений, стимулирующих начало и развитие модернизационных процессов.

В связи с этим вызывает интерес эсеровская модель преобразования российского общества. Одним из первых в отечественной историографии на ней подробно остановился известный историк партии социалистов-революционеров М. И. Леонов. Анализируя социальную концепцию партии, он пришел к выводу, что эсеровский социализм был попыткой смоделировать идеальное общество в условиях существования космологической и технологической культур, обеспечить сохранность первой, предотвратить разрушающее воздействие второй. Хотя эсеры много более симпатизировали деревне, историческая объективность индустриальной цивилизации, капитализма была в их глазах несомненной¹³. Истоками этой концепции М. И. Леонов считает, с одной стороны, крестьянский социализм Герцена-Чернышевского, а с другой – эволюционно-реформистский марксизм бернштейнианской интерпретации.

По мнению К. Н. Морозова, эсеровский вариант переустройства России представлял собой одну из «...первых попыток приспособления традиционных цивилизаций незападного мира к требованиям модернизации, органичного и безболезненного соединения сильных и конструктивных сторон двух цивилизаций (традиционной и тех-

нологической)»¹⁴. Народничество восприняло базовые ценности западной цивилизации, но пыталось смоделировать такую концепцию общественно-экономического развития России, которая, с одной стороны, учитывала ее исторические особенности и особенности менталитета ее народа, а с другой – взяв наиболее привлекательные черты и ценности западной цивилизации, оставляла за бортом ее негативные черты и тенденции (реакцией на которые явилось прежде всего появление в самой западноевропейской общественной мысли и практике феномена социализма). Перспективным представляется сравнительный анализ партийных моделей социалистического спектра и опыта модернизации в начале XX в. в таких странах как Россия, Турция и Япония – выявление общих тенденций, а также региональных особенностей.

Сочетание разных подходов в неонароднической модели анализирует В. В. Зверев: «в конечном итоге народничество – это реакция интеллигенции на происходивший в стране процесс модернизации. Оно содержит и моральный протест против наступления индустриальной эпохи, несущей обезземеливание, безработицу, господство товарно-денежных отношений, капиталистическую конкуренцию и эксплуатацию, и собственный вариант эволюции, предполагавший опору на традиционные институты и ценности, национальные особенности и некоторые новации, почерпнутые из арсенала европейской цивилизации»¹⁵. В этом смысле неонародническая модель имела существенные преимущества и предполагала более «органическое» развитие страны, хотя и включала революцию как обязательную форму изменений.

О тесной связи народничества (и неонародничества¹⁶) с процессами модернизации пишет известный философ и историк В. Г. Хорос. Как и многие другие исследователи, он соглашается с тезисом, что народничество как феномен было вызвано к жизни в России ситуацией раннего периода модернизации, когда противоречия перехода от традиционного общества к современному выступают наиболее болезненно. Более того, его внутренний пафос во многом заключается в стремлении включить в модернизацию широкие массы, облегчить им адаптацию к изменениям. Но эти задачи решаются им, как правило, недостаточно четко и последовательно. Задаваясь очевидным вопросом – в чем причины несоответствия между масштабами народнического движения, длительностью соответствующей

идейной и культурной традиции – и сравнительно бедными результатами деятельности народничества в России – Хорос приходит к выводу о глубокой внутренней противоречивости идеологии и движения народничества, присущей им «несистемности». Популизм в целом как модель идеологии и политической деятельности везде отличается внутренней амбивалентностью, сосуществованием в его рядах разнообразных, нередко противостоящих друг другу течений. Дело заключается в чрезвычайно широкой, пестрой социальной базе («народ»), на которую пытается опираться популизм, а также в сочетании различных исторических задач, которые он одновременно стремится решить: осуществлять процесс модернизации и в то же время поддерживать традиционные институты, комбинировать буржуазно-демократическую и социалистическую ориентацию. В итоге, заключает Хорос, в силу своей идеологической противоречивости и организационно-политической аморфности популизм составляет лишь «переходный этап» к непосредственному осуществлению модернизации, проводимой уже иными политическими силами, либо к «другого рода институционализованному революционизму»¹⁷.

Вполне логично, что в процессе анализа эсеровской модели модернизации России исследователи обращаются к творческому наследию признанного теоретика и лидера партии – В. М. Чернова. Как отмечает О. В. Коновалова, модель модернизации России, предлагаемая Черновым, представляет программу преобразований, альтернативную как либерально-буржуазному реформаторству, так и большевистской диктатуре. Пытаясь найти вариант модернизации страны, отвечавший особенностям ее культурно-исторического развития, Чернов старался сочетать приверженность к институтам и ценностям традиционного общества (кооперация, коллективизм, уравнительность) и стремление к утверждению новых общественных отношений, основанных на признании прав человека, политической демократии. Программа модернизации страны Чернова эволюционировала под воздействием большевистского опыта в направлении признания важной роли государства в процессе социальных преобразований, но ставка на развитие правового государства и демократии оставалась для него неизменной¹⁸. Однако, по мнению Коноваловой, в итоге именно большевики в реальной практике строительства социализма в СССР осуществили народнические заветы об особом,

некапиталистическом, пути развития России. Взяв за основу нового общества и государства принципы общинной демократии, зеркальным отражением которой стали Советы, коренное представление народа о справедливом обществе как обществе, где господствует принцип трудового права: каждому по труду, они воплотили их в жизни, пусть в очень деформированном и грубом виде¹⁹.

Схожее объяснение причинам провала эсеровской доктрины и победы большевиков дает, опираясь на теорию модернизации, Н. Д. Ерофеев. Социалисты-революционеры, отмечает он, в конечном счете, оказались непригодны для коренного преобразования России и ее модернизации. Эсеровская идеология являлась аграрной утопией, в то время как урбанистическая программа большевиков реально соответствовала решению главной задачи страны – модернизации, суть которой составляла индустриализация. Как пишет А. С. Сенявский, «эсеровская идеология была наиболее адекватна настроениям подавляющей части населения страны и могла привести исповедующие ее политические силы к власти, но была абсолютно не способна стать основой столь необходимого стране модернизационного рывка...»²⁰.

Историки, придерживающиеся данного подхода, фактически говорят об «исторической неизбежности» того, что произошло в октябре 1917 г. Ключевым аргументом выступает то, что эсеровская модель не могла стать реальной альтернативой большевистской политике, так как у страны не было для этого ни необходимых экономических резервов, ни запаса времени. Уже в 1920-е гг. международная обстановка складывалась таким образом, что перспектива новой мировой войны становилась очевидной для большевистского руководства. В этих условиях путь форсированной индустриализации, выбранный большевиками, хотя и был сопряжен с тяжелыми экономическими и социальными издержками, но позволил в предельно короткий срок создать мощную индустриальную базу. Именно это и стало решающим условием, обеспечившим победу СССР в Великой Отечественной войне²¹.

Схожими аргументами пользуется и Е. Ю. Юрченков: «эсеровская модель модернизации быть может могла бы реализоваться, если не были бы чрезвычайными исторические условия начала XX века. А эти условия и сам характер этой модели, по нашему мнению, давали ей мало шансов стать общенациональной моделью модерни-

зации. Стать таковой эсеровская модель не могла прежде всего потому, что она не была индустриальной и урбанистической по своей направленности. Слабой ее стороной являлась и недооценка роли государства в деле модернизации. Если исходить из того, что модернизацию в России пришлось осуществлять под руководством государства, используя лишь внутренние ресурсы, то следует признать, что такому варианту модернизации не способствовала и эсеровская программа социализации земли, не признававшая не только частную собственность, но и государственную собственность на землю, делавшая землю ничей»²². Стоит отметить противоречивость подобной аргументации данных авторов, как будто не замечающих, что аграрная программа ПСР пользовалась наибольшей популярностью и была заимствована большевиками в 1917 г. Значит, она соответствовала задачам модернизации России.

Нельзя сбрасывать со счетов и эволюцию ПСР от революционного народничества к западноевропейскому реформистскому социализму, в ходе которой эсеры теряли свою «цельность и революционную энергию». Именно в этом кроется причина поражения эсеров, – полагает Н. Д. Ерофеев²³.

Точка зрения Н. Ерофеева, близкая взглядам А. Гершенкрона, Т. фон Лауэ и М. Хильдермайера, является на сегодняшний день наиболее популярной гипотезой политического крушения ПСР. Хотя в современной литературе есть и иные позиции, ставящие под сомнение отказ эсеров принять индустриализацию «как наиболее важный императив» российского будущего.

Насколько утопична программа эсеров, если в 1917 г. в их партии доминировало правое крыло? В. Н. Гинев в свое время писал, что «переход с крестьянских позиций на так называемые “общегосударственные” вообще был характерен в 1917 году для эсеровских вождей, особенно занимавших правительственные посты»²⁴. В этом случае, совершенно справедливо подчеркивает известный немецкий историк М. Хильдермайер, не может быть никакого разговора об утопизме ПСР, и даже фракция В. М. Чернова, занимавшая в партии левоцентристские позиции, примирилась с «мягкой» формой индустриального развития России²⁵. Под влиянием правого крыла вопреки своей программе и многолетним требованиям ПСР в 1917 г. пыталась предотвратить радикальный переворот аграрных отношений, затормозить стихийный «черный передел»²⁶. Призывом к уре-

гулированию земельного вопроса через Учредительное собрание партия эсеров фактически заняла легалистскую выжидающую позицию, за которую она упрекала народных социалистов во время первой российской революции.

Н. Д. Ерофеев, К. Н. Морозов и М. Хильдермайер вновь поставили важный вопрос об эволюции ПСР в период между 1905–1907 гг. и 1917 г., а также между февралем и октябрём 1917 г. Происходила *адаптация* теории и практики социалистов-революционеров к политическим и социально-экономическим изменениям в России после первой революции. Фактическое содержание программы ПСР изменилось, влиятельные группы в партии под влиянием столыпинской реформы считали необходимым говорить об аграрной реформе, а не о революции, воспринимая деревенское общество как общество мелких и средних собственников. Значительная часть этого правого крыла ПСР принадлежала к новому поколению членов партии, которое вступило в политику во время первой русской революции, но получило «решающие впечатления» в эру «конституционализма». В это время существовала Государственная Дума, легально функционировали политические партии, профсоюзы, и, по мнению А. Р. Гоца, В. М. Зензинова, Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова-Фондаминского и др., эти новые институты и формы следовало использовать²⁷. К 1917 г. партия эволюционировала настолько, что Е. Е. Лазарев позже замечал, что название партии социалистов-революционеров следовало бы изменить, убрав слово «революционеров»²⁸. О. Рэдки писал, что «партия эсеров перестала быть революционной в то время, когда вся страна стала таковой в самом широком и глубоком смысле этого слова»²⁹.

В послеоктябрьский период эволюция ПСР продолжалась. Правые эсеры все более склонялись к демократическим, а не социалистическим методам государственного регулирования экономики и организации хозяйства. В общих чертах такая позиция сложилась уже к 1923 году³⁰. В эмигрантский период своего существования и эсеры, и меньшевики отстаивали концепцию «смешанной» экономики, подчеркивали значение в деле восстановления России иностранного капитала. Обе партии уделяли особое внимание государственному регулированию хозяйства и оставляли в руках центральных властей важнейшие экономические рычаги. В связи с этим любопытно замечание В. И. Миллера, что именно «левые эсеры сохра-

нили верность основополагающим принципам ПСР, революционному духу и букве ее программы, а изменила ей правая часть ПСР, пошедшая за меньшевиками в их отрицании самой возможности движения страны к социализму»³¹.

Если переход политической партии на более реалистические и отвечающие интересам страны позиции, пусть не востребованные, считать «изменой», то с этим можно согласиться. По видимому, причины раскола ПСР на «правых» и «левых» эсеров вряд ли можно сводить только различиями во мнениях о войне. Разногласия восходили к событиям 1905–1907 гг., к вопросам об уроках первой российской революции, о новых политических структурах, которые она создала, и о значении вступления масс в политическую жизнь для революционной стратегии.

М. Хильдермайер отмечал, что раскол ПСР стоит трактовать как сопутствующее явление трансформации аграрного социализма в «крестьянство». Поскольку народничество как защитное аграрное социальное движение в отстающем обществе традиционного типа образует явление, вызванное экспансией индустриального капитализма, то оно должно изменять свой облик по мере развития этого процесса. Оно утрачивает свое революционное содержание, если некапиталистическая альтернатива социо-экономического прогресса, которую оно пропагандирует, «блекнет, превращаясь в химеру, не соответствующую духу времени». Симбиоз реставрационных и прогрессивных элементов, которые составляют его типичную амбивалентность, теряет свою основу, сильнее выступают консервативные очертания³².

Таким образом, концептуальное осмысление исторического пути ПСР через призму теории модернизации представлено двумя основными подходами: одни авторы (М. Хильдермайер, К. Н. Морозов) полагают, что единственной партией, которая по своей социальной структуре и фактически модифицированной программе могла служить как форум выражения интересов всех основных групп населения России, была партия социалистов-революционеров. С другой стороны, ряд исследователей (Н. Д. Ерофеев, А. С. Сенявский, О. В. Коновалова) считает, что эсеровская идеология оставалась аграрной утопией (в отличие от индустриально-урбанистической программы большевиков), недостаточно пригодной для решения главной задачи страны – ее модернизации.

Нетрудно заметить, что исследователи народнической модели, опираясь на анализ одних и тех же характерных черт этого явления – масштабности, гетерогенности социальной базы, опоре на длительную традицию – приходят к диаметрально противоположным выводам. То, что одним историками видится очевидным преимуществом народнической (эсеровской) модели, другим кажется одной из ключевых причин поражения.

Существует и крайняя точка зрения, согласно которой российская многопартийность вообще не могла рассматриваться как альтернатива развития социума, а воплощала в себе лишь различные методы и способы уничтожения отжившей свой век формы русского имперства³³. И. В. Нарский, отмечая тенденции развития многопартийности на Урале в 1917 г. (рост численности, организационное строительство, территориальное размещение), приходил к выводу, что «ускоренное партийное строительство создавало лишь видимость расцвета политического плюрализма, но не обеспечивало стабильности партийного ландшафта. Быстрые и резкие колебания в развитии многопартийности отражали ее слабость и являлись симптомами ее скорого заката»³⁴.

Что касается меньшевистского крыла российской социал-демократии, то отдельные историки также выражают сомнения в способности меньшевиков обрести массовую социальную опору в обществе для прихода к власти и осуществления «технологического прогресса», необходимого стране. Так, В. В. Шелохаев отмечает, что в целом вполне рациональные идеи меньшевиков в 1917 г. (сотрудничество с буржуазной демократией) с трудом приживались на русской почве, не соответствовали уровню социальной зрелости и ментальности рабочего класса³⁵. Большевики совмещали «протестный пафос» низов с ориентацией на западные, вестернизированные ценности, но не смогли стать достаточно политически гибкими, чтобы опереться на крестьянство и тем самым расширить свою социальную основу. «Аграрная программа русских марксистов, – отмечает М. И. Леонов, – истинное детище технократической теории – не могла быть и не была привлекательной в глазах русского крестьянина, она не решала насущных проблем крестьянской цивилизации; когда понадобилось привлечь на вою сторону крестьянство, Ленин без колебаний отбросил ее (временно) и перехватил программу идейных оппонентов – социалистов-революционеров»³⁶. Большеви-

ки сомневались в самобытности социального, политического и экономического развития России, что распространялось не только на наследие самодержавия и полукрепостничества, но также и на исконные институты, нравы и ценности российского крестьянства.

О том, что именно неверие в революционный потенциал крестьянства стало одной из причин поражения меньшевиков, пишет Л. Хеймсон. Анализируя в целом особенности политической культуры меньшевизма (убежденность меньшевиков в марксистской закономерности исторических процессов и роли народных масс; глубоко западнической ориентацией, принимавшей не только идеологический и политический, но и культурный характер), он отмечает, что меньшевики не считали крестьянство надежным союзником пролетариата в революционном процессе. До конца существования меньшевистского движения русское крестьянство представляло в глазах меньшевиков отсталый и невежественный социальный слой, несущий в своем быте, социальных и культурных нравах печать крепостнических отношений, отягощенных традициями великодержавия³⁷. Меньшевики настаивали на универсальности законов, управляющих российским развитием, постоянно подчеркивая, что «буржуазной революции» (которая даст России возможность присоединиться к историческому пути, уже пройденному западными нациями) должен был обязательно предшествовать значительный исторический отрезок, отделяющий эвентуальный приход социализма.

Впрочем, настороженность по отношению к крестьянству была характерна и для большевизма – В. И. Ленин еще в 1905 г. писал, что «мы поддерживаем крестьянское движение, поскольку оно является революционно-демократическим. Мы готовимся (сейчас же, немедленно готовимся) к борьбе с ним, поскольку оно выступит, как реакционное, противоположенное. Вся суть марксизма в этой двоякой задаче, которую упрощать или сплющивать в единую и простую задачу могут только не понимающие марксизм люди»³⁸. Однако большевики и Ленин сумели отказаться от догмы несовместимости пролетариата и крестьянства и порвали с европоцентристской оценкой меньшевиков и западных социал-демократов.

Возможно, ключевой проблемой ПСР и РСДРП было то, что они так и не стали подлинно реформистскими партиями, не смогли предложить реальной альтернативы большевизму. Процесс эволю-

ции этих партий, начавшийся еще до первой мировой войны, отчетливо проявился в 1917 г., но далеко не был завершен. Оппозиционные большевизму социалистические партии не смогли приспособить свои программы к структурным изменениям, происходившим в стране. В итоге именно большевики сумели соединить социалистическую доктрину, пришедшую с Запада и являвшуюся проявлением «модернити», с традиционными ценностями: идеалами общины, бескорыстием и подвижничеством, соответствующими православной культуре. Н. А. Бердяев писал: «Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом. Поднялась рабоче-крестьянская, советская Россия. В ней народ-крестьянство соединился с народом-пролетариатом вопреки всему тому, что говорил Маркс, который считал крестьянство мелкобуржуазным, реакционным классом»³⁹. В итоге марксисты-большевики оказались гораздо более в русской традиции, чем марксисты-меньшевики. На почве эволюционного, детерминистического истолкования марксизма нельзя было оправдать пролетарской, социалистической революции в стране индустриально отсталой, крестьянской, со слабо развитым рабочим классом⁴⁰. Большевики же, формально сохраняя большую верность марксизму, эволюционировали в сторону европейской социал-демократии и парадоксальным образом в 1917 г. оказались утопистами со своими идеями социального реформизма.

Исследования в рамках теории модернизации, безусловно, будут продолжены. Несмотря на критические замечания, она далеко не исчерпала свой когнитивный потенциал. Весьма перспективен сравнительный анализ левых движений в начале XX в. в модернизирующихся странах – Иране, Турции, Японии, России. Важно оценить переосмысление, начиная с 1920-х гг., российской эмиграцией теоретических платформ своих политических партий по преобразованию России. Интересен анализ воздействия идей российских социалистов на большевистскую практику, начиная с военного коммунизма и НЭПа вплоть до 1960-х годов. Очевидно, в этом сыграл свою роль и переход на сторону властей многих бывших эсеров и

меньшевиков и их работа в советских экономических и хозяйственных органах.

«Консервативная модернизация» в СССР заключалась во внедрении многих инструментальных достижений современных западных обществ (технологий, внешних форм жизни, науки и пр.), но – на традиционной, архаической социально-культурной основе. Отсюда незавершенность советской модернизации, ее частичный характер, отсутствие внутренних механизмов саморазвития, что, в конце концов, привело ее к глубокому кризису⁴¹. Воздействие идей неонародничества в данном аспекте необходимо осмыслить. А можно ли было выработать на основе программ модернизации России, предлагавшихся различными социалистическими партиями, какую-то общую платформу, воплощенную в программу действий? Политические реалии 1917 г., итоги выборов в Учредительное собрание, перманентные дискуссии об «однородном социалистическом правительстве» дают основания для подобных размышлений. Исследования истории меньшевистских социалистических партий, проводимые в современной науке, позволяют создать необходимый теоретический фундамент, обобщить и осмыслить обширный документальный материал, перейти к созданию масштабных аналитических конструкций.

¹ Лоо ван дер Х., Райен ван В. Модернизация. Проект и парадокс // *Ab imregio*. 2002. № 1. С. 34.

² Очевидно, именно такие модели имел в виду британский историк О. Файджес, выступая на коллоквиуме в Петербурге в январе 1993 г.: «Концепция модернизации слишком неопределенна, чтобы быть полезной, особенно, если речь идет о революции, имеющей субъективные аспекты. Модернизация, в сущности, бесконечна и постоянна. Большинство исследователей в Европе и так называемом «третьем мире» следуют этой концепции, поскольку она предполагает закономерность, рассматривает как идеал западное капиталистическое, либеральное, демократическое развитие. Можно даже сказать, концепция модернизации является либеральным аналогом или зеркальным отражением марксистской схемы капиталистического развития.

Уважаемые российские коллеги! Надеюсь, вы не обидитесь, если я скажу, что вам проще других заменить марксистскую концепцию концепцией модернизации: они близки и обе теряют из вида жертвы истории, играющие немаловажную роль. На мой взгляд, важнее исследовать специфические особенности истории каждой страны». См.: *Анатомия революции. 1917 год в России : массы, партии, власть*. СПб., 1994. С. 60–61.

³ Захаров В. Ю. Теория модернизации и попытки реформ государственного строя России во второй половине XVIII – 1-й четверти XIX вв. (к постановке проблемы) // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. 2010. № 2. С. 47.

⁴ Gerschenkron A. Economic Backwardness in Historical Perspective : A Book of Essays. Cambridge, MA, 1962; *Ibid.* Agrarian policy and Industrialization : Russia 1861–1917 // The Cambridge Economic History of Europe. 1965. Vol. 6, Pt. 2. P. 706–800.

⁵ Селунская Н. Б. Россия на рубеже XIX–XX веков (в трудах западных историков). М., 1995. С. 30. См. также об «оптимистах» и «пессимистах» в оценке предпосылок революции: Шепелева В. Б. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России (по материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск, 2005. С. 82–101.

⁶ Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // Slavic Review. 1964. № 4. P. 419–441; 1965. № 1. P. 1–34. См. авторизованный перевод: Хеймсон Л. Проблема социальной стабильности в городской России 1905–1914 гг. // Между двух революций. 1905–1917. СПб., 2005.

⁷ Russia in the European context 1789–1914 : A member of the family. N. Y., 2005. P. 151.

⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. Т. 2. СПб., 2003. С. 264. Дискуссия по поводу концепции Миронова подробно рассмотрена в: Он же. Страсти по революции : Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013.

⁹ Лукьянчикова М. В. Российская история XIX–XX вв. в трудах ведущих германских русистов Тюбингенской школы : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. С. 111–112. См. также: Ланской Г. Н. Образ российской экономической модернизации второй половины XIX – начала XX в. в восприятии американских, английских и французских историков // Реформы и реформаторы в истории России : к 150-летию великих реформ : мат. конф. М., 2012. С. 342–347.

¹⁰ Шелохаев В. В. Российская социал-демократия в контексте модернизации // Мировая социал-демократия : теория, история и современность. М., 2006. С. 75.

¹¹ Там же. С. 77.

¹² Шелохаев В. В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем : век, десятилетие, год. М., 1999. С. 30. См. также обобщающую коллективную монографию под редакцией В. В. Шелохаева: Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.

¹³ Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 102.

¹⁴ *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 11.

¹⁵ *Зверев В. В.* Закономерности и особенности эволюции социализма в России // Россия в условиях трансформаций : Историко-политологический семинар. Вып. 6. М., 2000. С. 33.

¹⁶ Именно В. Г. Хорос ввел в широкий научный оборот термин «неонародничество». В то же время отдельные исследователи не считают его корректным, указывая на серьезные различия в идеологии и практике народников XIX в. и социалистов-революционеров (а также народных социалистов) XX в., не говоря уже о том, что их деятельность протекала в совершенно разных условиях. См. обсуждение энциклопедии «Общественная мысль России XVIII – начала XX вв.» (М., 2005) в журнале «Отечественная история» (2006. № 4. С. 96–97).

¹⁷ *Хорос В. Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 77–95.

¹⁸ *Коновалова О. В.* Проблемы исторической модернизации России в идейном наследии В. М. Чернова : дис. ... д-ра ист. наук. Красноярск, 2006. С. 33.

¹⁹ *Коновалова О. В.* В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 318.

²⁰ *Сенявский А. С.* Проблемы модернизации России в XX веке : диалектика реформизма и революционности // Россия в XX веке : Реформы и революции. Т. 1. М., 2002. С. 58.

²¹ *Коновалова О. В.* В. М. Чернов о путях развития России. С. 316.

²² *Юрченков Е. Ю.* Социально-политическая концепция партии социалистов-революционеров : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

²³ *Ерофеев Н. Д.* Предисловие. С. 8–9. См. также: *Он же.* Уход с политической сцены эсеров // Политические партии России : история и современность. М., 2000. С. 363–364.

²⁴ *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии России в 1917 г. Л., 1977. С. 113. Выступая в 1993 г. на международном colloquium «1917 год в России: массы, партии, власть» в Санкт-Петербурге, В. Н. Гинев вновь подчеркнул эту проблему: «Когда мы писали о партии эсеров, то считали, что левые эсеры в 1917 г. сыграли более позитивную роль, чем центр, не говоря уже о правых. Сейчас это представляется, по крайней мере, дискуссионным. Как расценить отказ эсеров от некоторых социалистических элементов своей аграрной программы – таких как равное право на землю, запрет наемного труда, отказ практически от уравнительного землепользования? Измена ли это крестьянству и своей аграрной программе или проявление элементов реализма?» // *Анатомия революции. 1917 год в России : массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 255.

²⁵ Хильдермайер М. Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Россия в XX веке : истории мира спорят. М., 1994. С. 133.

²⁶ Х. Иммонен, задаваясь вопросом – «Может ли программа социалистов-революционеров, разработанная как социалистическая, оставаться таковой от начала до конца без фундаментальных изменений?», – приходил к выводу, что социализация земли – стержень концепции аграрной программы эсеров – оставалась абстракцией без конкретного плана ее реализации. См.: *Immonen H. The Agrarian Program of the Russian Socialist Revolutionary Party. 1900–1914. Helsinki, 1988. P. 20.*

²⁷ Хильдермайер М. Указ. соч. С. 127–128; Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 611–612. Об эволюции взглядов И. И. Бунакова-Фондаминского см.: Берзина А. А. Общественно-политическая деятельность И. И. Бунакова-Фондаминского : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. С. 195–196. М. Мелансон отмечает, что эсеры в 1917 г. перешли на позиции современного европейского социализма, стали рассматривать себя как истинных государственников, что объясняет их близость к кадетам, Временному правительству, «бесполезные» попытки строительства государственности на Волге и в Сибири в 1918 г. *Melancon M. The Socialist-Revolutionary Party (SRs), 1917–1920 // The Critical Companion to the Russian Revolution, 1914–1921. London, Sydney, Auckland, 1997. P. 289.*

²⁸ Лазарев Е. Е. Из переписки с друзьями. Ужгород, 1935. С. 12. Очень характерно высказывание эсера Н. Ф. Новожилова на конференции пражской группы ПСР в 1931 г. Обсуждая доклад С. Н. Николаева о политическом строе России после большевиков, он предложил переименовать ПСР в Партию народной свободы. См.: Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection. Box 28. Folder 11. Очевидно, Новожилов прекрасно знал, как и другие участники конференции, что с 1906 г. такое название носила партия кадетов.

²⁹ *Radkey O. H. The Sickle under the Hammer : The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. N. Y.; L., 1963. P. 468.*

³⁰ Ярецев Б. К. Политико-экономическая платформа российского неонародничества в 20-е гг. // Был ли у России выбор? : (Н. И. Бухарин и В. М. Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996. С. 172–173.

³¹ *Миллер В. И. Революция в России. 1917–1918 гг. Проблемы изучения : дис. ... д-ра ист. наук в форме науч. доклада по совокупности опублик. трудов. М., 1995. С. 30.*

³² *Hildermeier M. Die Sozialrevolutionäre Partei Russlands : Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich (1900–1914). Köln; Wien, 1978. S. 399.* Подробнее о работе М. Хильдермайера см.: Лукьянчикова М. В. Партия социалистов-революционеров и ее исторические судьбы в освещении Манфреда

Хильдермайера // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2010. № 1.

³³ *Разин С. Ю.* Российская многопартийность и имперский миф в истории русской революции // *Власть*. 2009. № 2. С. 110.

³⁴ *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе : Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 65.

³⁵ *Шелохаев В. В.* Российская социал-демократия в контексте модернизации // *Мировая социал-демократия : теория, история и современность*. М., 2006. С. 83.

³⁶ *Леонов М. И.* Пролетарский и крестьянский социализм в России на рубеже XIX–XX веков // *Самарский исторический сборник*. Самара, 1993. С. 30–31.

³⁷ *Хеймсон Л.* Меньшевизм и большевизм (1903–1917) : формирование менталитетов и политической культуры // РСДРП (о) в 1917 году. Документально-исторические очерки. М., 2007. С. 50–53. О ключевой роли крестьянства в историческом развитии страны неоднократно писал А. С. Ахиезер: «...судьба России зависит от гигантской массы крестьян, от попытки соединить государственность, нацеленную на нечто вроде модернизации, и архаичное крестьянство». См.: *Ахиезер А. С.* Труды. М., 2006. С. 99.

³⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 32. С. 56.

³⁹ *Бердяев Н. А.* Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2006. С. 350.

⁴⁰ Там же. С. 347.

⁴¹ См.: *Вишневский А.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

Кононенко А. А.

Накануне столетия Великой русской революции (о некоторых итогах изучения истории партии эсеров)

Приближающийся 2017 г. позволяет предположить рост внимания профессиональных историков и читающей общественности к юбилейной дате – столетию великой русской революции 1917 г. При советской власти эта дата, безусловно, стала бы ключевым идеологическим событием, с масштабными торжествами, научными конференциями, сейчас же юбилей пройдет почти незамеченным, в связи с полярным изменением отношения властей к самому понятию – революции, к партиям и социальным группам в ней участвовавшим. Вызывающая чувство неприязни у современных властных кругов, революция, как и освободительное движение в целом (сейчас это называется экстремизмом), не только очерняется, но и не приветствуется ее изучение.

Историография партии социалистов-революционеров прошла сложный и противоречивый путь развития. Это объясняется неоднозначной ролью государства в процессе становления и функционирования отечественной исторической науки¹.

Дооктябрьская историография эсеров практически делала первые шаги, и влияние ее на последующее изучение истории партии невелико². К тому же в царской России научное изучение деятельности революционных партий не приветствовалось. Скорее это было прерогативой охранительных организаций.

После октября 1917 г. в СССР были созданы специальные учреждения, научные советы по изучению истории партий, в первую очередь большевистской, подготовлены многочисленные кадры исследователей, налажена координация их действий в масштабе всей страны. В то же время, жесткие рамки официальной коммунистической идеологии существенно сковывали творческий процесс ученых в освещении «непролетарских, соглашательских» партий. В такой ситуации неоднозначными оказались и итоги развития темы. В целом они представляли собой своеобразный синтез достаточно высокого научного уровня лучших трудов советской историографии партии социалистов-революционеров и идеологизированных, оторванных от жизни обобщающих выводов.

Специфика подпольной работы эсеров в дооктябрьский период создавала дополнительные трудности в исследовательской работе ученых. Поэтому более полно традиционно освещался период с марта 1917 г. Значительное внимание уделялось, прежде всего «соглашательской», а затем «контрреволюционной» деятельности социалистов-революционеров. Большое значение в историографии темы имело изучение проблем выделения из ПСР партии левых социалистов-интернационалистов, большевистско-левоэсеровского блока и его распада. Без их исследования невозможно было сформировать объективные представления о складывании в СССР однопартийной диктатуры.

Данные проблемы в той или иной степени освещались на всех этапах советской историографии, причем это делалось в работах самого различного уровня, характера, назначения. Характеризуя лучшие образцы научной литературы того времени, нельзя не признать достойного вклада ее авторов – К. В. Гусева, Л. М. Спирина, В. В. Комина, В. Н. Гинева, М. И. Леонова, А. Л. Литвина и др. в изучение ряда важных направлений рассматриваемой темы³. К ним, безусловно, принадлежат вопросы о генезисе партии эсеров, программных целях, стратегии и тактики, численности и социальном составе. Благодаря их комплексному исследованию удалось установить, что подавляющее большинство Советов солдатских и рабочих депутатов и все Советы крестьянских депутатов в 1917 г. оказались под руководством эсеров и меньшевиков. Единый блок социалистических партий (включая большевиков) действовал лишь в течение месяца. За этот период произошли существенные изменения в стране – ликвидированы старые органы управления, намечен ряд мер в решении вопросов о земле, мире, власти. Был предложен и путь решения этих вопросов – Всероссийское Учредительное собрание. Сама ситуация марта 1917 г., когда большинство партий стояли на умеренных, реформаторских позициях, способствовала свободному, демократическому развитию страны.

Дальнейший ход событий свидетельствовал о нарастании радикальных тенденций. Это выразилось в расширении круга недовольных за счет малообеспеченных рабочих, солдат разложившегося Петроградского гарнизона, и в углублении максималистских взглядов, переходе от тактики мирных демонстраций к вооруженным выступлениям, формированию боевых единиц Красной гвардии.

Значительны достижения советской и постсоветской историографии в области изучения раскола эсеровских организаций в августе-ноябре 1917 года. Отечественные ученые пришли к выводу, что процесс консолидации левых эсеров фокусировал ситуацию, происходившую в политически активной части общества. Нарастание радикальных тенденций среди пролетариата и солдат привели к переворотам ряда Советов в стране, которые стали опорой большевиков.

Несмотря на отсутствие специальных обобщающих трудов по проблемам взаимоотношений партии социалистов-революционеров и крестьянства, они всегда находились в поле зрения историков. По их общему мнению, в апреле-сентябре 1917 г. наблюдалось обострение борьбы среди крестьянства. С целью противопоставить его эсерам, большевики сделали ставку на сельских наемных рабочих – батраков, обещав им наделение землей и перераспределение имущества. Развязав, таким образом, борьбу в деревне, большевики смогли отвлечь внимание крестьянства от событий в городах и в короткие сроки установить свою власть в Петрограде, Москве, Казани, Екатеринбурге и в других районах.

В постсоветское время появились принципиально новые для отечественной историографии концепции. В частности, эсеры, в этой войне стали обозначаться как обороняющаяся сторона, причем их борьба так и не вышла за рамки политической. Верность общему социалистическому лагерю не позволила умеренным социалистам взяться за оружие против большевиков. Большевики в союзе с левыми эсерами и максималистами, провозгласив свое монопольное право на построение социализма, отстаивали его всеми средствами. Гражданская война, развязанная ими, стала логическим продолжением политической борьбы иными средствами. Разгромив эсеровские организации, большевики избавились от своих временных союзников – левых эсеров. Спровоцировав их на выступление 6 июля 1918 г. своей аграрной политикой и заключением Брестского мира, большевики ликвидировали партию левых социалистов – революционеров, создав однопартийную систему, существовавшую более 70 лет⁴.

Борьба продолжавшаяся, общей сложностью 20 лет, с 1901 по 1922 гг. закончилась поражением партии эсеров. Последующая история социалистов-революционеров – всего лишь неудачные попытки ее реанимировать. Гибель крупнейшей социалистической партии,

было гибелью одной из разновидностей социализма – «народнического».

Изучение литературы по истории партии социалистов-революционеров рисует поучительную картину политического крушения некогда крупнейшей российской партии. Эсеры, по мнению современных историков, имели прекрасную программу, разветвленную сеть местных организаций, поддержку в массах, но не сумели воспользоваться шансом и реализовать свои устремления. Сказались структурные пороки партийного строительства – отсутствие единства, твердой дисциплины, настоящего лидера. Будучи революционной, но не делающей революцию партией, эсеры допустили несколько очень серьезных тактических ошибок, не сумев воспользоваться даже большинством в Учредительном собрании. Уступив инициативу большевикам, социалисты-революционеры после октября 1917 г. пытались отстаивать идеи демократического социализма и «третьего пути» между основными противоборствующими лагерями Гражданской войны. Эсеровская альтернатива была отвергнута – репрессии обрушились на ПСР и со стороны большевиков, и со стороны белых режимов. Лишенные возможности легально излагать свои взгляды, постоянно преследуемые, социалисты-революционеры были вытеснены с российской политической сцены и к середине 1920-х годов прекратили свою деятельность.

Источники по истории ПСР после февраля 1917 года различаются по степени достоверности и информативной значимости. Каждая из рассмотренных групп источников – документальные, источники личного происхождения, периодическая печать – имеет свою специфику и отражает преимущественно отдельные стороны деятельности партии.

Документальные источники, представленные партийными документами, материалами органов государственной власти и общественных организаций содержат информацию по наиболее широкому спектру истории ПСР – программным установкам, стратегии и тактике, наличию в ПСР различных течений, о взаимоотношениях с властью и различными общественными силами. Это самая важная и наиболее репрезентативная группа источников, отличающаяся высокой степенью достоверности. Материалы партийных форумов ПСР, ЦК партии, местных организаций позволяют определить позицию социалистов-революционеров по ключевым проблемам поли-

тической и социально-экономической жизни, выявить их динамику на различных этапах истории партии после октября 1917 года. Хорошо отражены в документах вопросы партийного раскола (с левыми эсерами в 1917 году, группой «Народ» в 1919 году), участие ПСР во властных структурах (съезды Советов, ВЦИК), отношение правящего режима к партии социалистов-революционеров. Последняя подгруппа источников содержит, кроме того, очень важный блок материалов, связанный с деятельностью карательных органов Советского государства по отношению к правым и левым эсерам. Эти документы, включающие судебные материалы, используются в современной историографии недостаточно.

Большинство документальных источников по истории ПСР еще не стали предметом полноценного научного анализа. В первую очередь это относится к материалам местных партийных организаций, которые содержат ценную информацию о численности и составе ПСР, деятельности партии на местах, региональных различиях. Именно изучение документов местных организаций эсеров, на наш взгляд, может существенно помочь в создании целостной картины истории партии после февраля 1917 года.

История эсеров нашла отражение и в источниках личного происхождения – воспоминаниях, дневниках, переписке. Эти данные представляют интерес как источник важной дополнительной информации, особенно по проблемам участия ПСР в Гражданской войне, по процессу 1922 г., не отраженной в других источниках. Однако главное значение мемуарной и дневниковой литературы, а также писем заключается в возможности сравнения богатого спектра мнений и позиций по трактовкам истории партии социалистов-революционеров. Источники личного происхождения наглядно демонстрируют разнообразие подходов внутри партии к решению важнейших политических вопросов, которые практически никогда не удавалось полностью преодолеть, что стало одной из причин поражения эсеров. Политическая борьба, борьба мнений в ПСР богато иллюстрируются материалами периодической печати, как эсеровской, так и прочей. Пресса всегда чутко отражала позицию социалистов-революционеров по всем существенным проблемам жизни и, что наиболее важно, служила мощным оружием оппозиционной партии. Последнее обстоятельство повлекло сравнительно недолгий срок существования легальной эсеровской печати в Советской Рос-

сии – до середины 1918 г. Периодические издания ПСР последующих (за исключением газет и журналов эмиграции) лет изучены слабее всего, хотя содержат интересные сведения о деятельности партии, не всегда отраженные в других источниках.

Партийно-советская печать советской России уделяла критике ПСР постоянное внимание. Власти активно использовали газеты и журналы для обработки общественного мнения в антиэсеровском духе, печать по праву считалась большевиками важнейшей частью пропагандистской кампании, направленной на дискредитацию эсеров. Зачастую тон газетной полемики был недопустимым, газеты и журналы помещали откровенно сфальсифицированные материалы, что, впрочем, было в той или иной степени характерно для периодики всех партий. Кульминации травля достигла в 1922 г., во время судебного процесса по делу партии социалистов-революционеров, явившегося прообразом показательных процессов 1930-х гг.⁵

История ПСР еще во время существования партии не раз становилась предметом ожесточенных политических дискуссий. Такая же судьба постигла историографию ПСР, которая за десятилетия своего развития прошла довольно сложный путь, отразив колебания политической конъюнктуры и смену властных режимов.

В 1920-е гг. литература о правых эсерах имела своей целью, главным образом, оправдать свои действия и опорочить конкурентов. Сочинения тех лет, представлявшие широкую палитру различных партийных течений и группировок, базировались на весьма узком круге источников. Историков и политических деятелей волновала преимущественно проблема политической гибели ПСР, ошибок и просчетов партии в борьбе за власть. Научный анализ в большинстве случаев подменялся партийной риторикой⁶. Тем не менее, в 1920–1930-е гг. в советской и эмигрантской историографии был намечен ряд тем, в основном по истории ПСР в годы Гражданской войны, накоплен определенный фактический материал, что оказало заметное влияние на последующее развитие исторической науки в СССР и за рубежом. Некоторые устойчивые штампы советской пропаганды 1920-х гг. (о мелкобуржуазной сути социалистов-революционеров, об эсеровском терроре против большевистских вождей, о «кулацко-эсеровских» мятежах и др.) прочно закрепились в отечественной литературе, и встречаются по сей день. В свою очередь, положения эмигрантской историографии и воспоминаний о причинах

поражения эсеров оказали воздействие на зарубежную историческую науку.

На следующем этапе (1930–1950-е гг.) политическая ситуация в стране привела к почти полному исчезновению работ по истории российских политических партий. Изучалась лишь история ВКП(б), деятельность остальных партий рассматривалась поверхностно и лишь в рамках борьбы с ними большевиков. Источниковедение ПСР переживало в 1930–1950-е гг. полный упадок – не использовались даже доступные документы. Не могло быть и речи о публикации материалов по истории ПСР (в 1920-е гг. они еще встречались) – эта традиция будет характерна для советской исторической науки вплоть до начала 1990-х гг. Прекращаются исторические изыскания российских эмигрантов, что было связано с общим кризисом эмиграции в 1930–1940-е гг.

Интерес к изучению истории российских политических партий возродился во второй половине 1950-х гг., отразив благоприятные последствия либерализации советского общества. Стали более доступны источники по истории ПСР, в научный оборот постепенно было введено большое количество эсеровских документов из центральных и местных архивов. И хотя история партии правых эсеров еще длительное время изучалась лишь на фоне борьбы с ПСР большевиков, постепенно возрастал интерес к анализу деятельности самой партии, ее эволюции. Положительное значение имело знакомство с трудами зарубежных историков, прежде всего О. Радки, чье двухтомное исследование по истории партии эсеров в 1917–1918 гг., хотя и критически, но было воспринято в советской историографии⁷. Труды зарубежных историков, даже в ограниченных источниковых рамках, создали в 1950–1980-е гг. целостную картину истории ПСР, главными чертами которой было изображение социалистов-революционеров в качестве защитников крестьянских интересов, подлинных социалистов и демократов. Причинами поражения ПСР стали, по мнению зарубежных авторов (Радки, Шуба, Берка, Янсена⁸) с одной стороны, ошибки и слабости самих социалистов-революционеров, с другой – большевистские репрессии.

Советская историография 1950–1980-х гг. представила историю ПСР после октября 1917 г. как эволюцию к антисоветской и контрреволюционной деятельности, логическим образом закончившуюся гибелью социалистов-революционеров в Советской России. Тактика

большевиков лишь ускорила этот, по мнению советских авторов, вполне закономерный процесс. Социалистам-революционерам отказывали в социалистическом характере их партии, провозглашая ее мелкобуржуазной и социал-соглашательской. В советской науке прочно утвердились положения об антисоветской деятельности ПСР, терроре в 1918 г., организации партией «кулацко-эсеровских» мятежей накануне нэпа и впервые его годы. Советские историки использовали довольно широкий круг источников, в том числе эсеровского происхождения, однако интерпретировали их крайне тенденциозно, подгоняя под уже утвердившиеся схемы. В итоге задача создания достоверной истории ПСР в советской историографии, несмотря на активизацию исследований в 1970–1980-е гг., так и не была решена.

Переоценка практически всех положений советской истории, начатая во второй половине 1980-х гг. и особенно активно продолжившаяся в 1990-е гг., затронула историю партии эсеров⁹. Большинство авторов отказалось от утверждений советской историографии, и рассматривает деятельность ПСР после Октябрьской революции как один из возможных вариантов демократического развития страны, не реализовавшийся в силу карательной политики большевистских властей, раскола и ошибок самих эсеров. В современной российской науке утвердились, таким образом, многие тезисы зарубежной историографии, высказанные еще в 1950–1980-е гг. В то же время современные российские историки сумели как поставить целый ряд новых проблем, так и существенно дополнить сложившиеся представления об истории партии эсеров.

Созданию новой научной картины истории ПСР способствует процесс публикации и вовлечения в научный оборот источников, использование которых ранее было невозможно или затруднено. В их свете началось активное изучение причин политической гибели ПСР, судеб членов партии в 1920–1930-е гг., истории эсеровской эмиграции¹⁰. Этот процесс, тесно взаимодействуя, идет на двух уровнях – общероссийском и региональном, что создает необходимую основу для создания крупных обобщающих работ по истории ПСР в 1917–1930-е гг., необходимость в которых очевидна.

Дальнейшей разработки требуют и отдельные проблемы данной темы. В частности, необходимо продолжить исследование истории региональных партийных организации социалистов-революционе-

ров. Рано останавливаться на достигнутом и в вопросах выявления их численности и социального состава. Это направление требует создания единых критериев и методики статистических подсчетов. Необходим поиск новых источников, содержащих персональные данные о лидерах эсеров, о фактах их участия в террористических актах, в деятельности Боевой организации ПСР.

Нельзя считать завершенным изучение истории покушений на В. И. Ленина, В. Володарского, М. С. Урицкого. Лишь фрагментарно отражены контакты эсеров с массовыми организациями пролетариата и крестьянства. Это же можно сказать об их связях с революционно настроенными представителями армии. Наконец, было бы полезным составить хронику партийной жизни ПСР и ПЛСР (1901–1922 гг.).

Важно продолжить изучение различных форм деятельности эсеров в тюрьмах, на каторге, в местах поселения. В данном случае желательна единая методика учета их организаций, библиотек, политических выступлений, побегов на волю в дореволюционный период и после политической амнистии 1917 г. Следует выяснить степень влияния социалистов-революционеров на «аборигенов», установить характер их обоюдных контактов. Полезно с научной точки зрения проследить эволюцию взглядов членов ПСР, особенно в период первой мировой войны. При этом весьма интересным представляется вопрос о восприятии эсерами идей оборончества и пораженчества. Пока неясно, какие взгляды преобладали в среде эсеров.

До сих пор остались нерассмотренными вопросы совместной борьбы с самодержавием социалистов-революционеров и социал-демократов. Вместе с тем нетрудно предположить, что в борьбе с самодержавием они выступали заодно. Общие условия жизни и в принципе похожие судьбы лидеров в Швейцарии, рядовых партийцев на каторге или поселениях формировали единую психологию и особые взаимоотношения. Партийные и человеческие отношения в такой ситуации, разумеется, не могли не переплетаться. С этих позиций данная проблема никогда не рассматривалась, так же, как и вопросы тактики сложившегося впоследствии «левого блока».

Опыт изучения истории партии социалистов-революционеров доказывает плодотворность ее рассмотрения в целом, как единый организм. Однако это не исключает исследования отдельных ее периодов. К настоящему моменту назрела необходимость с новых по-

зиций обратиться к истории партии с марта по октябрь 1917 г., так как дооктябрьская история ПСР получила освещение в трудах Г. Г. Касарова, Н. Д. Ерофеева, М. И. Леонова, К. Н. Морозова, М. Hildermeier, M. Melancon¹¹, послеоктябрьская – в трудах Ю. Г. Фельштинского, Д. Б. Павлова, L. Häfners¹². Хотя говорить о полном и точном освещении истории партии и в эти годы было бы преждевременно.

Сегодня чувствуется заметный спад исследовательского интереса к истории политических партий и групп, действовавших в первой четверти XX века. Любой серьезный историк десять раз подумает, прежде чем писать о революции, Гражданской войне, Великой Отечественной войне, дабы не стать мишенью особо ретивых чиновников от науки, действующих в русле борцов с фальсификацией российской истории. Тем не менее, последнее десятилетие не стало потерянными для историографии партии социалистов-революционеров, как неотъемлемого участника революционных событий.

Появление работ Д. А. Местковского, Э. Р. Кадикова, А. А. Оксенюк, монографий О. В. Коноваловой и E. White¹³, способно осветить частные, хотя и важные лакуны этой проблемы. Историков продолжают интересовать организационные структуры, комитеты и группы эсеров в городе, в деревне, в армейских частях, соотношение организационно – правового и демократического начал в партии, персоналии ее видных членов. Не является этапным и выход подготовленного международным авторским коллективом «Критического словаря русской революции: 1914–1921 гг.» (СПб., 2014), способного удовлетворить лишь интерес начинающего историка.

Плодотворному совершенствованию исследований в области истории партии эсеров во многом могла бы способствовать активная публикация соответствующих библиографических, документальных, источниковедческих изданий. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны издательством «РОССПЭН», что еще раз подчеркивает важность исследований на более широкой документальной основе¹⁴.

История партии социалистов-революционеров тесно связана с важнейшими событиями истории России первой трети XX века. Ее изучение способно расширить наши представления об истоках и сути российских революций, причинах победы именно большевистского варианта развития страны и поражения демократических социалистических партий. Работы по истории ПСР всегда были под-

вергнуты идеологическому влиянию, использовались в политической борьбе, что существенно снижало их научную ценность. Намечившаяся в современной российской историографии тенденция к непредвзятому изучению партии эсеров наряду с публикацией и использованием как можно более широкого круга источников позволяет надеяться на появление новых исследований, которые смогут с подлинно научных позиций выявить место и роль ПСР в истории России.

¹ Подробнее см.: *Камнева Г. П.* Отечественная историография истории возникновения Партии социалистов-революционеров : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998; *Кононенко А. А.* Историография создания и деятельности Партии социалистов-революционеров в 1901–1922 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2005; *Суслов А. Ю.* Общесоциалистические партии после октября 1917 года в российской историографии : дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2014.

² *Слетов С. Н.* К истории возникновения Партии социалистов-революционеров. М., 1918; *Милюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1897; *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916; и др.

³ *Гусев К. В.* Партия эсеров от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1970; *Спирин Л. М.* Классы и партии в Гражданской войне в России. М., 1968; *Комин В. В.* История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Калинин, 1975; *Гинев В. Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. Л., 1983; *Леонов М. И.* Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987; *Литвин А. Л.* Советская историческая литература о борьбе с эсеровской контрреволюцией (1918–1921 гг.) // Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М., 1981; *Непролетарские партии России. Урок истории.* М., 1984.

⁴ *Häfner L.* The Assassination of Count Mirbach and the “July Uprising” of the Left Socialist Revolutionaries in Moscow 1918 // *Russian Review.* Vol. 50. 1991. P. 324–344.

⁵ *Красильников С. А., Морозов К. Н., Чубыкин И. В.* Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.). М., 2002.

⁶ *Луначарский А. В.* Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922; *Быстрянский В.* Меньшевики и эсеры в русской революции. Пг., 1921; *Горев Б. И.* Анархисты, максималисты и махаевцы. Пг., 1922; *Мещеряков В. Н.* Партия социалистов-революционеров. М., 1922.

⁷ *Гармиза В. В., Жумаева Л. С.* Партия эсеров в современной буржуазной историографии // *История СССР.* 1968. № 2. С. 185–202.

⁸ *Radkey O.* The Agrarian Foes of Bolshevism : Promise and Default of Russian Socialist Revolutionaries from February to October 1917. N. Y., 1958; *Idem.*

The Sickle under the Hammer : The Russian Socialist Revolutionaries in the early Months of Soviet Rule. N. Y., 1963; *Shub D.* The trial of the SRs // Russian review. 1964. № 4. P. 362–369; *Berc S. M.* The democratic Counterrevolution : Komuch and the Civil war on the Volga // Canadian-American Slavic Studies. 1973. Vol. 7. № 4; *Янсен М.* Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

⁹ *Колесниченко Д. А. В. М. Чернов* // Россия на рубеже веков : исторические портреты. М., 1991. С. 296–334; *Безбережьев С. В. М. А. Спиридонова* // Там же. С. 335–355; *Гусев К. В. В. М. Чернов.* Штрихи к политическому портрету. М., 1999.

¹⁰ См.: *Добровольский А. В.* Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. Новосибирск, 2002; *Аврус А. И., Голосеева А. А., Новиков А. П.* Виктор Чернов : судьба русского социалиста. М., 2015; *Иммонен Х.* Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952). СПб., 2015.

¹¹ *Касаров Г. Г.* Партия социалистов-революционеров (конец XIX в. – февраль 1917 года). М., 1995; *Ерофеев Н. Д.* Социалисты-революционеры в 90-е годы XIX в. – 1904 г. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999; *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в революции 1905–1907 годов. М., 1997; *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 годах. М., 1998; *Хильдермайер М.* Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Историки мира спорят. М., 1994; *Melancon M.* The Socialist Revolutionaries and the Russian Anti-War Movement, 1914–1917. Columbus. Ohio, 1990.

¹² *Фельштинский Ю. Г.* Большевики и левые эсеры. На пути к однопартийной диктатуре. Париж, 1985; *Павлов Д. Б.* Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х гг. М., 1999; *Häfner L.* Die Partei der Linken Sozial-revolutionäre in der Russischen Revolution von 1917/1918. Böhlau Verlag, 1994.

¹³ *Местковский Д. А.* Партия социалистов-революционеров : между централизмом и демократизмом : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2013; *Кадиков Э. Р.* Отечественная историография эсеровского подполья в Сибири в начале XX в. : учебное пособие. Омск, 2008; *Оксенюк А. А.* Механизм формирования массовых нелегальных организаций социалистических партий в России в начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013; *Коновалова О. В. В. М. Чернов* о путях развития России. М., 2009; *White E.* The Socialist Alternative to Bolshevik Russia : The Socialist Revolutionary Party, 1917–1939. Milton Park, New York; Routledge, 2010.

¹⁴ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1922 : в 3 т. М., 1996–2000; Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917–1925 : в 3 т. М., 2000–2010; Союз эсеров-максималистов. 1906–1924. Документы, публицистика. М., 2002.

Раздел II

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАРОДНИЧЕСТВА

Калинчук С. В.

Революционные народники и украинофилы 1870-1880-х гг.: сотрудничество или соперничество?

Несмотря на более чем 100-летнюю традицию изучения, история русского революционного народничества до сих пор изобилует малоизвестными эпизодами. При чтении исследовательской литературы советского и даже постсоветского периода до сих пор складывается ощущение, что революционеры-народники существовали в идейном и организационном вакууме, выход из которого был только один – в социал-демократию или в неонароднические партии будущего. Реалии исторической действительности не всегда укладывались в русло одномерной и прямолинейной советской концепции «трех поколений революционеров», вследствие чего все «ненужное» отсекалось, признавалось малозначимым или вообще замалчивалось. Зарубежная историография, несмотря на иной подход к характеристике русского революционного движения (в основном отличающийся оценками и гораздо реже методологией), мало что добавляет к устоявшемуся сценарию. В результате картина эволюции народнической мысли получается достаточно стройная, но слишком уж однозначная, не допускающая вариаций и, главное, весьма далекая от настоящей жизни, которая, конечно, богаче и красочнее любой схемы.

Некоторые из этих малоизученных эпизодов связаны с историей взаимодействия революционеров-народников и представителей других оппозиционных движений. Для истории российской общественной мысли эта тема является тем более актуальной, что народническое мировоззрение в своих основных постулатах допускало возможность трансформации в политическую программу практически любой части политического спектра – от крайне реакционной до крайне радикальной. В этом состоит его ключевое отличие от марксизма, которое советские историки объясняли эклектичностью народнической доктрины, а мы теперь можем рассматривать скорее как подтвержде-

ние глубинной связи народничества с формирующимся социальным сознанием особой общественной группы – интеллигенции и как отражение экономических реалий «страны догоняющего развития». Лев Тихомиров, перейдя в лагерь реакции, не перестал быть народником. Для марксиста подобная эволюция вряд ли была бы возможна.

Одним из таких интересных и при этом малоизвестных сюжетов является история попыток взаимного сближения народников с движениями национальной интеллигенции народов, населяющих Российскую империю, в частности, с украинофилами. До второй половины 70-х годов XIX в. эти два течения в общерусском освободительном движении развивались параллельно – наблюдая друг за другом, но не вступая в регулярное взаимодействие. Революционеры считали украинофилов мирными «культурниками», вся деятельность которых сводится к ношению вышиванок, пению украинских песен и изданию книг на украинском языке, еще переживавшем тогда пору своего литературного становления. Именно так характеризуют украинофильство 1870-х гг. Е. Н. Ковальская, М. Р. Попов и Я. В. Стефанович¹, и таким оно в значительной степени и было в 1860-е гг., в период так называемой «старой Громады». В системе ценностей революционеро-семидесятников ратование за изучение и развитие национальной культуры и национального языка воспринималось как стремление отвлечь сознательную часть общества от магистральных задач социалистической пропаганды. Лучше всего это негативное отношение к украинофильству выразил Стефанович «Дело в том, – писал он отцу, – что по принципу украинофилов необходимо переводить Шекспира или Щедрина не только на малорусский язык, но и всячески поощрять переводы этих авторов и на каракалпакский, и на чувашский, и на эскимосский, одним словом, на все языки, на каких только киту заблагорассудится мычать. Вы понимаете, к чему ведет столь необъятно понимаемый принцип народности...: вместо сближения оных – одно вавилонское столпотворение и больше ничего»².

Однако к концу 1870-х гг. украинофильство претерпело существенные изменения. Водоразделом послужило опубликование печально знаменитого Эмского указа и изданного на его основе 6 июня 1876 г. очередного цензурного циркуляра. Согласно ему, запрещалось издание на малороссийском языке практически любой литературы, за исключением исторических документов. Запрещались также украинские пьесы, концерты, преподавание на украинском

языке в школах, использование украинской орфографии, а ввоз украинской литературы из-за границы требовал санкции Главного Управления по делам цензуры. Одновременно с этим закрытию подвергся единственный легальный орган, в котором печатались украинофилы – газета «Киевский телеграф», начались конфискация из книжных магазинов и уничтожение украинских изданий вплоть до так называемых «метеликов» – дешевых изданий для простого народа³. Духовный и идейный лидер украинофилов М. П. Драгоманов еще годом ранее был вынужден покинуть Россию⁴. Циркуляр стал переломным моментом в истории украинофильского движения. Участие в нем теперь приобрело характер политического преступления, что серьезно осложнило отношения между властью и национальными кругами, толкая последние на путь революционной борьбы.

После событий 1876 г. в прошлом «мирные культуртрегеры» украинофилы изменили свое отношение к революционной борьбе и сами начали искать контактов с представителями революционных кругов. В сознании молодых уроженцев Украины наиболее передовые идеи, распространенные в интеллигентской среде, соседствовали с патриотическими чувствами по отношению к их родине, не только не вступая в противоречие друг с другом, но, напротив, гармонично друг друга дополняя. «Социалистическую идею следует свести с неба на землю и обосновать ее на национальной почве, в Великороссии – на великорусской, в Украине – на украинской, в Польше – на польской, – так сформулировал свое настроение конца 1876 г. Д. Н. Овсяннико-Куликовский, тогда студент Новороссийского университета в Одессе. – В будущем предстоит некий синтез передовых идей и идеалов века с национальными движениями разных народов, в том числе славянских. Человечество идет не к национальному обезличиванию, а к всестороннему развитию национального духа на почве общего культурного и умственного развития»⁵. Среди «громадян» выделилось левое крыло, представители которого активно сближались с народниками, склонялись к использованию их революционного опыта, и даже участвовали в «хождении в народ». Революционеров стали приглашать в качестве гостей на украинофильские собрания, где обсуждалась направленность журнала «Громада». Частыми гостями таких мероприятий были А. И. Желябов и М. П. Ковалевская⁶.

Ответное стремление к консолидации, проявившееся со стороны революционного лагеря, имело во многом аналогичную природу.

Идейный и организационный кризис, постигший землевольческое народничество в 1878–1879 гг. и также отчасти выступивший следствием ужесточения правительственного курса, поставил вопрос о поиске нового направления развития движения. Даже самым убежденным народникам стало ясно, что узость социальной базы, невосприимчивость крестьян к революционной пропаганде и отсутствие возможности продолжать агитацию в деревне толкают их на путь перемен. Дорогой, которая вывела революционное народничество с перепутья, стало народовольчество как политическая доктрина, признававшая борьбу за завоевание гражданских свобод («конституции») и в этом смысле являвшаяся потенциально интересной не только революционному подполью, но и либеральной интеллигенции⁷. Разумеется, в данном случае речь идет не о террористических эксцессах Исполнительного комитета, которые представляли собой наиболее заметное и наиболее яркое проявление народовольчества, но которыми народовольчество отнюдь не исчерпывалось. Народовольчество, безусловно, было самым эффективным из возможных «антикризисных» решений рубежа 70–80-х гг. XIX века в рамках народнического движения – но при этом оно не было ни единственно возможным, ни самым эффективным.

Главные симптомы болезни движения – узость его социальной базы и невозможность расширить ее за счет поддержки крестьянства – становились все более очевидными по мере осознания революционерами провала «хождения в народ» и ужесточения правительственных репрессий. Перспективы расширения этой базы некоторые народнические идеологи увидели в консолидации с прогрессивными силами национальных областей Российской империи, в первую очередь с украинофилами, также теснимыми правительством. Бакунинский анархизм, который исповедовало в середине 1870-х гг. значительное число русских революционеров, как в подполье, так и в эмиграции, не исключал толкования своих программных положений в «национальном» ключе. М. А. Бакунин в свое время много внимания уделил идее создания федерации балканских народов, хотя сам принцип национальности охарактеризовал как «в высшей степени аристократический по своей сущности, вплоть до презрения к диалектам народов, не имеющих своей письменности»⁸. Но уже в следующем поколении последователей Бакунина представления о «федерации вольных общин» как основе социалистического общества

стали приобретать «национальный» окрас. Так, З. К. Ралли определенно говорил о пропаганде «федерации национальностей» как об основополагающем принципе мировоззрения эмигрантской группы, издававшей во второй половине 1870-х гг. журналы «Работник» и «Община»⁹, членом которой он являлся.

Неудивительно, что после своей эмиграции лидер украинофилов М. П. Драгоманов сблизился именно с этой группой русских революционеров в изгнании, взгляды которых так близко напоминали его собственные. «Идея автономии, которая играла во взглядах Драгоманова столь крупную роль, сближала его до некоторой степени с нами, – вспоминал позже П. Б. Аксельрод, входивший в состав этой группы и близко знавший Драгоманова, – от нее, казалось нам, легко было перейти к анархическому идеалу... Женевские бакунисты в то время ... часто бывали у него и, по-видимому, эти частые встречи имели некоторое влияние и на Драгоманова, и на нас»¹⁰. Другой народник-семидесятник, Л. Г. Дейч, вспоминает, что среди революционеров-«бунтарей» Драгоманова после его эмиграции рассматривали как своего рода «умеренного бакуниста», отличавшегося только меньшей революционностью, но «близко стоявшего к ним по своим идеалам «конечной цели»¹¹. В 1878 г. «Община» не только приветствовала развитие украинского национального самосознания, но и оценила этот процесс в контексте российского и даже международного революционного движения, отмечая, что в результате правительственных притеснений убеждения украинофилов неизбежно должны будут приобрести социалистический характер. Более того – авторитетный сподвижник М. А. Бакунина Н. И. Жуковский в своей статье «Реформы и революция», опубликованной в № 5 «Общины», высказывает взгляды на межнациональные отношения, практически идентичные драгомановским: «Москвич, поляк, украинец, сибиряк друг другу не указчики, а товарищи. Теперь они все живут под гегемонией великороссов и называются русским народом, потому именно, что над ними русский становой; исчезнет становой, и все эти народы будут предоставлены самим себе, а в каких пределах и как они сфедерируются друг с другом, это может показать только практика»¹². Показательно, что именно бакунистская «Община» оказалась единственным русским социалистическим изданием, отстаивавшим идею пропаганды на языках «негосударственных», или, по выражению Драгоманова, «плебейских» наций¹³.

Драгоманов и сам в то время давал немало поводов думать о себе как о стороннике «умеренного анархизма» народнического толка. В 1878 г. в свет вышло первое издание редактировавшегося им сборника «Громада», по содержанию и риторике которого автора вполне можно было принять за бакуниста. В «Громаде» Драгоманов критикует представительную демократию, противопоставляя ей «вольный союз», «союз общин» и превознося безначалие. Более того: выбрав в качестве модели такого «безначального общества» Запорожскую Сечь, Драгоманов отмечает, что теперь подобные формы общежития возможны только в мировом масштабе, поскольку только в этом случае исчезнет необходимость в существовании военных и купцов, служащих основой для эксплуататорских классов. Далее, излагая историю борьбы в Интернационале между Генеральным Советом и бакунинским Альянсом Социалистической Демократии, Драгоманов явно становится на точку зрения последнего¹⁴.

Иными словами, во второй половине 70-х гг. XIX века в эмигрантских кругах русских революционеров сложилась коалиция, в которую входили анархисты – последователи Бакунина, с одной стороны, и деятели украинофильского движения, с другой. Анализ публичных заявлений участников этой коалиции позволяет утверждать, что тогда этот союз рассматривался не как временное тактическое соглашение, а как объединение, имеющее стратегические перспективы (в действительности оно просуществовало как минимум 4 года, что для того времени и для тех условий можно считать продолжительным сроком).

Показательно, что украинофилы-эмигранты выбрали в качестве своих союзников революционеров-социалистов, а не либералов-националистов – в противовес тому «буржуазно-либеральному» имиджу национальных движений, который им настойчиво приписывала марксистская историография. Драгоманов и украинофилы, по крайней мере, на рубеже 1870–1880-х гг., определенно противопоставляли свои взгляды национальному сепаратизму и рассматривали борьбу с имперским режимом как общерусское дело, в которое должны быть вовлечены все национальности России¹⁵. Красноречиво говорит о близости бакунистов и украинофилов и то совместное заявление, которое было сделано редакциями «Громады» и «Общины» в 1878 г. Согласно этому своеобразному договору, редакция «Общины» берет на себя публикацию работ Бакунина, а редакция

«Громады», представленная Драгомановым, обязуется осуществлять «печатание всех сочинений, писем и сведений из деятельности покойного Михаила Бакунина в славянском мире»¹⁶. И, по крайней мере, до лета 1880 г., по свидетельству Л. Г. Дейча, «отношения между обеими сторонами были самыми наилучшими»¹⁷.

Возможно, более молодым и более непримиримым в идейном отношении революционерам-народникам, находившимся в России, фигура самого Драгоманова, университетского преподавателя, чей образ жизни был достаточно далек от традиций подполья, не импонировала. Но это вовсе не значит, что наметившееся в эмиграции стремление к объединению революционеров с украинофилами их не затронуло. В частности, оно могло реализоваться через контакты с представителями «молодой громады», более близкими и по возрасту, и по жизненным ценностям¹⁸.

Связующим звеном между народническими и украинофильскими кругами в России выступали В. К. Дебогорий-Мокриевич, достаточно близко стоявший к «Громаде», Л. Н. Жебунев, а также Н. В. Левченко – человек из круга Я. В. Стефановича, который в конце 1878 – начале 1879 гг. в Одессе вел переговоры с кружком Р. А. Житецкого об организации совместной типографии под Киевом с целью печатания литературы на украинском языке и с «украинофильскими тенденциями»¹⁹. Один из активных громадян – Ф. К. Волков – во время Чигиринского заговора держал в Киеве конспиративную квартиру для «бунтарей». К представителям украинофильства изначально принадлежал и Н. И. Короткевич, ставший позже одним из организаторов «Черного передела»²⁰.

Позже многие из революционеров-народников отрицали какие-либо связи с украинофилами, по-видимому, оказавшись в плену у собственных представлений о «культурническом» характере этого явления. Тем не менее, бывали такие периоды, когда явно могла идти речь если не о слиянии, то, по крайней мере, о довольно тесных контактах между представителями двух течений в освободительном движении. Согласно показаниям Л. Забрамского, в кружке М. Р. Попова и Д. Т. Буцинского уже в ноябре 1879 г. «шли переговоры о необходимости соединиться с хохлами, для открытия Украинского революционного движения». Собрания кружка посещали украинофилы Житецкий и Рутковский, причем последнего Забрамский описывает следующим образом: «После высылки из Киева Житецкого, он

сделался представителем партии крайних украинофилов (бунтарей), а затем вступил в наше общество. Он часто уезжал из Киева и, как говорят, бывал в деревнях для распространения книг преступного содержания, на малорусском языке, ему были известны все намерения Киевского Тайного Сообщества и он особенно был дружен с «Генералом» и друг[ими]»²¹. Напомним, что «Генералом» в революционном подполье называли землевольца, впоследствии – одного из организаторов «Черного передела» М. Попова.

Очевидно, что это сближение происходило, если можно так выразиться, явочным порядком, а не на основе каких-либо теоретических построений. Лучше всего его причины охарактеризовал впоследствии сам М. Попов: «При всеобщем тогдашнем гонении на всех, кто выходил из граней жизни, предначертанных правительством русскому обывателю: жить, есть и плодиться, – гонимые сходились друг с другом и помогали друг другу»²². Этим, возможно, объясняются и случаи перехода к революционерам украинофильских типографий, о которых сообщают М. Р. Попов и Е. Н. Ковальская, в частности – типографии созданного Поповым в Киеве весной 1880 г. Южно-русского рабочего союза (ЮРРС), одной из многочисленных организаций с таким названием. Передача данной типографии была осуществлена, вероятно, не без участия П. О. Иванова, в прошлом украинофила, а на тот момент активного члена Союза²³.

Историограф революционного движения на Украине М. Е. Равич-Черкасский полагал, что в составе ЮРРС существовало выраженное украинофильское крыло, представленное П. О. Ивановым, С. Н. Богомолец и М. Н. Присецкой²⁴. Очевидно, результатом их влияния была обнаруженная при аресте у одного из соучредителей Союза Н. П. Щедрина рукопись статьи, в которой, в частности, говорилось следующее: «Социализм возьмет под свою защиту украинофилов, поляков, евреев, коренное сектантское население и с их помощью опрокинет погнившие столпы русской (или как бы желали многие) всеславянской монархии». Сохранилась также прокламация Союза «До усіх чиншовіків нашого краю», изданная на украинском языке, что в то время все еще воспринималось как «уступка украинофильству» и не всегда одобрялось в революционных кругах. Известно, что представители украинофильского крыла Союза хранили у себя и использовали в целях агитации литературу, изданную украинскими федералистами: брошюры «Нова віра на Україні»,

«Про хліборобство», «Про богатство та бідність», «Проте, як наша земля стала не наша», а также «Листок Громады» № 1 за 1878 г.²⁵. Одновременный интерес оппозиционно настроенной публики к революционным и украинофильским изданиям с конца 70-х гг. XIX в. вообще становится довольно распространенным явлением, свидетельством чего служат списки вещественных доказательств по Министерству юстиции, а также материалы Департамента полиции²⁶.

К сожалению, украинофильское крыло киевского ЮРПС было полностью дискредитировано участием в нем Я. Г. Пиотровского («Пана») – полицейского информатора и провокатора, биография которого, тем не менее, выглядит очень показательной в контексте рассматриваемой нами темы. Пиотровский был введен в Союз П. О. Ивановым, с которым он познакомился на украинофильском собрании. Вербовка Пиотровского охранкой произошла после его ареста во время переправки на Украину через границу украинофильской типографии. По всей видимости, до этого Пиотровский ведал контрабандной пересылкой литературы, изданной украинофилами за границей – М. П. Драгоманов упоминает в одном из писем некоего «Пана», который этим занимался²⁷. Опасаясь разоблачения, Пиотровский 4 марта 1881 г. отпечатал в типографии ЮРПС прокламацию собственного сочинения на украинском языке, причем без ведома П. Иванова, тогда фактически возглавлявшего Союз. Прокламация была скреплена печатью «Тайного Братства “Земли и воли”», также фальсифицированной Пиотровским²⁸. Этот сюжет наглядно показывает, что сближение социалистов с украинофилами на почве решения общих задач и эволюция украинофилов в сторону социалистических взглядов во второй половине 1870-х гг. рассматривались как нечто само собой разумеющееся.

Впрочем, все эти примеры реального сотрудничества революционеров-народников и украинофилов в ходе пропагандистской и организационной работы на рубеже 70–80-х гг. XIX в. так и остались бы отдельными разрозненными эпизодами, если бы тема федерализма, тесно связанная в идейном отношении с украинофильством Драгоманова и «Громады», не получила развития в программных документах группы «Черный передел» – второй по значимости после «Народной воли» народнической организации, действовавшей в революционном подполье и в эмиграции после распада «Земли и воли» в 1879 г.

Общеизвестным является тот факт, что причиной раскола «Земли и воли» в 1879 г. послужили идейные разногласия между «террористами» (будущими народовольцами) и «деревенщиками» (будущими чернопредельцами) по вопросу о ближайших целях и задачах революционного движения. Первые призывали к завоеванию политических свобод методами террористической борьбы, вторые ратовали за продолжение социалистической агитации среди крестьянства, также не исключавшей террор, но аграрный и оборонительный, направленный против помещиков и наиболее ненавистных представителей властей, а не против царя. По выражению Н. А. Морозова, которое приводит в своих воспоминаниях В. Н. Фигнер, «чернопредельцы взяли “Землю”, а мы – “Волю”, и каждая фракция пошла своей дорогой»²⁹. Безусловно, этот мотив являлся основным и доминирующим, но далеко не единственным – особенно учитывая расплывчатость и рыхлость идейной платформы «деревенщиков» во время и сразу после разделения.

Народникам отнюдь не было чуждо ничто человеческое, и часто это «человеческое», личностное, индивидуальное, а не идейное, оказывалось не менее важным для революционера с точки зрения выбора его позиции, чем догматы революционной теории. Известную роль среди этих факторов играли и национальная принадлежность конкретного подпольщика, и круг его повседневного общения. Так, Л. Г. Дейч отмечает, что большинство землевольцев еврейского происхождения во время раскола «Земли и воли» примкнули не к «террористам», а к «деревенщикам», объясняя этот феномен, среди прочего, и таким фактором, как особенности воспитания еврейской молодежи, детство которой пришлось на начало пореформенной эпохи и совпало с некоторым ослаблением правительственной политики антисемитизма³⁰.

Очевидно наличие такого рода «сопутствующих факторов», оказывавших прямое влияние на идейное развитие народника, не только у Льва Дейча. С. Л. Перовская, на первых порах симпатизировавшая «деревенщикам», слыла в народнических кругах «русофилкой», что выражалось, по наблюдению М. Ф. Фроленко, в том, что «все русское... она ставила выше малороссийского и не раз вступала в горячие споры, отстаивая свои симпатии»³¹. С такими взглядами на жизнь у нее вряд ли сложились бы бесконфликтные отношения с Я. В. Стефановичем, который в одном из писем отцу так характери-

зовал свои национальные пристрастия: «Всегда с удовольствием вспоминаю родные края, люблю малорус[ские] песни, все малорус[ское] люблю... и оч[ень] мало питаю симпатии к кацапской деревне»³². И хотя у Перовской было предостаточно других причин для того, чтобы примкнуть к народовольцам (кстати, тоже личного характера), а у Стефановича – для того, чтобы влиться в состав «Черного передела», разногласия такого рода также не следует сбрасывать со счета.

В конце 1879 г., опасаясь полицейских репрессий и не успев даже толком сформулировать свои программные установки, лидеры «Черного передела» – Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович и В. И. Засулич – покинули Россию. Вскоре за этим последовал провал чернопередельческой типографии, повлекший массовые аресты членов группы. В результате дальнейшее идейное и организационное развитие «нетеррористического» направления в народничестве на территории России на некоторое время возглавил Павел Аксельрод – человек, которого с М. П. Драгомановым связывали давние и очень близкие отношения. Аксельрод входил в эмигрантскую группу, издававшую «Работника» и «Общину», с которой сотрудничал и Драгоманов. С. М. Степняк-Кравчинский и П. Б. Аксельрод прибегали к третейскому суду Драгоманова при обсуждении литературных произведений друг друга. Оба общественных деятеля относились друг к другу с взаимным уважением, состояли в регулярной переписке, участвовали в одних и тех же проектах и считали себя если не единомышленниками, то, во всяком случае, носителями близких взглядов³³.

Аксельрод действительно был убежденным федералистом. Следуя той трактовке бакунизма, которую эта теория приобрела на страницах «Работника» и «Общины», он, с одной стороны, призывал к созданию не общероссийских, а региональных, или «областных» революционных организаций, а с другой, – к сближению с деятелями общественного движения, воспринимавшими федерализм в иных его формах, в первую очередь – с украинофилами. Революционные группы, создававшиеся при участии Аксельрода в 1879–1880 гг., неизменно имели в своем названии географическую локализацию: Южно-русский рабочий союз в Одессе и Северно-русское (первоначально Великорусское) общество «Земли и воли», созданное уже под эгидой «Черного передела». Аксельрод объяснял это, во-первых,

своими федералистскими воззрениями, во-вторых, пониманием невозможности в тех условиях создать организацию, «которая могла бы охватить всю Россию», и, наконец, влиянием Драгоманова³⁴, которое он сам недвусмысленно признавал. В будущем Аксельроду виделось объединение («федерирование») подобных союзов в единую организацию, охватывающую всю Россию³⁵.

Именно благодаря Аксельроду печатное издание группы бывших «деревенщиков» – газета «Черный передел» – приобрело подзаголовок «Орган социалистов-федералистов». Фактически Аксельрод помог новому народническому объединению определиться с теоретической платформой: быть «социалистами-федералистами» это совсем не то же самое, что быть группой ортодоксальных народников, не примкнувших к сторонникам новой политической программы народолюбия, но так и не сформулировавших своей собственной. Интересно, что первоначально эту инициативу Аксельрода поддержал только Г. В. Плеханов, хотя мотивы для того, чтобы впредь именоваться «социалистами-федералистами», у двух народнических лидеров были совершенно разные. Аксельрод полагал, что выбор подобного названия сблизит народников с Интернационалом и европейским рабочим движением, которому он глубоко симпатизировал, считая, что лозунги «Земля и воля» и «Черный передел» способствуют не развитию, а «омужичиванию» социализма. Плеханов же руководствовался скорее тактическими соображениями: стремлением более решительно отмежеваться от народолюбцев, проповедовавших принцип централизма, как в отношении видения общества будущего, так и в аспекте построения революционной организации³⁶. Редакционная статья первого номера «Черного передела», написанная Плехановым, признавала, что «этнографический состав населения русского государства заставляет считаться с ним даже в современной нам практике... Каждая из составных частей Российской империи имеет свои народные особенности, требует самобытного, автономного развития» и даже что «было бы весьма полезно развитие местной революционной литературы»³⁷.

Но выбор подобной идейной платформы означал идейное сближение не только с анархистами «Общины», но и с украинофилами «Громады». Для Аксельрода это сближение было совершенно естественным, он не видел в этом никакого отступления от народнических принципов, более того – он к нему стремился. В 1880 г., то есть

уже в «чернопередельческий» период, ведя агитацию на Украине, Аксельрод находил народников только среди украинофилов и тех из революционеров, которые «распространяют, то есть переводят, когда нужно, “Громаду”»³⁸. А Л. Г. Дейч, прочитав программные документы Северно-русского общества «Земли и воли», в письме В. И. Засулич оценил их следующим образом: «От того, что прочел, несет ужасно Павловщиной, то есть Драгомановщиной в соединении с интернационализмом»³⁹. Интересно, что для характеристики программы Аксельрода Дейч использовал слово «павловщина», явно имея в виду не случайное увлечение автора записки, а сформировавшуюся систему взглядов, причем хорошо ему известную.

К маю 1880 г. Северно-русское общество «Земли и воли» под руководством Аксельрода завершило выработку своей программы, которая была отослана в Женеву для согласования с эмигрантской группой чернопередельцев. Среди прочего, программа признавала, что «приемы революционной деятельности общества “Земля и воля” должны разнообразиться согласно местным экономическим, историческим, этнографическим и другим особенностям»⁴⁰, что в то время в революционных кругах все еще воспринималось как «националистическая ересь» и «драгомановщина». К программе прилагалась обширная объяснительная записка, которая еще до того, как с ней ознакомились женевские чернопередельцы, была размножена на гектографе и распространена в Петербурге⁴¹, но, к сожалению, не сохранилась. Л. Г. Дейч писал по этому поводу В. И. Засулич: «Драгоман[ов], как говорят, ...прочел все записки Павла, а в них, как знаешь, не мало реверансов ему (есть даже в одном месте такое выражение: “смотри Передне слово до Громады” – это первая ссылка в революц[ионной] прессе, где Драгоманова не ругают!)»⁴². Сам Аксельрод подчеркивал, что придание программе общерусского характера возможно только в том случае, если к ней удастся привлечь «поляков и Драгоманова»⁴³.

К этому времени отношения между эмигрантской группой чернопередельцев и украинофилами настолько испортились, что программные документы за авторством Аксельрода, призывавшие к соединению усилий с последователями Драгоманова, стали выглядеть совершенно неуместными. Самого Драгоманова потом очень удивлял тот факт, что его недругами вдруг оказались «федералисты, напечатывавшие, как свою, программу “Северно-русского Общ[ества]

З[емли] и В[оли]»⁴⁴ – такое развитие событий представлялось ему в высшей степени нелогичным.

Пожалуй, ключевую роль в этом процессе сыграла позиция Плеханова, которую в прямом смысле следует охарактеризовать как раскольническую. Вдруг выяснилось, что молодая «звезда» российского революционного движения категорически не приемлет конкуренции и инакомыслия. Много лет спустя на эту черту характера Плеханова обратил внимание даже В. И. Ленин, которого никак нельзя было заподозрить в политической корректности и толерантности к оппонентам⁴⁵. Кроме того, по воспоминаниям близко знавших его людей, Плеханов никогда не был убежденным федералистом, а украинофильство (именно украинофильство!) вызывало у него стойкое отвращение. Так, Л. А. Тихомиров отмечал, что «Плеханов терпеть не мог украинства», и, будучи сторонником централизма, негативно оценивал творчество Т. Г. Шевченко, поскольку тот писал по-украински, хотя прекрасно знал русский язык: «Если бы Шевченко *не знал* по-русски, я бы ничего против него не имел. Но он сам написал, что знает по-русски, но не хочет говорить: вмию, та не хочу». Плеханов издевался над Дебогорием-Мокриевичем за высказывания, которые считал далекими от социализма, и за его украинский говор: «Как же... тоже и Дебагорий называет себя социалистом. А что он понимает под социализмом? Щоб у хліборіба був свій учасочек, була бы пасичка... Он воображает, что это социализм». Плеханов, по воспоминаниям Тихомирова, «видел в России великую социалистическую страну будущего, и никому Россию не отдавал»⁴⁶.

Отношения между Плехановым и Драгомановым имели некоторые перспективы развития, пока Плеханов нуждался в покровительстве лидера украинофилов. Личные связи с представителями старшего поколения эмиграции, помимо чувства «вхожести в круги», сулили еще и решение многих материальных и бытовых проблем, с которыми новоиспеченные эмигранты с неизбежностью сталкивались в первые годы изгнания. Старшие товарищи могли посодействовать при получении паспорта или вида на жительство, могли составить протекцию в журнале или газете о публикации статьи молодого революционера с выплатой гонорара, наконец, просто могли дать в долг – ведь их материальное положение было более стабильным. Но в феврале 1880 г. Плеханов находит себе постоянного патрона в лице «ве-

терана революционной теории» П. Л. Лаврова, который потом в течение ряда лет опекал «молодое дарование», помогая ему полезными знакомствами (например, с Н. К. Михайловским) и позволяя пользоваться своей обширной библиотекой. С этого момента дальнейшее развитие отношений с Драгомановым потеряло для Плеханова всякий смысл, и он уже не имел необходимости скрывать свои взгляды относительно социалистических перспектив России и Украины.

Зато будущий лидер «Освобождения труда» сближается в это время с представителями польского революционного движения Л. Варыньским и С. Дикштейном, которые были гораздо ближе к нему по возрасту (в то время как Драгоманов – на 15 лет старше), по образу жизни и по начинающимся симпатиям к марксизму. Дружба с поляками еще более обострила отношения между группой Плеханова и украинофилами. По свидетельству В. И. Засулич, представители польского революционного движения наотрез отказывались признать украинской территорией Галицию, в то время как украинофилы с Драгомановым во главе считали, что эта земля населена украинцами, следовательно, она должна принадлежать Украине⁴⁷. Революционный интернационализм народников-федералистов, не пережитый ими в глубине души и не принятый как стратегическое видение будущего, на практике начал трещать по всем швам, стоило ему столкнуться с реалиями эмигрантской жизни.

Напряженность между группой Плеханова и Драгомановым нарастала постепенно и подспудно в течение первой половины 1880 г., некоторое время не выливаясь в открытое противостояние. И даже когда отношения приобрели конфликтный характер, до окончательного разрыва дело дошло не сразу. Весной 1880 г. Плеханов и Лавров вели оживленную переписку по поводу запуска в печать серии «Русская социалистическая библиотека», к изданию которой изначально предполагалось привлечь и деятелей «Громады». Плеханов, не желавший этого, пытался отговорить и Лаврова, приводя следующие аргументы: «Если у вас есть брошюра “О том, как наша земля стала не наша”, то просмотрите ее еще раз, и вы припомните, что, по мнению ее малорусского автора, украинские крестьяне чувствовали бы себя лучше, если бы паны на Украине были не польские, а свои же украинские... там, где есть хоть одна строка, написанная мною, не может быть похвалы г.г. украинофилам»⁴⁸. Между тем, в брошюре С. Подолинського «Про те, як наша земля стала не

наша», о которой пишет Плеханов, не только не содержится подобных заявлений, но, напротив, высказывается призыв к переделу всей земли, в том числе помещичьей, между крестьянами⁴⁹. Иначе народники не смогли бы использовать ее в агитации, а такие факты отмечены, и неоднократно. Следовательно, Плеханов намеренно искажил взгляды автора брошюры, поскольку не желал сотрудничества с украинофилами или, возможно, перепутал ее с каким-то другим изданием, но без малейшего желания усомниться в своей правоте.

Антипатия Плеханова к украинофилам и персонально к Драгоманову была столь сильна, что в дискуссиях с ними, по выражению Дейча, Георгий Валентинович доводил оппонента чуть не до слез, пуская в ход все свое «злоречие»⁵⁰. Тем не менее, ему пришлось смириться с фактом приглашения громадян в редакцию «Библиотеки». Причиной этой уступки, вероятно, было стремление привлечь к изданию «Библиотеки» состоятельного украинофила Пащенко⁵¹.

Окончательный разрыв народников-федералистов и федералистов-украинофилов произошел в мае-июне 1880 г. По иронии судьбы, роль «спускового крючка» в нем сыграл П. Б. Аксельрод – человек, который искренне исповедовал федералистские убеждения и действительно считал Драгоманова естественным союзником революционеров. Находившийся до весны 1880 г. в России, позже перебравшийся в румынские Яссы, Аксельрод не мог знать о специфике внутренней борьбы в среде женевской эмигрантской общины. То же самое, кстати, можно было сказать и об участниках чернопередельческих организаций в России. Когда в мае 1880 г. Р. М. Боград отправлялась за границу, российские чернопередельцы попросили ее передать Драгоманову и эмигрантской группе Плеханова письма «о совместных революционных действиях, об общем органе». Однако по прибытии в Женеву она никаких писем Драгоманову не передала, но написала в Петербург о конфликте с ним⁵².

Приблизительно в это же время в Женеву прибыла Е. Козлова-Рубанчик – посланница Северно-русского общества «Земли и воли», доставившая написанный Аксельродом вариант новой программы организации. Аксельрод, ничего не знавший о той напряженности, которая установилась в отношениях между украинофилами и группой Плеханова, не только считал необходимым и естественным привлечение к редактированию программы Северно-русского общества «Земли и воли» «Драгоманова и поляков», но даже предпринял пер-

вые шаги к этому – попросил Козлову передать программу непосредственно Драгоманову для ознакомления. Узнав об этом, группа Плеханова обвинила Драгоманова в том, что он самовольно снял копию с программы, которая ему якобы не предназначалась, хотя и Драгоманов, и Аксельрод утверждали обратное⁵³.

Собственно, ничего преступного в этом поступке не было. Во-первых, программа не являлась секретным документом, и одновременно с Драгомановым еще один ее экземпляр для ознакомления получил С. М. Кравчинский⁵⁴. Во-вторых, приблизительно в то же время А. И. Желябов, надеясь привлечь влиятельного эмигранта к сотрудничеству с «Народной волей», обратился к Драгоманову с просьбой ознакомиться с программой «террористов» и высказать свое мнение о ней⁵⁵. По всей видимости, такие «консультации» составляли повседневную практику революционного движения, и в них не было ничего неэтичного или запретного. Наиболее неправдоподобное объяснение того, как программа оказалась у Драгоманова, выдвинула в своих воспоминаниях Е. Н. Ковальская. Она предположила, что Козлова-Рубанчик «не сумев ориентироваться в эмиграции, случайно попала... к Драг[оманову], а не потому что Ак[сельрод] послал ее к Др[агоманову], чтобы Д[рагоманов] просмотрел програм[му]»⁵⁶. Трудно поверить в то, что посланная Аксельродом Козлова настолько плохо разбиралась в отношениях внутри собственной организации, чтобы вместо хорошо знакомого ей Плеханова обратиться к совершенно незнакомому Драгоманову, если бы ее специально к нему не направили.

Аксельроду от имени женеvских чернопередельцев был направлен ответ, исключаяющий любую возможность развивать дальнейшие отношения с Драгомановым. Аксельрод, удивленный подобной «сменой курса», в письме, посланном 21 июня 1880 г., заявил, что не желает вступать в дискуссии по этому вопросу, поскольку ему «трудно об этом говорить хладнокровно с товарищами, от которых я другого ожидал». Опасаясь конфликта с эмигрантской группой, он согласился на внесение в программу изменений относительно «культурной деятельности», но в своих федералистских симпатиях остался непреклонен. Он по-прежнему требовал привлечения к редактированию программы не только поляков, но и Драгоманова, так как в противном случае программа не могла бы претендовать на название общерусской. «Вообще, благодаря вашему испугу несколь-

ких слов и фраз, не заключенных в катехизисах и особенно еретических тем, что напоминают нелюбимого вами Драгоманова, благодаря этому замедлилось и дело нашего издания и вообще до некоторой степени парализовало вас»⁵⁷, – подытоживает Аксельрод.

В ответ на это чернопередельцы устроили самую настоящую травлю Драгоманова в письмах, посылаемых от имени В. И. Засулич⁵⁸, и на полях открытых публичных дискуссий, в ходе которых чернопередельцы выступали в союзе с поляками и, как ни странно, с Н. И. Жуковским, отошедшим к тому времени от идеалов, проповедовавшихся в «Реформах и революции». Легко предположить, насколько щекотливым было положение революционеров, выступавших с критикой федерализма в дискуссии с виднейшим его представителем после того, как они сами опубликовали федералистскую программу. Драгоманов сразу же обратил внимание на указанное обстоятельство и предложил этой, по его выражению, «невозможной коалиции» оформить свои новые взгляды в виде программы, в ответ на что услышал: «Мы-де не литераторы!!!». Последнее, однако, не помешало Г. В. Плеханову и К. М. Длусскому опубликовать протест против статьи Драгоманова «Нации Восточной Европы и международный социализм», причем даже до того, как французский журнал «Социалистическое обозрение» напечатал раздел этой статьи, посвященный России.

Наконец, Драгоманов, «видя, что разговор теряет всякую принципиальную подкладку», перестал ходить на собрания чернопередельцев и вступать с ними в споры⁵⁹. Можно утверждать, что вся эта история стала одной из причин разочарования Драгоманова в революционном движении. «Я испробовал все способы открытого улаживания отношений на чисто принципиальном поле, – писал он Ралли, – а когда увидел, что у одних принципов нет, а у других личности выше их, – то отошел в сторону, объявляя прямо мотивы ухода»⁶⁰. В результате, когда в № 34 «Вольного слова» появилась знаменитая статья Драгоманова «Обаятельность энергии», критикующая народовольцев, чернопередельцы тоже получили в ней нелестную характеристику как «вчерашние федералисты и анархисты», стремящиеся «помазаться славой народовольцев»⁶¹.

Следующей задачей группы Плеханова было переубедить Аксельрода, который тогда не жил в Швейцарии и не находился под прямым влиянием женевской эмиграции. К сожалению, в данном

случае мягкость характера и неприязнь к конфликтам, присущие Аксельроду, обернулись против него. Не желая портить отношения с товарищами по «Черному переделу», он, в то же время, старался сохранить их и с Драгомановым, что было особенно трудно после того, как с ним порвали все представители женевской группы. Аксельрод предпочел некое подобие компромисса, позволившего ему не ссориться ни с одной, ни с другой стороной, хотя компромисс этот был чреват для него острым душевным дискомфортом.

Вероятно, лучшей иллюстрацией того состояния, в котором находился тогда Аксельрод, могут служить два письма, написанные весной 1882 г. с интервалом в полтора месяца. Первое из них, датированное 12 апреля, адресовано Драгоманову, и в нем Аксельрод выражает надежду на то, что между ним и его адресатом возможно дальнейшее сотрудничество. Письмо заканчивается словами: «Жму вашу руку»⁶². Во втором письме, написанном 22 мая Дейчу, Аксельрод недвусмысленно заявляет: «Др[агоманов] – враг, а стало быть, никаких сомнений и расследований о виновности быть не должно»⁶³. К чести Аксельрода, следует отметить, что в том же письме он отказывается участвовать в шельмовании Драгоманова за снятие копии с программы, поскольку действительно не уверен, не просил ли он Драгоманова ознакомиться с ней. Но стремление избежать конфликта в сочетании с высокой внушаемостью сделали свое дело: со временем его удалось склонить к подписанию антидрагомановского коллективного письма чернопеределъцев, напечатанного в эмигрантской газете «Общее дело». Аксельрод сделал это скрепя сердце, вся эта история была ему исключительно неприятна. «Как видишь, мне приходится расхлебывать кашу, хотя и не мною заваренную, – писал он Дейчу. – Утешаю себя только тем, что это будет в последний раз в моей жизни. Боже, как мне противно выступать в печати с такими дрязгами, но я не вижу иного выхода»⁶⁴.

Жертвой конфликта чернопеределъцев с Драгомановым пал один из наиболее перспективных проектов Аксельрода – издание под эгидой «Черного передела» «толстого» социалистического журнала. При отъезде группы Плеханова за границу, оставшиеся в России товарищи выступили с инициативой издания журнала, который мог бы занять место «Общины», поскольку после прекращения ее выпуска никакого другого бакунистского органа на русском языке за границей не осталось⁶⁵. По словам Дейча, Аксельроду этот журнал пред-

ставлялся в виде «научно-социалистического с возможно полными законченными и серьезными статьями», для чего было необходимо привлечь в число его сотрудников «весь цвет европейской цивилизации». В подобные рамки могли бы «без грызни поместиться и Др[агоманов], Жук, Жорж, Реклю, Сергей (Кравчинский. – С. К.) и пр.»⁶⁶. Характерно, что среди перечисленных, пожалуй, только кандидатура Драгоманова была совершенно неприемлемой. Однако полемика с ним так увлекла чернопеределцев, что об издании теоретического журнала уже не могло быть и речи.

Несмотря на все эти конфликты, в которых идейное самым тесным образом переплеталось с личным, отношения между Драгомановым и Аксельродом продолжались и в течение 1880–1882 гг. Например, Драгоманов приложил усилия к тому, чтобы обеспечить Аксельрода весьма доходной работой в «Вольном слове»⁶⁷, о чем в 1881 г. писал З. К. Ралли: «”Соц[иалистическую] хронику” с 4 № взялся писать Пинхус (еврейское имя Аксельрода. – С. К.), только боится подписываться»⁶⁸. К сожалению, этого было недостаточно для того, чтобы вчерашние союзники продолжали действовать вместе: каждый из них пошел своей дорогой.

Неудачная попытка консолидации сил революционеров-народников и формирующейся национальной интеллигенции, наиболее ярко проявившаяся в истории отношений между участниками «Черного передела» и украинофилами (но не исчерпываемая ими), наглядно продемонстрировала все «болезни» народнического движения, которые в долгосрочной перспективе привели к его затуханию в конце XIX века. В первую очередь, речь идет об узости социальной базы движения и отсутствии возможности расширить ее за счет привлечения представителей других общественных сил. В какой-то мере «национально-федералистскую» попытку чернопеределцев можно поставить в один ряд с борьбой народовольцев за политические свободы, которая, по мнению ортодоксальных народников, сближала «террористов» с либералами. К сожалению, народовольцы слишком увлеклись «охотой на медведя», чтобы оказаться в состоянии использовать этот шанс. Чернопеределцы, со своей стороны, также упустили возможность превратить свои малочисленные кружки в более или менее широкое общественное движение, основанное на активном вовлечении революционеров и обще-

ственных деятелей из числа представителей народов, населявших Российскую империю.

В то же время, «украинофильский» эпизод в истории «Черного передела» выступил своего рода водоразделом в идейном развитии всех его участников. Для Плеханова он ознаменовал собой прощание с народническими иллюзиями. Л. Г. Дейч впоследствии называл столкновение с М. П. Драгомановым одной из причин, по которым «начался у Плеханова поворот от бакунизма, анархизма и федерализма к государственности и централизму»⁶⁹. Для Драгоманова стала очевидной бесперспективность сотрудничества с революционерами и необходимость поиска иных возможностей для воплощения в жизнь федералистской программы, которые он нашел на путях союза с либералами и земскими деятелями. «Будьте, если уже хотите, какими угодно революционерами – социальными, политическими, пропагандистами... якобинцами, анархистами, бунтарями, террористами, аграрниками и т.д., и т.д., – но только сначала дойдите до совершеннолетия, доучитесь чему-нибудь, чтоб быть в состоянии самих себя прокармливать трудом своим, вступите в общественную жизнь с какой-нибудь профессией... приобретите себе положение и уважение в какой вам угодно среде прежде всего этой профессией и тогда только приступайте к революционным действиям»⁷⁰, – писал он, обращаясь к вчерашним соратникам из числа революционеров, и мы теперь не можем не признать, что во многом его упреки были справедливыми.

К безусловным заслугам бакунистов «Работника» и «Общины» и их последователей чернопередельцев следует отнести самую постановку вопроса о необходимости учитывать многонациональную специфику российского общества и практические попытки совместных действий с участниками национальных движений. Такая позиция была в значительной степени уникальной для «подпольной России»: в большинстве своем революционеры предпочитали вообще игнорировать национальный вопрос, как бы странно это ни выглядело в стране, население которой говорит на сотнях разных языков. В первой программе «Народной воли» требование права наций на самоопределение полностью отсутствовало, а более поздняя «Программа рабочих членов “Народной воли”» вместо федерации национальных территорий предлагала создание автономий, связанных союзным правительством в общерусский союз⁷¹. Главный сторонник

централизма среди народовольцев – Л. А. Тихомиров, полагал, что централизованное государство предоставляет нации «лучшие условия развития, в том числе и в экономическом отношении»⁷².

Воспитанные в условиях унитарного государства, не знакомые с другими культурами, зачастую не подозревавшие об их существовании, русские революционеры, особенно выходцы из дворян, оказались не в состоянии ни компетентно оценить призывы прогрессивных националистов, ни даже самостоятельно поставить вопрос о роли национальности в формировании самосознания личностей и общественных групп. Последствия этого национального эгоцентризма не замедлили проявиться во время еврейских погромов, прокатившихся по территории Российской империи после 1 марта 1881 г. Народовольцы на уровне Исполнительного комитета не только не осудили эту вакханалию антисемитизма, но даже вполне серьезно полагали, что юбофобское движение может развиваться в широкое восстание масс под социалистическими лозунгами.

Впрочем, и бывшие чернопередельцы, нашедшие для себя новое социальное откровение в марксизме, вскоре стали проповедовать национальную унификацию и отсутствие каких-либо этнических или иных местных особенностей, которые необходимо было бы учитывать в борьбе за светлое будущее. Весьма показательным на этом фоне выглядит заявление уже марксиста Л. Г. Дейча о том, что притеснение украинцев, белорусов и литовцев польскими помещиками, препятствовавшими формированию национальной государственности у этих народов, якобы не наносило «никакого вреда малороссам, литовцам и другим не-польским жителям бывшей Польши»⁷³. Разумеется, этот «интернационалистический шовинизм», если можно так выразиться, не был причиной процессов, завершившихся в итоге распадом Российской империи и межэтническими конфликтами на ее бывших национальных окраинах, с отголосками которых мы имеем дело до сих пор – но он являлся явным симптомом общественной болезни, с которой революционеры не хотели бороться, поскольку сами были ей подвержены.

Итак, отвечая на вопрос о том, какими были отношения между революционерами-народниками и украинофилами в самый, пожалуй, знаменитый и при этом самый трагический период народнического движения в России, мы можем однозначно сказать: между ними было сотрудничество, но при этом между ними было и соперни-

чество. И если сотрудничество опиралось на глубокое понимание общей цели и необходимость решения общих задач, стоявших перед обоими движениями, то соперничество часто провоцировалось личными конфликтами, обидами и склоками, не имевшими прямого отношения к революционной теории. К сожалению, именно оно сделало дальнейшее развитие этих отношений невозможным.

¹ РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 367. Л. 2 об.; *Попов М. Р.* Записки землевольца. М., 1933. С. 233.

² РНБ АДП. Ф. 1097. Оп.1. Д. 739. (АД. 5/366.26).

³ См., напр.: *Набат*. 1876. № 5, 9.

⁴ Автобиография М. П. Драгоманова // *Былое*. 1906. № 6. С. 202.

⁵ *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Воспоминания. Пб., 1923. С. 106.

⁶ *Егунова-Щербина С.* Одеська громада кінця 1870-х років. Спомини // *За сто літ*. 1928. Т. 25. С. 189, 192; *Русова С.* Мої спомини. Р.р. 1861–1879 // Там же. С. 161. Здесь и далее цитаты из публикаций на украинском языке и ссылки на них приводятся в соответствии с орфографией оригинала.

⁷ Г. В. Плеханов, характеризуя А. И. Желябова после Воронежского съезда, говорил, что считает его «с поспешником либералов» и «конституционалистом, буржуазным революционером», а не социалистом. См.: *Плеханова Р. М.* Моя жизнь // *Вопросы истории*. 1970. № 12. С. 113.

⁸ *Бакунин М. А.* Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 20–21.

⁹ *Гросул В. Я.* Революционная Россия и Балканы (1874–1883). М., 1980. С. 50.

¹⁰ *Аксельрод П. Б.* Пережитое и передуманное. Кн. 1. Берлин, 1923. С. 185–186.

¹¹ Письма П. Б. Аксельрода к Л. Г. Дейчу // *Группа «Освобождение труда»*. Сб. № 5. М.; Л., 1926. С. 245.

¹² *Община*. 1878. № 5.

¹³ [Тучапский П. Л.] Дві недруковані статті П. Л. Тучапського про Драгоманова // *Україна*. 1926. Кн. 2–3. С. 104.

¹⁴ *Громада*. Українська збірка. Переденье слово до «Громади». Женева, 1878. С. 40–42. О близости общественно-политических взглядов Драгоманова к анархистской теории М. А. Бакунина см. также: *Грушевский М.* Місія Драгоманова // *Україна*. 1926. Кн. 2–3. С. 27; [Тучапский П. Л.] Дві недруковані статті П. Л. Тучапського про Драгоманова. С. 104–105.

¹⁵ Автобиография М. П. Драгоманова. С. 203; См. также: *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Воспоминания. С. 140–141; *Егунова-Щербина С.* Одеська громада кінця 1870-х років. Спомини. С. 190–191.

¹⁶ *Община*. 1878. № 5.

¹⁷ РНБ АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Д. 910. Л. 10.

¹⁸ *Светленко С. И.* Революционно-народническое движение 70-х годов XIX в. на Украине в воспоминаниях современников. Днепропетровск, 1990. С. 65–66.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 252. Д. 1. Л. 55, 72, 72 об.; *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Воспоминания. С. 118.

²⁰ Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. Т. III. Вып. 1. М., 1929. Стб. 639–640; ГА РФ. Ф. 109. 3-я экспедиция. 1880. Д. 144. Ч. 2. Л. 62.

²¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 1171. Л. 6, 12.

²² *Попов М. Р.* Записки землевольца. М., 1933. С. 233.

²³ Там же. С. 233; *Ковальская Е. Н.* Южно-Русский рабочий союз. 1880–1881. М., 1926. С. 30, 48.

²⁴ Южно-русские рабочие союзы. Б/м. 1925. С. 13.

²⁵ Там же. С. 305, 326, 335.

²⁶ РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 363, 394, 398, 418; ГА РФ. Ф. 102. 1881. 3 длпр. Д. 359. Л. 8 об.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.

²⁸ *Ковальская Е. Н.* Южно-Русский рабочий союз. 1880–1881. С. 77.

²⁹ *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания. Т. 1. М., 1933. С. 43.

³⁰ *Дейч Л. Г.* Роль евреев в русском революционном движении. М. ; Л., 1926. Т. 1. С. 202, 228.

³¹ *Фроленко М. Ф.* Липецкий и Воронежский съезды // *Былое.* 1907. № 1. С. 71.

³² РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 739 (АД. 5/366.26).

³³ *Дейч Л. Г.* Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пб., 1920. С. 25; *Аксельрод П. Б.* Пережитое и передуманное. Кн. 1. С. 189.

³⁴ Там же. С. 327, 355, 369.

³⁵ Революционное народничество 70-х годов XIX века : сб. документов и материалов : в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1965. С. 165.

³⁶ *Аптекман О. В.* «Черный передел» (страница из истории общества «Земля и воля» 70-х годов) // Памятники агитационной литературы. Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880–1881. М. ; Л., 1923. С. 99; *Аксельрод П. Б.* Пережитое и передуманное. Кн. 1. С. 341.

³⁷ Черный передел. 1880. № 1.

³⁸ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 164.

³⁹ РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1 Д. 668 (АД 1/9.2).

⁴⁰ Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 148–149.

⁴¹ *Дейч Л. Г.* Украинская и общерусская эмиграция. // *Вестник Европы.* 1914. № 8. С. 209.

⁴² РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 668 (АД 1/9.2)

⁴³ *Аксельрод П. Б.* Товарищам в Швейцарию // Группа «Освобождение труда». Сб. № 3. М., 1925. С. 140.

- ⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 1019. Оп.1. Д. 35. Л. 3.
- ⁴⁵ Ленинский сборник. Т. 1. М. ; Л., 1924. С. 38, 40, 51.
- ⁴⁶ *Тихомиров Л. А.* Плеханов и его друзья. Из личных воспоминаний. Л., 1925. С. 31–21; *Он же.* Из архива Л. А. Тихомирова // Красный архив. 1924. № 6. С. 132–133.
- ⁴⁷ РНБ АДП. Ф. 1098. Д. 37. Л. 3–4.
- ⁴⁸ *Дейч Л. Г. Г. В.* Плеханов. Материалы для биографии. Вып. 1. М., 1922. С. 78–79.
- ⁴⁹ *Подолинський С.* Про те, як наша земля стала не наша. Б/м., 1877. С. 9.
- ⁵⁰ РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 668 (АД 1/9.1).
- ⁵¹ *Плеханов Г. В.* Сочинения. Т. 1. М. ; Пг., 1923. С. 147; *Дейч Л. Г. Г. В.* Плеханов. Материалы для биографии. Вып. 1. С. 81, 85.
- ⁵² Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. 1. М., 1934. С. 200.
- ⁵³ Письма П. Б. Аксельрода к Л. Г. Дейчу. С. 80.
- ⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 1065. Оп. 4. Д. 5. Л. 46.
- ⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 1065. Оп. 2. Д. 3. Л. 2.
- ⁵⁶ РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 367. Л. 2.
- ⁵⁷ *Аксельрод П. Б.* Товарищам в Швейцарию. С. 140–141.
- ⁵⁸ Письма М. П. Драгоманова к В. И. Засулич // Группа «Освобождение труда». Сб. № 5. М. ; Л., 1926. С. 64.
- ⁵⁹ РГАЛИ. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 35. Л. 3–4.
- ⁶⁰ Там же. Л. 7.
- ⁶¹ Вольное слово. 1882. № 34.
- ⁶² РГАЛИ. Ф. 1065. Оп. 4. Д. 5. Л. 97.
- ⁶³ Письма П. Б. Аксельрода к Л. Г. Дейчу. С. 80.
- ⁶⁴ РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 245 (АД 2/37.3).
- ⁶⁵ *Дейч Л. Г. Г. В.* Плеханов. Материалы для биографии. Вып. 1. С. 59.
- ⁶⁶ РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 668 (АД 1/9.2).
- ⁶⁷ *Дейч Л. Г.* Русская революционная эмиграция 70-х годов. С. 25; *Аксельрод П. Б.* Пережитое и передуманное. Кн. 1. С. 189.
- ⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 1019. Оп. 1. Д. 35. Л. 6.
- ⁶⁹ *Дейч Л. Г.* Как Г. В. Плеханов стал марксистом // Пролетарская революция. 1922. № 7. С. 127.
- ⁷⁰ РГАЛИ. Ф. 1065. Оп. 4. Д. 19. Л. 13.
- ⁷¹ *Хевролина В. М.* Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. Конец 60-х – начало 80-х годов XIX века. М., 1986. С. 80.
- ⁷² Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 2. С. 320.
- ⁷³ *Дейч Л. Г.* «Черный передел» // Историко-революционный сборник. Т. 2. М. ; Л., 1924. С. 214.

Квасов О. Н.

Эволюция террористической платформы народничества: от народовольцев к эсерам*

В террористической борьбе, охватившей Российскую империю на рубеже веков можно выделить два основных периода: первый (60–80-е гг. XIX в.), включивший в себя народнические мстительно-оборонительные акции и народовольческий терроризм (так называемая «охота на императора»), и второй период (1901–1911 гг.), начавшийся активизирующими (эксцитативными) акциями эсеров, продолжившийся стремительным ростом партийного и социального терроризма в период первой российской революции (1905–1907 гг.) и постепенными их спадом и криминализацией.

Народнический терроризм формировался на эпатажных призывах социального (бунтарского) насилия (П. Г. Зайчневский, М. А. Бакунин, С. Г. Нечаев) и аффективных актах мстительного и провокационного характера. В ходе жестокой, бескомпромиссной политической борьбы с самодержавием террор приобрел идеологическое обоснование как средство политического насилия и реформирования (П. Н. Ткачев, Н. А. Морозов). Это также нашло отражение и в программе Исполнительного комитета (ИК) «Народной воли» (сентябрь–декабрь, 1879 г.) под названием «деятельность разрушительная и террористическая». Партийная платформа содержала фактически краткое перечисление аргументации террора: «Террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т.п., имеет своею целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать таким образом революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы»¹.

Необходимо учитывать, что единого взгляда на использование политического насилия у народников никогда не существовало. Еще

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-01-00351.

в ходе обсуждения партийной программы осенью 1879 г. резко обозначились до сих пор не актуальные противоречия между народо-вольцами по поводу характера и содержания боевой деятельности партии. Активно заявила себя группа «бланкистов» (М. Н. Ошанина, Е. Д. Сергеев, Л. А. Тихомиров), настаивавших на возможности захвата власти узкой группой заговорщиков. Исторические примеры удачных дворцовых переворотов, предполагаемая достаточность для этого относительно небольшого числа заговорщиков, что позволяло обойтись только партийными силами или поддержкой роты дворцового караула, являлись вескими аргументами в пользу такого плана. Однако этот вариант был отвергнут партией.

Большинство народо-вольцев, и в первую очередь руководители А. Д. Михайлов и А. И. Желябов, понимали «заговор» значительно шире и масштабнее. В их представлениях партийный заговор больше походил на вооруженное восстание или переворот («инсurreкцию»). В секретной инструкции «Подготовительная работа партии» (весна 1880 г.) подчеркивалась необходимость осуществления переворота при благоприятных условиях, которыми могли стать народный бунт, неудачная война и пр. Однако, не надеясь на народное выступление, указывалось, что «партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действия, начать дело и довести его до конца»². Для этого ИК «Народной воли» начал формирование боевых дружин из городских рабочих, которые задумывались как отряды будущего восстания, а также пытался заручиться боевой поддержкой распропагандированных офицеров армии и флота. В итоге, несколько рабочих дружин будет организовано, создан боевой устав, но реальное значение, количество и надежность этих формирований будут далеко не достаточными. Как показало совещание ИК «Народной воли» (февраль 1881 г.), проведенное с целью определиться в наличие реальных боеспособных сил рабочих, эти формирования решать боевые задачи были не в состоянии³. В отношении организации крестьянских боевых дружин, кроме «полубакунинско-полуткачевского» призыва Л. Тихомирова об организации «боевых банд» селян с целью убийства «виновных в погромах» «станового, исправника, помещика, изменившего крестьянского старшину и т.п.», дело дальше не пошло⁴.

Более существенные успехи имела офицерская сеть подпольных партийных ячеек в армии. Имея кружки и филиалы в составе свыше

400 человек в 41 городе, военная организация имела обособленный, фракционный характер и планировалась для нейтрализации царского войска в период восстания⁵. При этом, революционизированные офицеры настаивали на свободе выбора и в террористической деятельности партии не участвовали, хотя некоторое содействие могли осуществлять по личной инициативе⁶. Однако планы военного переворота во время парада, разрабатываемые А. В. Буцевичем и предполагавшие арест императора или физическое его уничтожение, также серьезно не воспринимались⁷.

В конечном итоге важнейшим условием успеха восстания народолюбцы стали рассматривать дезорганизацию власти, а основным средством дезорганизации – террористическую деятельность, которая, в первую очередь, выражалась в уничтожении правительственных лиц. Помимо этого в террористическую деятельность включались и охранные функции. Именно в этом отношении понимание терроризма народолюбцами как активной формы политической борьбы и проявилось. На смену мстительному и оборонительному действию, осуществляемому в начале народнического движения, приходил активный наступательный террор. 26 августа 1879 г., после новых казней революционеров, ИК «Народной воли» выносит императору Александру II смертный приговор, имевший условный характер после Липецкого съезда. Начинается планомерная подготовка покушений на государя. В течение короткого времени ИК будет разработано несколько планов нападения и предпринято четыре покушения на императора⁸. Усиление и централизация организационно-управленческого механизма боевой деятельности выразилась в наделении ИК особыми руководящими функциями и четком распределении внутрипартийных и функциональных обязанностей, что ранее народниками не приветствовалось. Тем самым, народолюбческий террор стал представлять собой ярко выраженное «общепартийное дело». Структурного, финансового или кадрового обособления от партии террористические проекты не имели, что и обусловило постепенное втягивание в террор всего руководства и значительных ресурсов организации.

Народолюбцы будут пребывать в полной уверенности, что «искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10–15 человек – столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единст-

ва действия и в то же время возбудит народные массы, т.е. создаст удобный момент для нападения»⁹. Даже отсутствие партийных сил и крестьянских выступлений после смерти царя, не изменили уверенности народовольцев в силе дезорганизаторских возможностей террора.

О возросшем авторитете «Народной воли» после цареубийства говорится во многих мемуарах революционеров. Вчерашние идейные оппоненты солидаризировались с позицией партии, нередко, не меняя своих взглядов, вставали в ряды народовольцев из-за симпатии к их самоотверженной борьбе. В воспоминаниях О. В. Булановой прямо указывается: «...у многих чернопередельцев произошел большой сдвиг в сторону политической борьбы и народовольчества вообще»¹⁰. Через год большая часть чернопередельцев растворится в составе «Народной воли». В тоже время последовавший после 1 марта разгром ИК полицией, нехватка кадров и средств исключили возможность очередного цареубийства, но не уменьшили уровень революционного экстремизма. Теракты, на мстительной и оборонительной основе, продолжались еще в течение нескольких лет, но «Народная воля» как единая политическая партия прекратила существование. Убийство императора явилось апогеем террористической деятельности народничества, его гибель и не оправдавшиеся в связи с этим надежды напрямую связаны с окончанием первой террористической кампании в России (1878–1881 гг.).

Переживаемый народничеством кризис породил переосмысление концептуальных основ движения. Определенная часть революционеров перешла на позиции легального народничества¹¹. Как отмечает, ссылаясь на анализ народнической публицистики 1880-х гг., современный исследователь Г. Н. Мокшин, «отказ от идеи быстрого решения сложных социальных вопросов» был основан на осознании невозможности «...создать сразу внешние условия, необходимые для человеческого счастья, минуя кропотливую работу над общим подъемом благосостояния и культуры народа»¹².

Однако в условиях консервативной политики правительств Александра III и Николая II для значительной группы народнических радикалов критическое осмысление итогов народовольческой борьбы с самодержавием только способствовало увеличению стратегических и тактических аргументов в пользу экстремистского насилия. И экстремизм, постулированный программой «Народной воли» и выраженный в ее деятельности, станет на долгие годы пар-

тийным заветом. Отсутствие положительного результата народо-вольческой борьбы будет анализироваться, ошибки разбираться, но экстремистская основа, заложенная в революционизме, сомнению подвергаться не будет. Именно эти выводы определили характер и особенности террористической тактики и стратегии революционеров в начале XX в.

Изначально, одним из основных упущений народо-вольческого террора его последователями признавалась недостаточная агрессивность и наступательность, ограниченность только актами «центрального» и оборонительно-мстительного террора. Ликвидировать этот недостаток предлагалось за счет увеличения числа объектов нападений и совершенствования организационной структуры террористической деятельности. Уже «Молодая партия “Народной воли”» (1882/1883–1885 гг.), помимо политического террора, считала возможным и важным средством вовлечения трудовых масс в революционную борьбу при помощи акций местного экстремизма и развития аграрного и фабричного террора¹³. На это обращалось внимание и в программе организации¹⁴. Сходные идеи высказывал Х. О. Житловский в своей книге «Социализм и борьба за политическую свободу» (Лондон, 1898) прямо заявляя, что террор должен стать «орудием борьбы целого общественного класса, который не переловишь и не перевешаешь, как переловлен и перевешан был “Исполнительный комитет”»¹⁵. Позже крайнее крыло анархизма, представленное «безмотивниками», предлагало применять индивидуально-террористические способы борьбы ко всем представителям буржуазного класса вне зависимости от их участия в классовой борьбе и доле в общественной собственности. К провоцированию социального насилия призывали и эсеры-максималисты, предлагая активно использовать формы экономического террора и, в первую очередь, аграрный террор. Аргумент «борьбы целого общественного класса», одновременно с отрицанием индивидуального терроризма, будут использовать и социал-демократы в обосновании организации партизанской деятельности боевых дружин.

Активно продолжил морозовскую апологетику терроризма член «Южнорусской организации» (1885–1886 гг.) Л. Я. Штернберг, написавший программную брошюру «Политический террор в России». В ней он, помимо парафраза повторения морозовских аргументов террора, скептически оценил возможность массового движения

в России и обосновал необходимость террористической тактики средствами систематических убийств царя и «главнейших явных врагов народа и интеллигенции». В передовой статье журнала группы «социалистов-федералистов» «Самоуправление» (Цюрих, декабрь 1887 г.) также указывалась необходимость систематичности насилия: «Мы уверены, что если не отдельный террористический факт, то ряд таких фактов, система их при некоторой общественной поддержке заставит монархизм, держащийся только разрозненностью общества и традицией рабства, положить оружие...»¹⁶.

Характерно, что на предложение в 1889 г. парижской группы террористов (А. Дембский, И. Кашинцев, Е. Степанов, А. Теплов и др.) начать организацию совместных террористических акций, одна из самых крупных народнических организаций 1890-х гг., группа Карла Кочаровского, ответила отказом. Причина отказа аргументировалась несвоевременностью и неготовностью революционеров к систематической организации террора: «Цель нашей деятельности прочная постановка террора как системы; цель эта достигается созданием крепкой, достаточно многочисленной и приспособленной к условиям времени и места организации. Последнее еще не выполнено; поэтому всякую террористическую попытку сейчас мы считаем вредной и не соответствующей целям систематического террора, который, повторяем, мы считаем единственно целесообразным. Повторяем, против несистематического террора мы протестуем от лица большинства русских террористов. Так как ваша настоящая попытка, как для нас ясно, во всяком случае, явилась бы попыткой несистематического террора, то мы против нее»¹⁷.

Именно в систематичности убийств «коронованных гадин» видел успешность терроризма и революционный публицист-эмигрант П. Ф. Алисов, издавший в Женеве в 1893 г. брошюру «Террор». По той же причине в работе «С чего начать?» (1901 г.) В. И. Ленин, «принципиально» не отказываясь от террора, предостерегал: «...мы решительно объявляем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизуя не правительственные, а революционные силы»¹⁸. Как справедливо отмечает О. В. Будницкий: «Систематический террор непременно входил в намерения более-менее заметных революционных групп конца 1880 – начала 1890-х годов»¹⁹.

Наиболее характерно и деятельно осознание террористической борьбы отразилось в кратковременной деятельности «Террористической фракции "Народная воля"» (1887 г.). К уже озвученным аргументам и положениям народовольческой программы, фракционеры добавили признание «главного значения» террора «как средства вынуждения у правительства уступок путем систематической его дезорганизации». Они особо выделили агитационное (эксцитативное) значение террора: «он поднимает революционный дух народа; дает непрерывное доказательство возможности борьбы, подрывая обаяние правительственной силы; он действует сильно пропагаторским образом на массы». Помимо этого они также оговорили возможность «местных террористических протестов против административного гнета». В прямой связи с этим и уязвимостью организационной структуры ИК, была заявлена и необходимость децентрализации «террористического дела». В конечном итоге, заключительные слова программы о подъеме «стихийной силы народного протеста» можно также трактовать как провозглашение фабричного и аграрного террора²⁰.

Несмотря на разработанную молодыми народовольцами «специально-террористическую» программу действий, как ее назвал А. И. Ульянов, «Террористическая фракция» успела подготовить только один теракт на Александра III (26.02–01.03.1887 г.), который по счастливой случайности не был осуществлен.

Наиболее активным сторонником и «популяризатором» революционного терроризма в конце XIX в. являлся В. Л. Бурцев. В редактируемых им изданиях, газете «Свободная Россия» (1889 г.) и журнале «Народоволец» (1897 г.), последовательно обосновывалась необходимость цареубийства, а в первом отечественном журнале по истории революционного движения «Былое» закладывалась мифология и героизация народничества. На значении пропаганды в террористической деятельности указывала и «Рабочая партия политического освобождения России»²¹: «...когда военный отряд начнет свои действия, мирная дружина будет его помощницей и ее главная задача на то время: создать прессу, которая бы влияла на общество, объясняя ему цель и причину действий боевой дружины»²².

На страницах журнала «Народоволец» Бурцев поддержал и конкретизировал мысль Н. А. Морозова, Л. Я. Штернберга и др., что именно на почве террористической борьбы должно произойти объе-

динение революционных групп: «Политический терроризм – главным образом он – должен быть доминирующим фактором в установлении отношений между группами, признающими одинаково его огромное значение. Все защитники политического террора, несмотря ни на какие разногласия по всем другим вопросам, должны чувствовать себя членами одной семьи – так или иначе, слиться в одну лигу политического террора»²³. Сходно, но весьма путано, как и весь их эклектический «марксистско-народнический» устав, на это указывалось и во Временном организационном исполнительном комитете²⁴: «Стремясь к созданию боевой социально-революционной организации, мы утверждаем, что таковая может и должна быть создана на почве широкой устной и письменной пропаганды идей социализма в связи с пропагандой идеи политического террора среди демократической интеллигенции всех общественных категорий, среди рабочего пролетариата и, отчасти, среди сектантов-рационалистов»²⁵. В законченном виде идея о том, как при помощи террора организовать партию, выражена в программной брошюре «Рабочей партии политического освобождения России»: «пока партия организуется – центр ее тяжести есть пропаганда и агитация; когда партия выступит на открытую борьбу, центр ее тяжести переносится на боевой отряд, и тогда партия, не оставляя пропаганды и агитации, главным образом направляет свои средства на помощь боевому отряду. Затем, когда у нас будет отвоевана политическая свобода, центр тяжести переносится снова, на пропаганду и агитацию; а боевой отряд останется на страже конституции...»²⁶. Эти же объединительные функции терроризма возьмут за основу социалисты-революционеры, конструируя свою партию на рубеже 1901–1902 гг.

Помимо переосмысления террористической тактики и стратегии, последователи народничества отмечали организационные и управленческие ошибки народовольцев. Для определенного круга революционеров поражение народовольцев не означало разочарования в террористических формах борьбы, более того, оно создало впечатление, что им для победы не хватило самой малости. Значительная часть революционного сообщества основным результатом переосмысления террористической борьбы вынесет вывод о необходимости на смену узкопартийному, централизованному террору народовольцев организовать систематический, социально и политически более массовый и последовательный терроризм. Так группа «федер-

ралистов» указывала на неправильную «наличность одной постоянно действующей боевой организации, как это было в период расцвета “Народной Воли”». Прямо оговаривалось, что «более целесообразно действовать отдельными небольшими боевыми группами. Боевые группы состояются из разбросанных в обществе отдельных террористов лишь при надобности совершить какой-либо террористический акт. Быстро сплотившись, они, как бы с налету, совершают намеченное убийство и вновь расплываются и тонут в обществе»²⁷. Вслед за «федералистами» и «террористической фракцией “Народной воли”», первая «Группа народовольцев» (1891–1894 гг.) также возражала против замкнутости ИК, указывала на необходимость расширения террористических подразделений и боевиков: «Признавая наступательный политический террор главным орудием борьбы с самодержавием, мы, однако же, утверждаем, что систематический террор возможен лишь при таком развитии организации, которое обеспечит живой приток сил»²⁸.

Бесплодные, но целеустремленные усилия в подготовке покушения на императора во время его коронации в Москве предприняли в 1895 г. и члены группы И. Распутина. Малочисленность группы (активную подготовку и роль выполняли сам И. Распутин, В. Бахарев, Т. Акимов, М. Егоров), напрямую была связана с мнением самого Распутина о необходимости использовать особую структуру террористических групп. Обоснованная им террористическая организация, состояла из нескольких боевых пятерок, взаимодействие между которыми осуществлялось только через отдельных представителей. Тем самым создавалась повышенная конспиративность и неуязвимость террористов, что как раз не хватало народовольцам. Эта схема в начале XX в. станет определяющей для большинства террористических организаций революционеров.

Критически оценивали чрезмерную централизацию «Народной воли» и прежние ее руководители. И. И. Попов вспоминал: «Изучая историю террористической борьбы, мы приходили к выводу, что террор нецелесообразно губил революционные силы, вводил в борьбу элемент случайности и требовал в организационном отношении самого строгого централизма»²⁹. В дальнейшем, именно решение кадровых и организационных проблем будет наиболее сложным для террористических подразделений, но от их решения напрямую зависела функциональность этих подразделений.

Общий итог усиленной аналитической работы в отношении народнического терроризма отражен в программе саратовского «Союза социалистов-революционеров», организовавшегося в 1896 г. и ставшего позже составной частью ПСР. В программе организации последовательно акцентировалось внимание на доводах и условиях террористической борьбы, а именно: «Систематический террор совместно с другими, получающими только при терроре огромное решающее значение, формами открытой массовой борьбы (фабричные и аграрные бунты, демонстрации и проч.) приведет к дезорганизации врага. Террористическая деятельность прекратится лишь с победой над самодержавием, лишь с полным достижением политической свободы. Кроме своего главного значения, как средства дезорганизующего, террористическая деятельность послужит вместе с тем средством пропаганды и агитации, как форма открытой, совершающейся на глазах всего народа, борьбы, подрывающей обаяние правительственной власти, доказывающей возможность этой борьбы и вызывающей к жизни новые революционные силы, рядом с непрерывающейся устной и печатной пропагандой. Наконец, террористическая деятельность является для всей тайной революционной партии средством самозащиты, и охранения организации от вредных элементов – шпионства и предательства»³⁰.

Подобную развернутую аргументацию террора предложила и «Рабочая партия политического освобождения России», сформулировав в своей программной брошюре: «Направляя свои удары на членов правительствующей группы, мы имеем в виду: удалить прежде всего сподвижников царизма..., сделать их ответственными за их деятельность... Систематически, разумно направляя свои удары, партия устрасит и дезорганизует правительство, у которого народ сумет вырвать принадлежащие ему права. Партия не прекратит своих действий, пока не добьется конституции, наиболее удобной для основной идеи пролетариата. Поэтому партия не остановится на полпути. Добившись сначала конституции только либерально буржуазной, она принудит правительство дать рабочую конституцию. Боевая роль партии кончится в тот день, когда в России будет провозглашена полная свобода»³¹.

Главный теоретик эсеров Виктор Чернов, в статье «Террористический элемент в нашей программе», сформулировал партийную позицию следующим образом: «Мы – за применение в целом ряде слу-

чаев террористических средств. Но для нас террористические средства не есть какая-то самодовлеющая система борьбы, которая одной собственной внутренней силой неминуемо должна сломить сопротивление врага и привести его к капитуляции. Террористические действия вовсе не должны быть каким-то замкнутым внутри себя рядом актов, воплощающим собою всю непосредственную борьбу с врагом. Напротив – для нас террористические акты могут быть лишь частью этой борьбы, частью, неразрывно связанной с другими частями; в этой-то живой органической связи они и почерпают всю свою силу, все свое значение... Террор... только один из технических приемов борьбы, который лишь во взаимодействии с другими приемами может проявить все то действие, на которое мы рассчитываем»³².

Революционными партиями начала XX в. вообще не ставился вопрос о возможности при помощи отдельных террористических акций свергнуть или заставить пойти на уступки самодержавие. Революционно-националистические, неонароднические и анархистские организации, изначально и активно использовавшие индивидуально-террористические акции, рассматривали терроризм только как одну из многообразных форм революционной борьбы и прямо оговаривали его преимущества, недостатки и сложности применения. Социал-демократические организации, предпочитали в публикациях последовательно акцентировать внимание исключительно на его недостатках, но в тоже время периодически к этой форме борьбы прибегали. Яростная и зачастую злая критика террора в социал-демократической печати постепенно смягчалась под влиянием подъема революционного движения, одобрительной общественной реакции на отдельные теракты и планируемые совместные боевые действия с эсерами. В период вооруженных восстаний 1905 г. социал-демократы стали прямо заявлять о поддержке и развитии партизанской борьбы, которая в тех российских условиях могла быть осуществима только в диверсионно-террористической форме.

Критика и аргументация российскими марксистами террора базировалась на двух основных аргументах – вопросе революционной «целесообразности» использования терроризма в тех или иных обстоятельствах и наличии взаимосвязи индивидуально-террористических акций с массовым движением³³. Со стратегической точки зрения, разница подходов неонародников и марксистов на использование терроризма заключалась в том, что эсеры предлагали исполь-

зовать террор для развития и начала массового протестного движения, а социал-демократы напротив, считали возможным перейти к террору в условиях уже начавшегося массового движения, постепенно доведя его до масштабов «терроризма великой французской революции».

После разгрома народовольческого терроризма, начинается анализ причин поражения стратегии и тактики борьбы, поиск совершенствования форм и методов воздействия на правительственные структуры, дискуссии с партийными оппонентами по поводу террористических методов борьбы. Некоторые революционные теоретики рассматривали терроризм именно как самодостаточную форму борьбы (Н. А. Морозов, Л. Я. Штернберг, С. М. Степняк-Кравчинский, В. Л. Бурцев), предлагая совершенствовать тактику и средства его использования. Терроризм же начала XX в. перерос стадию эпизодических политических убийств и превратился в систематическую деятельность, чему подтверждением являются разнообразие средств и методов террористических воздействий, количество жертв и участников террористических формирований, сложная функциональная структура террористической деятельности, обширная идеологическая база терроризма в которой использовались социально-экономические, политические, националистические и прочие антагонизмы. Марксистская же точка зрения о необходимости организации массового движения для совершения революционных изменений повлияла на то, что терроризм стал рассматриваться в неонароднической программе эсеров только как одна из многообразных форм революционного противодействия, правда наделенная обширной функциональностью и особой значимостью. Проанализировав ошибки народовольцев, эсеры постарались минимизировать негативные последствия структурной обособленности боевиков от общей организации и попытались гармонично совместить террористические с другими формами борьбы.

Социал-демократические теоретики в споре с эсерами, критиковали терроризм, считая его малопродуктивным средством в революционной борьбе. Категоричность в споре носила не принципиальный характер, а тактический, учитывая резко выросший авторитет ПСР после успешных терактов Боевой организации. В конечном итоге, социал-демократы «реабилитировали» терроризм и стали его активно пропагандировать и использовать, только теперь под назва-

нием партизанская деятельность, считая эту форму борьбы кардинально и принципиально отличной от «мелкобуржуазной», т.е. эсеровской индивидуально-террористической деятельности.

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века : сб. документов и материалов : в 2 т. Т. 2. М. ; Л., 1965. С. 174.

² Подготовительная работа партии (весна 1880 г.) // Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 305.

³ *Фигнер В. Н.* Запечатленный труд. Воспоминания : в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 260–261. С. С. Волк отмечает противоречивость мемуарной оценки Фигнер о результатах февральского совещания ИК. В показаниях следствию в 1883 г. она дала противоположную оценку итогам голосования по поводу возможности инсurreкции, заявив о «громадном большинстве голосов» в пользу вооруженного выступления. См.: *Волк С. С.* Народная воля. 1879–1882. М. ; Л., 1966. С. 108.

⁴ *Тихомиров Л. А.* Передовая статья // Земля и воля. 1879. № 5. 8 апреля.

⁵ *Годунова Н. Л.* Военная организация народовольцев // Вопросы истории. 1973. № 9. С. 123.

⁶ *Серебряков Е. А.* Революционеры во флоте // «Народная воля» и «Черный передел» : Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л., 1989. С. 199. Так, член Морского кружка лейтенант Ф. И. Завалишин для снаряжения бомб к 1 марта 1881 г. достал 4 минных запала.

⁷ *Ашенбреннер М. Ю.* Военно-революционная организация партии «Народной Воли» // Каторга и ссылка. 1923. № 7. С. 87; *Он же.* Военная организация «Народной воли». М., 1924. С. 93.

⁸ Встречающиеся расхождения количества покушений народовольцев на императора (четыре или семь) связаны с разными трактовками критериев. Покушением принято считать целенаправленные мероприятия, завершившиеся действиями, представляющими угрозу объекту нападения, или незавершившиеся таковыми по независящим от организаторов причинам. В монографии С. С. Волка указывается о семи покушениях ИК на императора (См.: *Волк С. С.* Указ. соч. С. 235).

⁹ Подготовительная работа партии (весна 1880 г.). С. 305.

¹⁰ *Буланова-Трубникова О. В.* Три поколения // «Народная воля» и «Черный передел». С. 312.

¹¹ *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России : от 40-х к 90-м годам XIX в. М., 1997.

¹² *Мокшин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 245–246.

¹³ «Молодая партия “Народной воли”» – народническая организация, зародившаяся в Петербурге. Лидеры: В. А. Бодаев, П. Н. Мануйлов, Н. М. Флеров, П. Ф. Якубович.

¹⁴ Из истории народолюбивого движения // Советские архивы. 1969. № 3. С. 63–66.

¹⁵ Цит. по: Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении. М., 2000. С. 116.

¹⁶ Группа «социалистов-федералистов» – народническая организация Санкт-Петербурга и Москвы, 1887–1889 гг. Организаторы: А. С. Белевский, П. Ф. Николаев, О. Н. Флоровская-Фигнер и др. См.: Спиридович А. И. Революционное движение в России. Вып. II. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1916. С. 13.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 5. С. 7.

¹⁹ Будницкий О. В. Указ. соч. С. 95–96.

²⁰ Программа террористической фракции партии «Народная воля» // Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М. ; Л., 1927. С. 374–375; Первое марта 1887 г. : Дело П. Шевырева, А. Ульянова, П. Андреюшкина, В. Генералова, В. Осипанова и др. М. ; Л., 1927. С. 449–450; Альтман И. А. Программа группы А. И. Ульянова // Вопросы истории. 1977. № 4. С. 34–44.

²¹ Народническо-эсеровская организация, объединявшая в 1897–1900 годы ряд групп в Минске, Житомире, Белостоке. Организаторы: Л. М. Родионова-Клячко, Г. А. Гершуни, Е. К. Брешко-Брешковская, А. О. Бонч-Осмоловский, Е. А. Гальперин.

²² Спиридович А. И. Указ. соч. С. 61.

²³ История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996. С. 166.

²⁴ Кратковременная группа, объединившая одну из первых российских социал-демократических организаций, группу М. И. Бруснева (1889–1892 гг.) и ряд московских народников.

²⁵ Костин А. Ф. От народничества к марксизму. М., 1967; Овченко Ю. Ф. Московская охранка на рубеже веков. 1880–1904 гг. М., 2010. С. 115–117.

²⁶ Спиридович А. И. Указ. соч. С. 62.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Цит. по: Щербакова Е. И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е гг. XIX в.). М., 2008. С. 195.

²⁹ Народолюбцы после 1 марта 1881 года : сб. ст. и мат. М., 1928. С. 53.

³⁰ Спиридович И. А. Указ. соч. С. 53.

³¹ Там же. С. 60.

³² Революционная Россия. 1902. № 7–8. С. 2–5.

³³ Портнягина Н. А. Восприятие политического терроризма русским марксизмом в начале XX в. // Страницы российской истории : Проблемы, события, люди : сб. науч. тр. СПб., 2008. С. 119.

Блохин В. В.

**Между социализмом и либерализмом: проблема
«срединной линии» в общественной мысли
пореформенной России**

При анализе общественной мысли пореформенной России, как народничества, так и либерализма исследователи зачастую ограничиваются «отраслевым» подходом; народниковеды исследуют социалистическую доктрину, историки либерализма – либеральное учение, наивно полагая, будто бы между течениями общественной мысли пролегла непроходимая «китайская стена». Такой узкопрофессиональный подход чреват обеднением содержания, как народничества, так и пореформенного либерализма, а потому требует нахождения идейных линий сопряжения, «точек» пересечения социальных концепций. Одновременно возникает и другой вопрос об отграничении указанных теорий, точного нахождения критериев, позволяющих нам причислить их к той или иной идеологии. Можно сегодня уже вполне определенно говорить о том, что такие исследования назрели.

С этой точки зрения уместно было бы попытаться очертить контуры подходов к проблеме, расставить хотя бы некоторые «ориентиры» исследования, а для этого провести сопоставительный анализ некоторых идей теоретика индивидуалистического (персоналистического) социализма – Н. К. Михайловского со взглядами ряда пореформенных либералов (А. С. Посникова, А. И. Чупрова), публицистов «Вестника Европы». В работах этих представителей либерального лагеря весьма заметно звучали некоторые «народнические ноты»: учение об общине, о роли государства как социально-регулирующей силы, представления о личности.

Методологически необходимым, но, правда, недостаточным считаем рассмотрение общих социокультурных условий формирования социалистической и либеральной мысли пореформенной России.

Середина XIX века была отмечена комплексом либеральных преобразований, направленных на догоняющую модернизацию важнейших социальных институтов страны. И для либералов, и для народников-социалистов была очевидна архаичность системы госу-

дарственного управления. Именно этими резонами диктовалась необходимость реформирования системы образования, судебной системы, местного самоуправления.

Фактом пореформенной действительности, очевидно, следует признать почти бедственное положение российского крестьянства, чьи жизненные потребности едва превышали физиологический уровень. В 1860–1870-е гг. многие представители либеральной и народнической интеллигенции были едины во мнении, что крестьянская реформа не оправдала себя. «Социальная цена» капитализма с его раскрепощением хозяйственной инициативы личности оказалась неподъемной для общества. Жизнь побуждала вносить коррективы в теоретические схемы, менять те или иные акценты привычных доктрин.

Наиболее дальновидные мыслители готовы были к серьезным коррективам в социальном учении. В этом смысле весьма показательна фигура Н. К. Михайловского, который предложил модель, которую Р. И. Иванов-Разумник назвал «критическим народничеством». Если для классического народничества 1870-х гг. был характерен аполитизм с его апологией социального освобождения, то Михайловский вводит в практику народничества борьбу за конституцию и демократические свободы, полагая, что приближение к социалистическому будущему страны будет иметь поэтапный и эволюционный характер. Он был уверен, что историческая траектория страны будет определяться сочетанием различных факторов, комбинацию которых невозможно предугадать.

Размышляя на тему связи революции и конституции, Н. К. Михайловский при встрече с начинающим социалистом-революционером В. М. Черновым в начале 1890-х гг. очень тонко подметил диалектику политического процесса. «Обычно думают: народная революция, всеобщее восстание должно свергнуть современный режим. Но, представьте себе, что, скорее всего, может быть обратный случай: по-настоящему раскачается народ тогда, когда этот режим уже станет достоянием истории»¹.

С такой установкой согласуется его социал-реформизм, надежда на благоразумие власти в возможности проведения реформ «сверху», предполагавших социальную помощь государства обездоленным низшим классам. Причем, эти формы Михайловский в 1870-е гг. находил в самой российской действительности.

В определенной степени «реформаторские иллюзии» Михайловского начала 1870-х годов подпитывались надеждой на способность верховной власти снизить социальные издержки капитализма. Такое восприятие государства сформировалось у Михайловского под непосредственным влиянием идей Луи Блана. Этот видный представитель французского утопического социализма полагал, что государство как социальное учреждение есть надклассовая, независимая от каких-либо групп структура, способная служить интересам низших классов. «Луи Блан требовал, как известно, государственного вмешательства в экономическую жизнь страны. В противоположность буржуазным теориям, он видел в государстве не организм, состоящий из людей – органов, а орган, функция которого состоит в обеспечении развития и применения человеческих сил и способностей... Он требовал для государства роли не господина, а служителя. Никакие либеральные фразы, никакие звучные слова не могли сбить его с этой крепкой позиции», – отмечал Михайловский².

В этой связи уместно отметить важный факт: социалист Михайловский не боготворит государство, а считает его «службой» народной воли, что весьма характерно для политической доктрины либерализма, согласно которой государство вторично по отношению к обществу.

Именно такая трактовка сущности государства предопределяла и обуславливала вытекавшую из нее функцию государственной политики – организацию социальной защиты народа.

В 1872 г. Михайловский ставит в своей публицистике вопрос о государственной помощи низшим классам и беднейшему крестьянству, страдавшему от произвола кулачества. Народнический теоретик признает плодотворным подход либеральных публицистов, авторов сборника «Русские общественные вопросы. Сборник “Недели”», либералов В. О. Португалова и кн. А. И. Васильчикова. Их предложения были направлены на развитие ссудо-сберегательного кредита; они предлагали сосредоточить предпринимательскую деятельность в земствах; заниматься вопросами хлебной торговли, развитием пароходств, железных дорог; организовывать добычу и эксплуатацию минеральных ресурсов. Все эти сферы они предлагали передать из рук перекупщиков земствам.

Что же предлагает Михайловский? Широкую государственную поддержку народному производителю, крестьянину. «Когда у нас, –

пишет публицист, – заходит речь об организации рабочего труда... раздаются обыкновенно голоса, громко и с азартом отрицающие государственную помощь. Трудно представить что-нибудь страннее и даже, можно сказать, наглее этих голосов. Стоит только припомнить, что они раздаются в стране, где, с одной стороны, только вчера освобождены государственным вмешательством миллионы крепостных, где, с другой стороны, после освобождения огромные суммы, из взыскиваемых с податных сословий, т.е. почти исключительно с труда, уходят на субсидии и гарантии капиталистам – предпринимателям. Эти привилегии, субсидии и гарантии никем не опротестованы, протесты считаются даже идилиями, тогда как при малейшем намеке на государственную помощь труду поднимаются азартные крики»³.

Годом позже Михайловский вновь обратился к теме государственной поддержки, описывая при этом некую гипотетическую ситуацию, при которой некие публицисты «отстаивают интересы народа». Они, замечает народнический мыслитель, «требуют государственной помощи для сохранения в народе имеющих у него орудий производства и приобретения новых; нормальным сочетанием экономических сил они признают не акционерные компании, а производительные артели; успехов земледелия они не отделяют от условий благоприятного положения земледельца, свободы труда от самостоятельности рабочего и проч.»⁴.

Михайловский считал необходимым следовать экономическим законам, и был уверен в росте производства: «Производство и потребление будут, конечно, расти, потому что наши гипотетические публицисты не думают враждовать с кредитом, с машинами, с принципом сочетания экономических сил, и со всеми другими помощниками человека»⁵.

К этим идеям социального реформаторства, обращенного на удовлетворение потребностей основной массы народа, в эти годы приходят и отечественные либералы. Редакторы либеральных «Русских ведомостей» А. С. Посников, А. И. Чупров выступают с большой программой оказания помощи крестьянству, развития его хозяйственной культуры. Как и Н. К. Михайловский, отечественные либералы активно продвигали в жизнь идею народного кредита и судо-сберегательных касс, которые, по их мнению, должны были решить проблему нехватки капиталов в крестьянском хозяйстве.

Причем, идейным источником для российских либералов становятся экономические теории, оправдывающие активное государственное вмешательство в целях помощи социально-незащищенным слоям населения. Это в первую очередь относится к идеям немецких экономистов Вильгельма Рошера и Лоренца фон Штейна. Поразительно, то, что объектом рецепции, как народников, так и либералов становятся ученые, разрабатывавшие проблемы социального государства и социального реформизма.

Можно найти еще одну очень важную линию соприкосновения отечественного либерализма и народничества. Так, Н. К. Михайловский, допуская возможность подворного хозяйства, полагал, что община может стать важным инструментом социальной защиты крестьянина от конкуренции и разорения. В своей публицистике он отмечал: «Только в конце 40-х годов с полной резкостью обозначилось в Европе то направление, которому принадлежит будущее, и которое, примиряя в себе односторонности предыдущих исторических моментов, может быть формулировано, как торжество личного начала при посредстве начала общинного»⁶. В этом замечании Михайловского речь идет об идеях социализма, распространившихся в 1840-е гг. в Европе. Созвучны этим заключениям и выводы в его статье «Политическая экономия и общественная наука» (1878 г.): «Община дорога не сама по себе, как идол какой-нибудь. Подумайте, и осуществите что-нибудь лучше в смысле ограждения личности мужика от бурь промышленности, конкуренции, кто же бы стал тогда требовать ее сохранения»⁷.

Поразительно, но именно в солидарном характере крестьянского хозяйства видели спасение и либералы. Так, для экономиста и публициста А. С. Посникова, например, была очевидна маломощность крестьянских наделов, перспектива их потери и превращения в пролетариев. Осознание этой российской реалии либеральными экономистами приводило их к скептическому отношению к институту частной собственности, к осознанию ограниченности и ущербности «экономического либерализма» с его апологией свободного рынка. В конце 1870-х гг. Посников в своем исследовании «Общинное землевладение» выступил в защиту общины, подверг критике мифологию «экономического либерализма» о том, что только частная собственность является единственно эффективной формой хозяйствования, а община лишена необходимых побудительных стимулов для

обработки земли⁸. Для Посникова необходимым условием хозяйственного прогресса являются меры по развитию плодородия земли, повышения ее урожайности, государственного субсидирования крестьянского хозяйства. Пример такого отношения, по его мнению, может показать сама Англия, где правительство направляет из государственного фонда значительные средства фермерским хозяйствам, помогая им реализовать произведенную продукцию⁹. По убеждению Посникова, ошибочно считать, что все фермерские земли в Англии находятся в частной собственности их владельцев. «По понятию английского права собственность на землю принадлежит короне», – писал либеральный экономист¹⁰.

В своей точке зрения А. С. Посников был далеко не одинок. Точно также размышляли А. И. Чупров и публицисты либерального «Вестника Европы». Для них важна была не столько юридическая сторона вопроса, не его юридическая форма, а прежде всего – экономическая эффективность пореформенного крестьянского хозяйства. Показательно, но осознание глубины социальных проблем России в существенной степени меняли либеральные приоритеты, центр внимания «переносился» с интересов автономной личности – этого основополагающего идейного центра либерализма – на народ. Либеральные концепции насыщались демократическим содержанием. Ведь не случайно же народник Н. К. Михайловский активно сотрудничал с либеральной газетой «Русские ведомости», редактируемой А. С. Посниковым.

Михайловский высоко оценивал научный вклад Посникова. «За последнее время объявилась маленькая кучка молодых профессоров, более или менее решительно разорвавших свое дело с рутинной. Вы догадываетесь, что я говорю о гг. Чупрове, Зибере, Янжуле, Посникове; может быть, еще два-три найдутся, труды которых заслуживают тем большего внимания, что являются без всякой нелепой помпы “русской науки”, оторванной от науки европейской. ...Общая их характеристическая черта – различие “богатства народов” и благосостояния масс – ставит их особняком в русской ученой литературе. Направлению этому неизбежно предстоит крепнуть, развиваться, становиться определеннее и резче. Но это недаром дается, не без борьбы»¹¹. В овуациях, которыми сопровождалась докторская защита Посникова, Михайловский видел «залог сближения между наукой и жизнью»¹².

Показательно, но едва ли не самый авторитетный представитель отечественного либерализма К. Д. Кавелин являлся убежденным сторонником поземельной общины. По мнению современного исследователя либерализма Р. А. Арсланова, мыслитель, конечно, знал об ее отрицательных сторонах, о тех препятствиях, которые она создавала на пути формирования в народе нравственной и свободной личности. Но в то же время он считал, что «община... не только не противостояла процессу модернизации, но и помогала его осуществлению, давала крестьянам возможность адаптироваться к новым условиям». Поэтому в крестьянской общине Кавелин видел «средство, смягчающее переход крестьянского хозяйства к рыночным отношениям»¹³. Как видно из этих цитат, «социально-политический язык» либерализма и народничества по ключевым вопросам был очень схожим.

В контексте предложенных размышлений представляется уместным рассмотреть еще одну сферу «пересечения» отечественного либерализма и народничества, а именно: трактовку такой важнейшей категории как «личность».

Н. К. Михайловский, один из народников-персоналистов, весьма плодотворно разрабатывал теорию личности, отталкиваясь от ее западноевропейских либеральных интерпретаций. Наиболее популярным на западе был социал-дарвинизм, основанный на так называемой «метафоре Ч. Дарвина», согласно которой принцип «борьбы за существование в природе» в равной мере применим и к общественной жизни. В социальной сфере он проявляется в конкуренции, в ходе которой происходит отбор «совершенных особей». Михайловский применил к ним весьма красноречивый термин – «практический тип», что в переводе на язык политэкономии означает – «экономический человек». Для народника феномен «экономического человека» означает одностороннее развитие личности, превращение ее в атрибут, элемент социального организма. Одностороннее развитие личности, согласно взглядам Николая Михайловского, – это результат ее дегуманизации, которая происходит в процессе капиталистического производства¹⁴.

Поразительно согласие мысли народника и либерала. А. Д. Градовский, один из публицистов «Вестника Европы» несколько иначе, но в том же направлении осмысливает феномен «экономического человека». Односторонне понимаемый принцип «личности», когда в

качестве смыслообразующей основы ее рассматривается лишь собственность, искажает саму ее природу, разделяет ее на две антимичные сущности. «Собственник мечтает о наживе: не собственник – о разделе имущества. И в том и в другом случае в человек просыпается зверь, которого в просвещенных обществах в течение веков взнуздывали, церковь, школа, семья, философия, политика и история. <...> Все, что ведет к умалению человеческой личности в одной области, не поведет к возвышению ее в другой. Умаленная в области своих нравственных способностей и стремлений, она не воскреснет в области “имущественной”. Шаг за шагом, она будет низведена на степень зверя, а зверь ничего не “уважает”»¹⁵.

Очевидно, что отечественное народничество и либерализм «пересекались» в понимании целостности личности, в осознании деструктивности так называемой «свободной» конкуренции, неограниченного господства рынка, гипертрофированного «выпячивания» в человеке вещественного, собственнического начала.

Итак, сопоставительный анализ воззрений Н. К. Михайловского как представителя неортодоксального «критического народничества» и либералов круга «Русских ведомостей» и «Вестника Европы» наглядно показывает, что они наметили ряд общих траекторий разрешения политических и социальных проблем пореформенной России. Это борьба за конституцию и политические права, отстаивание социал-реформистских методов преобразования страны, признание государственного вмешательства в экономику и социальную сферу с целью разрешения вопросов преодоления бедности и социального неравенства. Иначе говоря, проблема социальной справедливости была актуальной не только для народничества, но не в меньшей степени и для пореформенного либерализма. Причем зачастую доводы теоретиков либерализма в пользу сохранения общины, как института социальной амортизации, представляются более убедительными, чем заявления того же Николая Михайловского.

Впрочем, все это не снимает вопроса о существовании принципиальных различий в мировоззрении социальных либералов типа А. С. Посникова и А. И. Чупрова и «либеральных социалистов» в лице Н. К. Михайловского. Ответ видится в оценке системы их взглядов, в определении главной мировоззренческой цели. Если для Михайловского венцом его теоретических исканий являлся социализм, то конечной целью представителей отечественного либера-

лизма было осуществление свободы человеческой личности, но очевидно, свободы социально-ответственной.

¹ Чернов В. М. Перед бурей. Мн., 2004. С. 52.

² Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1909–1913. Т. 3. Стлб. 72.

³ Там же. Т. 1. Стлб. 660.

⁴ Там же. Стлб. 677.

⁵ Там же. Стлб. 678.

⁶ Там же. Т. 6. Стлб. 302.

⁷ Там же. Стлб. 303.

⁸ Посников А. С. Общинное землевладение. Вып. 1–2. Одесса, 1878. С. 3.

⁹ Там же. С. 50

¹⁰ Там же. С. 53.

¹¹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 4. Стлб. 592.

¹² Розенберг В. Посников Александр Сергеевич // Энциклопедический словарь Гранат : в 58 т. М., 1916. Т. 33. Стлб. 119.

¹³ Арсланов Р. А. К. Д. Кавелин : человек и мыслитель. М., 2000. С. 213, 214.

¹⁴ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 1. Стлб. 186; Т. 6. Стлб. 410. Подробнее см.: Блохин В. В. Историческая концепция Николая Михайловского (к анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции XIX века). М., 2001. С. 96, 110–112.

¹⁵ Градовский А. Д. Трудные годы (1876–1880) : очерки и опыты. М., 2007. С. 327.

Федорова В. И.

Эволюция социально-революционных идеалов в позднем народничестве

В отечественном народниковедении традиционно считалось, что народничество пережило свой пик в 1870 – начале 1880-х гг., исчерпав свой революционно-демократический потенциал. А в последующие десятилетия оно медленно, но неуклонно стагнировало как в идейно-теоретическом, так и политическом плане, дрейфуя в либерально-буржуазном направлении. При этом оценка этого дрейфа зависела от идейно-политических установок авторов. Дореволюционные историки либерального направления видели в этом позитивную тенденцию, рассматривая как проявление политической зрелости и гражданской ответственности¹. В советской историографии это трактовалось как либерально-буржуазное перерождение, предопределенное мелкобуржуазной сущностью крестьянской демократии, выразителями которой и были народнические революционеры².

В современной историографии тезис о реакционности позднего народничества пересматривается, заметно стремление историков реабилитировать сторонников легального направления в народническом движении. Авторы справедливо указывают на органическую связь между революционной и реформистской линиями в истории движения, говорят о том, что идеология широкой «культурной работы», возобладавшая в 1880–1890 гг., – не побочная ветвь развития народнической мысли, а существенный шаг вперед по пути преодоления противоречий между задачами культурно-просветительской работы в народе и борьбой за осуществление социалистического идеала³.

Однако выводы о преобладании легального направления в народническом движении на позднем этапе его развития строились в основном на изучении идейного наследия очень ограниченного круга теоретиков народнического движения 1880–1890-х гг. – В. П. Воронцова, И. И. Каблицы, Н. К. Михайловского, Н. Ф. Даниельсона⁴. Вне поля зрения историков оставалось, (и по-прежнему еще остается) изучение взглядов той части народнических деятелей, которые сыграли в движении на его ранних этапах весьма активную роль, но в 1880–1890-е гг. в силу разных жизненных обстоятельств – тюрьма, ссылка, каторга, эмиграция, оказались выброшенными из политиче-

ского мейнстрима, лишившись возможностей сколько-нибудь ощутимо влиять на идейно-политические процессы. А между тем, многие из них, обладая недюжинным интеллектуально-творческим потенциалом, не могли оставаться в стороне от переосмысления опыта революционной борьбы и выработки новых теоретических и программно-тактических установок.

В настоящей статье представлена попытка рассмотреть изменение позиций по ключевым вопросам народнической доктрины, составлявшим сердцевину социально-революционных идеалов участников движения. Таковыми являлись вопросы крестьянской общины как условия особого некапиталистического пути развития страны и социальной революции как способа осуществления социалистического идеала. Основным источником для исследования послужило творческое наследие активных участников народнического движения в 1870-х начале 1880-х гг. – периода хождения в народ и народо-вольческого террора. Это те деятели, которых можно считать носителями идеологии революционного народничества – Д. А. Клеменц, Л. Э. Шишко, Н. А. Виташевский, Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч, И. И. Майнов, М. П. Овчинников и др. Пройдя через драматические перипетии революционной борьбы – тюрьмы, каторгу, ссылку, эмиграцию, пережив взлеты и падения, веру и сомнения, они сохранили демократические убеждения, составлявшие здоровое ядро народнической идеологии. Некоторые из них отошли от активной политической деятельности, став учеными, общественными работниками, но продолжали оставаться в идеологическом континууме народничества. В работе использовались как опубликованные, так и рукописные научные и публицистические труды этих деятелей, относящиеся к 1880–1890-х гг., а также мемуарная литература.

В 1880-е гг. особенную актуальность приобретает поиск новых идей в связи с потребностью выхода из идейного кризиса, который переживало народничество. Неслучайно именно в это время был заложен фундамент для обновления народнической доктрины и возрождения ее в начале XX в. на качественно новом уровне в виде неонародничества.

Краеугольной проблемой, вокруг которой и в 1880–1890-е гг. по-прежнему кипели споры, оставалась проблема исторической самобытности России. Взгляды подавляющей части деятелей движения о невозможности капитализма в России к концу века претерпели су-

ществленную эволюцию. На фоне промышленного подъема 1890-х гг. рухнули старозаветные народнические представления об особом «народном укладе» российской экономики. Фабрика на глазах современников вытесняла мелкое кустарное производство, крестьянство пролетаризировалось, крупный финансовый капитал ломал национальные перегородки, втягивая страну в мировой рынок. В общественном сознании под влиянием этих процессов все более укоренялось представление о благотворности скорейшей вестернизации России как пути преодоления экономической и культурной отсталости.

Однако за внешними успехами бурной промышленной модернизации страны крылись глубокие противоречия: неустойчивость экономических темпов, разрыв между промышленным и аграрным секторами, центром и периферией. Все это являлось следствием специфики российского капитализма, поле развития которого было ограничено наличием огромной массы мелких полупатриархальных крестьянских хозяйств, незавершенностью первоначального накопления, узостью рынка, слабостью социокультурных предпосылок. Отсюда распространение в массовом сознании антибуржуазных эгалитарных настроений, которые резонировали в сознании части демократической интеллигенции, выдвигавшей на первый план задачу поиска альтернативы капитализму. Однако оценка капитализма к этому времени заметно меняется: от сакраментальных проклятий буржуазной эксплуатации к научному анализу социально-экономических реалий современности.

Определенную роль в эволюции народнических взглядов на капитализм сыграло знакомство с современными экономическими теориями. В трудах народнических авторов этого времени постоянно мелькают ссылки на Э. Бернштейна, К. Каутского, Р. Гильфердинга, Ф. Герца, критиковавших К. Маркса с ревизионистских позиций. Не без их влияния народники корректируют свои оценки капитализма. Так Л. Э. Шишко, анализируя современное капиталистическое производство в странах Западной Европы, уже готов признать «творческие организующие силы» капитализма⁵. Однако выводы народника об исторических перспективах капитализма диаметрально противоположны теоретикам реформистского направления в марксизме. В отличие от упований социал-реформистов, что развитие рынка и демократии при капитализме приближает общество к социализму, он убежден в обратном: чем очевиднее успехи капита-

лизма, тем дальше отодвигаются перспективы социализма. И наоборот, чем меньше развит капитализм, и, следовательно, более острыми являются его социально-экономические противоречия, тем реальнее перспективы борьбы за социализм⁶.

Вопрос о степени развития капитализма и его будущих перспективах в России с точки зрения борьбы за социализм являлся пунктом расхождения народников и марксистов. Отрицать успехи капитализма в России в 1890-е гг. уже было невозможно. Вместе с тем для народников было очевидно, что эти процессы протекают в иных условиях, поэтому центр тяжести в изучении проблемы перемещается на выявление особенностей российского капитализма.

В трудах теоретиков позднего народничества они объяснялись чертами, характерными для стран с опозданием вставших на этот путь. Здесь складывается такая модель, которой были свойственны диспропорция между продуктивными и деструктивными тенденциями в развитии, консервация в экономике и общественных отношениях архаичных форм. Идеи народнических теоретиков (В. П. Воронцова, И. И. Юзова, Н. Ф. Даниельсона) находили свое подтверждение в исследованиях Д. А. Клеменца, С. Л. Чудновского, С. П. Швецова, С. Ф. Ковалика, А. П. Буланова, А. А. Макаренко, рассматривавших эти особенности на конкретном региональном материале. В них отмечались преобладание примитивных, хищнических форм первоначального накопления в промышленности и торговой сфере, связь частного капитала и самодержавной власти, консервация внеэкономических форм эксплуатации. Так С. П. Швецов в очерке о фабрично-заводском труде в России устанавливает, что даже в самых развитых промышленных районах (Московском, Привисленском, Южном) преобладала мелкая промышленность, в которой широко использовался труд кустарей и отходников. Здесь господствовали кабальные формы эксплуатации (штрафы, залоги, круговая порука, преждевременный расчет и пр.), что, по мнению народника, приводило к глубоким деформациям капитализма, стагнации темпов развития⁷.

Еще в большей степени эти особенности проявлялись в экономическом развитии на периферии, в частности в Сибири. Д. А. Клеменц, изучая самую развитую в капиталистическом отношении отрасль в Сибири – золотопромышленность, показал, что рост золотодобычи практически до конца XIX в. держался на одном и том же уровне. Развитию отрасли препятствовали рутинный характер производства,

преобладание ручного труда. Даже на крупных приисках процветали грубейшие формы эксплуатации вплоть до неприкрытого рабства, широко использовалась субаренда, когда прииски сдавались артелям, объединявшим мелких старателей. Народник приводит в своем исследовании сибирской золотопромышленности, сохранившемся в рукописи, примеры контрактов между хозяевами приисков и рабочими, из которых следует, что предприниматель получал право продавать рабочего вместе с его личным имуществом другому хозяину, судить работника. «При подобных условиях, – заключает народник, – совершенно забывается, что рабочий человек свободный. Предпринимателю, очевидно, представляется, что подписав контракты, рабочий продает себя в крепостную зависимость»⁸.

Эти данные дополняли материалы А. П. Буланова, изучавшего законодательство по регулированию найма рабочих в золотопромышленности. Он показывает, что противоречивый характер законов открывал широкий простор для злоупотреблений предпринимателей. А чиновники горного ведомства, призванные контролировать частный капитал и защищать рабочих, были не в состоянии выполнять свои функции, так как полностью зависели от предпринимателей, получая зарплату от их отчислений. Буланов приходит к выводу о негласном союзе власти и частного капитала, следствием которого является преобладание хищнических форм, тормозящих прогресс производства⁹.

Однако признание внутренней слабости, противоречивости процессов капиталистической модернизации экономики было равнозначно их отрицанию, что часто приписывалось народникам их идейными противниками – марксистами и либералами. Почти все они признавали переходность современной социально-экономической ситуации, столкновение полярных тенденций: рост крупного промышленного производства, пролетаризацию мелких производителей – с одной стороны, и сопротивление, живучесть традиционного уклада – с другой. Но в отличие от марксистов, однозначно считавших исход борьбы predetermined в пользу «капиталистической чистки от средневекового хлама», народники не исключали альтернативного решения. Оно виделось им в своеобразном синтезе форм крупного производства с освобожденным от архаичной оболочки мелким производством, преобразованном в различные формы кооперации. Создание производственных, сбытовых, кредитных, потребительских ассоциаций рассматривалось народниками как реальная

альтернатива разрушительной стихии капиталистического рынка. Идеи кооперации, высказывавшиеся народниками в 80–90-е гг. XIX в., подтвердили свою жизненность в массовом кооперативном движении, сыгравшем немалую роль в подъеме хозяйства страны.

Возражая марксистам, предрекавшим фатальную неизбежность крушения мелкого производства и поглощения его крупным капиталом, Д. А. Клеменц писал: «Нельзя всюду по одной формуле давать ответ, что при современных условиях производства рамки отдельной трудовой ячейки уже тесны, необходима, дескать, более широкая форма сотрудничества с крупным капиталом для большого рынка»¹⁰. Народник полагал, что именно широкое развитие мелкого производства параллельно крупному будет способствовать развитию рыночных отношений, создавая для них питательную среду. В противном случае, то есть с «вытеснением народного труда» пауперизацией населения, рынок неизбежно будет сужаться.

Конечно, народники не могли не видеть, что мелкое производство не выдерживает напора крупного капитала. Сплошь и рядом они наблюдали подчинение кустарей и артельщиков купеческому и ростовщическому капиталу на кабальных условиях и не испытывали по этому поводу никаких иллюзий. С. П. Швецов в своем очерке о промысловых артелях в Тобольской губернии рисует картину эксплуатации рыболовных артелей скупщиками и деревенскими кулаками. Даже крупные артели вынуждены были подчиняться условиям скупщиков, поскольку удаленность от рынков, дороговизна рабочего инвентаря, неразвитость кредита затрудняли их деятельность. Он вынужден признать, что артель в лучшем случае может лишь оградить работника от грубого произвола предпринимателя, но как самостоятельная производственная форма в данных экономических условиях малоэффективна¹¹. И все же народник не спешит выносить окончательный приговор коллективным формам производства и заканчивает свой очерк на мажорной ноте, не теряя надежды, что этим формам еще суждено сыграть свою роль при переходе к более производительным и культурным способам хозяйствования.

В полемике с марксистами, развернувшейся на страницах газеты «Восточное обозрение», народнические авторы пытались противопоставить своим оппонентам доводы в пользу будущности коллективных форм хозяйствования, ссылаясь на опыт передовых европейских стран, где успешно развивались различные формы кооперации.

Так И. И. Попов и И. И. Майнов, возражая марксисту Л. Б. Красину, утверждавшему, что кустарное производство в России «убито машинным трудом», приводят убедительные данные о том, что, несмотря на поддержку правительством крупного фабричного производства с помощью покровительственных тарифов и налоговой политики, все таки не удалось вытеснить с рынка мелкое производство. Если же поддержать его кредитами, а также всевозможными мерами, направленными на улучшение профессионально-культурного уровня работников, то это, несомненно, даст положительный экономический эффект. А, главное, станет надежным заслоном на пути массового разорения и пауперизации трудового населения¹².

Создание производственных, сбытовых, кредитных, потребительских ассоциаций рассматривалось народниками как вполне реальная альтернатива разрушительной стихии капиталистического рынка, хотя это и не связывалось с социализмом. Идеи кооперации, высказывавшиеся народниками в 1880–1890 гг., спустя десятилетия подтвердили свою жизненность в массовом кооперативном движении, охватившем Россию.

В последовательной защите интересов трудового населения, глубокой убежденности, что прогресс в экономике возможен только при обеспечении подъема крестьянского хозяйства проявилась устойчивость демократической сущности народнического мировоззрения. Для народников крестьянин это «центр, вокруг которого сосредотачивается вся жизнь». Его интересы они ставят в «красный угол всех мероприятий и реформ»¹³.

Пути оптимизации крестьянского хозяйства неразрывно связывались народническими авторами с сохранением общины. Община была краеугольным камнем программно-теоретических построений народничества. Однако во взглядах на нее у народников в 1880–1890-е гг. наметились очевидные перемены. В раннем народничестве историческая ситуация оценивалась следующим образом: Крестьянская реформа 1861 г. открыла перспективу капиталистическим отношениям, которые угрожали существованию крестьянской общины. А поскольку община в представлении народников того времени рассматривалась как модель социального переустройства, то ее гибель неизменно связывалась и с утратой перспектив социализма. Отсюда вытекала тактика быстрого революционного натиска, иначе дело социализма будет проиграно.

Однако опыт революционного движения не только развеял иллюзии о социалистической и революционной природе мужика, но и существенно расширил знания о сложных процессах крестьянской жизни и реальных возможностях общины. Развитие российской деревни конца XIX в. показало устойчивость общины, ее способность адаптироваться к новым социально-экономическим отношениям. Так общинное землевладение в России с 1870 по 1900 гг. выросло, а число передельных общин увеличилось с 1 до 41%¹⁴.

Пристальное изучение общины в ее реальной жизненной обстановке, а не через призму априорных утопических конструкций, давало дополнительный импульс в развитии народнических программ оптимизации крестьянского хозяйства. В этом смысле советские историки явно поторопились с выводами о кризисе общинной теории народников, утверждая, что среди народнических авторов нарастало разочарование в исторических перспективах крестьянской общины. Развитие шло в направлении преодоления народнических ортодоксий об уникальности русской крестьянской общины и ее мессианской роли.

В этот период ареал изучения общины существенно был расширен и в него включены материалы не только по общине в коренных русских губерниях, но и среди русского крестьянства Сибири, а также инородческого населения. Исследования сибирской крестьянской общины в трудах С. Л. Чудновского, С. П. Швецова, Н. Е. Каронина-Петропавловского, Н. А. Виташевского можно назвать пионерными как в плане постановки проблемы, так и по полноте ее теоретической и конкретно-фактической проработки.

Прежде всего, бросается в глаза отход от фундаменталистского народнического толкования исключительности русской общины как основы исторической самобытности. Н. А. Виташевский в своем очерке о развитии социалистических идей в России, оставшемся неопубликованным, с беспощадной иронией высмеивает эти «древние народнические иллюзии» как «отрыжку славянофильства». Он не останавливается даже перед критикой такого корифея классического народничества как А. И. Герцен. Виташевский укоряет его за излишний налет мессианства, веру, что русская община спасет мир и исцелит «гниющий Запад». «Отсюда мы смело делаем вывод, что Герцен чрезмерно преувеличивал значение общины в том ее виде, как она имеется в настоящее время», – писал он¹⁵.

Исследования общины у якутов подвели Н. А. Виташевского к пониманию ее как общественно-экономического института, возникающего на определенной стадии развития и эволюционирующего под влиянием внешних и внутренних факторов. Изучая нормы обычного права у якутов, он приходит к выводу, что эволюция общинной собственности это постоянный процесс видоизменения ее форм под воздействием роста населения, природно-климатических факторов, уровня хозяйственного развития, социальной активности населения, культурно-исторических традиций. Так в условиях Западной Европы община эволюционировала к частной собственности. Народник считал, что в юридическом смысле общинная собственность не противостоит частной, поскольку является ее эмбриональной формой. Но возможна и другая альтернатива, когда общинная собственность будет развиваться не в частную, а в новую форму при сохранении коллективной основы.

В возможности такой перспективы народников убеждало изучение русской общины в Сибири. Так в трудах Н. Е. Каронина-Петропавловского и С. Л. Чудновского было установлено, что в сибирской общине право частного захвата земли не противоречило коллективной собственности. Народнические авторы приходили к выводу, что переделы, характерные для общины в центральных губерниях страны, вовсе не выражают сущность общины, им предшествовало частно-захватное право, и лишь позднее по мере роста плотности населения и сокращения фонда свободных земель крестьяне стали переходить к передельной общине. В Сибири же благодаря наличию огромного резерва свободных земель и низкой плотности населения господствующим типом долгое время оставалась захватно-заимочная форма общинного землевладения.

Вольно-захватное землевладение, по мнению народнических авторов, содержало в себе альтернативу: или развитие пойдет по пути частной собственности на землю, или к коллективному владению землей. В России оно пошло по второму варианту, «не оставив в настоящее время ни малейшей надежды частному землевладению». Пытаясь объяснить причину этого явления, одни из них указывали на влияние исторических традиций, другие видели их в сохранении крестьянской патриархальной семьи¹⁶.

Корень общинного правосознания русского крестьянства народники усматривали не в каком-то религиозно-мистическом духе якобы

присущим народному мирозерцанию, как это представляли славянофилы, а в особенностях общественного уклада. С одной стороны, это суровые природно-климатические условия, заставлявшие русское крестьянство сохранять архаичные формы общественного бытия, с другой – фактически безграничные возможности экстенсивного освоения новых земель. Это и привело к тому, что в сознании крестьянства укоренилось глубокое убеждение, что общество обязано обеспечить право каждого своего члена на землю. Ведь земля это – жизнь, которая неизменно ассоциировалась в сознании крестьянства с трудом. Эти три компонента – земля, жизнь, труд – образовывали формулу «трудового права», на котором покоилось правосознание русского крестьянства и его идеал социальной справедливости: земля – тем, кто на ней трудится, каждому по труду, кто не работает, тот не ест.

Изучение реалий крестьянской жизни вело народников к изживанию интеллигентских иллюзий о «социалистичности» мужика, пониманию сложной дуалистической природы общины, в которой сочетались черты индивидуально-частного и коллективного хозяйства.

В трудах С. Л. Чудновского, С. П. Швецова, Н. Е. Каронина-Петропавловского, были опровергнуты расхожие в научной литературе и публицистике стереотипы об общине как о примитивной коммунистической форме, несовместимой с ведением интенсивного хозяйства, свободой предпринимательства. Народнические исследователи отмечали, что община не противоречит частной инициативе, а наоборот защищает и даже стимулирует ее. Так Чудновский и Швецов в своих исследованиях указывают, что разверстка наделов и раскладка повинностей производилась из производственно-трудовых возможностей каждого крестьянского хозяйства, строгого индивидуального подхода, учитывавшего как физические возможности работника (возраст, здоровье) так и моральную мотивацию к труду. У лентяев и пьяниц надел отнимался и передавался добросовестному хозяину. Поэтому в общине всегда было неравенство и разделение на крепких хозяев и бедняков и неприятие хозяйственной несправедливости и иждивенчества. Так Швецов утверждал, что хозяйственная самостоятельность сибирского крестьянина развилась настолько сильно, что стала «одной из характерных черт его нравственной физиономии». «Будучи общинным, он в то же время старается возможно полно отстаивать свободу личных действий»¹⁷. Чудновский вторит ему, утверждая, что община не мешает ведению культурного хо-

зайства, предполагающего свободную частную инициативу. Он говорит, что дух предпринимательства отличает сибиряка-общинника от российского крестьянина, где община подошла к своей последней черте. Субъективно ему жаль расставаться с традиционно народническими представлениями о мужике-коллективисте и с сожалением он подмечает у мужика преобладание частного интереса над альтруизмом, но наряду с ностальгией по «шоколадному мужику» он замечает, что «русский крестьянин слишком идеализировался местными исследователями»¹⁸.

Итак, община для народников это не умирающая архаика, обреченная на слом, а институт, имеющий глубокие корни в экономической и социальной жизни страны, потенциал которой еще далеко не исчерпан. «Жизнь многих общин бьет ключом, вызывая наружу энергию, страсти, и это служит лучшим доказательством в прочности ее будущих форм», – утверждал Швецов¹⁹.

Большинство народнических деятелей в начале XX в. выступили против столыпинской ломки общины. Но, защищая общину, они отстаивали уже не общинную собственность как таковую, а, прежде всего, идею равного права каждого на владение землей, как необходимое условие для свободного труда – так называемое трудовое право. Именно трудовое право, являвшееся краеугольным основанием правосознания российского крестьянства, рассматривалось народниками как базовый принцип будущего общественного устройства. Оно представало уже не как общество, основанное на уравнительном распределении благ, а как общество равных возможностей.

Таким образом, очевидна эволюция социального идеала в позднем народничестве от примитивного эгалитаризма к реальному обеспечению экономических и социальных гарантий для свободного развития каждой личности.

В этой эволюции большую роль сыграло научное изучение реальных крестьянской жизни, из которого они усвоили главный урок, что социалистические теории не всегда совпадают с жизнью. Н. А. Виташевский не без горечи признавал, что «вожделения народа и социализм находятся по отношению друг к другу в антагонизме». И перед социалистом-революционером есть два пути: или добиваться осуществления народных желаний и в этом случае отказаться от социалистического идеала, или оставаться верным ему, оставив надежду на проведение его в жизнь²⁰.

Таким образом, социальный идеал народников 1880–1890-х гг. претерпевает сложную эволюцию, развиваясь от отвлеченных «идеалов вселенской правды», социальной и нравственной гармонии, к конкретной программе защиты реальных интересов трудовых слоев населения. Это способствовало трансформации народничества из аморфного интеллигентского движения, носившего по преимуществу характер нравственной оппозиции власти, в организованную политическую силу, опиравшуюся на определенную социально-классовую базу.

Это движение проходило в острой борьбе между сторонниками отживавших доктринерских канонов и теми, кто постоянно сверял свой социальный идеал с народными воззрениями. И. И. Майнов вспоминал, какие бурные дебаты в народнической среде вызывали обсуждения программно-теоретических вопросов, в которых шла борьба с «бесплодным доктринерством по букве писания во имя жизненных интересов страны, с которыми каждый из нас связан как лист со своим деревом»²¹.

Составной частью социалистической доктрины народников являлись их воззрения на революцию. Большинство из них смотрело на социальную революцию как радикальный путь решения общественных вопросов, хотя в философско-социологической концепции народничества (П. Л. Лавров, М. А. Бакунин, Н. К. Михайловский) источником общественного прогресса признавалась не борьба, а расширение солидарности и сотрудничества в общественной жизни. Революция, с этой точки зрения нарушает естественный порядок, она сопряжена с социальными потрясениями, опасными для самого народа. Но с другой стороны, реформы в классовом обществе неизбежно будут сведены к паллиативам, которые еще более углубят противоречия. В этой двойственности коренилось противоречие между реформистской и революционной тенденциями в народничестве, которое проходит через всю его историю, то нарастая, то ослабевая в определенных исторических ситуациях.

В своем стремлении легитимировать революцию народники обращались к просветительской идее народного суверенитета, провозглашавшей право народа на революцию как способ защиты от произвола власти. На ранних этапах движения его участники не актуализировали проблему социальных и моральных издержек революционного насилия в обществе. Она отступала на второй план, по-

скольку сама борьба велась со сверхсильным государством, обрушившим на малочисленных смельчаков, бросивших ему дерзкий вызов, всю мощь репрессивного аппарата. Неравенство сил уже само по себе лишало власть моральных преимуществ, и, наоборот, придавало революционерам в глазах общества ореол героической жертвенности. Это общественное сочувствие укрепляло уверенность в скорой победе над властью. В 1870-е гг. большая часть участников движения, по свидетельству А. И. Бычкова, отправлялась на каторгу и в ссылку с полной уверенностью, что в скором времени они вернуться в освобожденную страну и по дороге в Сибирь бурно обсуждали планы будущих преобразований²².

Однако неудачные попытки землевольцев поднять народ на восстание, также как и политический террор народовольцев, очень сильно охладили революционный энтузиазм участников движения. Главной проблемой, которая бурно дебатировалась в революционных кругах, по признанию О. В. Аптекмана, стали «молчание народа и скудость наших интеллигентных сил»²³. Действительность поставила революционеров перед дилеммой: либо продолжение революционной борьбы в героическом одиночестве и невосполнимые потери революционного сообщества, либо существенная корректировка программно-тактических установок в сторону интересов тех социальных групп, которые могли бы стать союзниками в политической борьбе с самодержавной властью. Л. Г. Дейч вспоминал, что большинство карийцев в 1880-е гг. стали склоняться к убеждению, что «приготовление динамита и бомб в России или за границей несколько не приближает к политическим переменам». Выход виделся в том, чтобы «взяться за будничную работу», подразумевая под этим различные формы легальной деятельности, направленные на преодоление разрыва в обществе между его сознательной частью и основной массой народа²⁴.

В 1880-е гг. в революционном сообществе все решительнее звучали голоса, требовавшие переоценки приоритетов борьбы. Так в записке, изъятой при аресте у бежавшего из сибирской ссылки Н. Паули, предлагалось снять с повестки дня социалистические задачи. Он полагал, что в случае выборов в Учредительное собрание крестьянство, в интересах которого народовольцы выдвигали требования радикального перераспределения земельной собственности, поддержит не революционеров-социалистов, а монархистов-консер-

ваторов. Это, в конечном счете, только лишь ослабит силы, выступающие за демократические преобразования. «Социализм как основное положение революционной партии, все затмевающее собою, устрашает и, наконец, в том виде как он сформулирован в программе, отклоняет симпатии практических и трезвых людей», – писал он²⁵. Паули предлагал ограничиться выдвижением лишь таких общедемократических требований, которые могли бы стать общей основой для создания либерально-демократического блока.

Народовольческий террор привел к изоляции революционеров: они не находили поддержки не среди крестьянства, не в либеральных кругах. Свою отчужденность революционеры переживали очень остро: в морально-психологическом плане как крушение главной нравственной максимы, состоявшей в борьбе за социальную справедливость, составлявшей смысл жизни революционера. В идейно-политическом – как ущербность социалистического идеала.

Это приводило одних к отходу от активной политической деятельности, другие же после переоценки ценностей вообще переходили в стан врагов революционеров (Л. А. Тихомиров). Однако для большинства из них, как и для движения в целом, кризис стал стимулом к выработке новых идейно-политических решений.

Убедившись в ошибочности прежних догм, народники не боялись признать такие формы деятельности, которые с точки зрения революционной ортодоксии казались отступлением от принципов. Так даже И. Н. Мышкин, считавшейся в народнических кругах убежденным и твердым приверженцем революционной тактики, высказывался за отказ от нее, поскольку она ведет к изоляции революционеров от общества. Он призывал «слиться с ним (обществом. – В. Ф.), стать ему близкими и дорогими, хорошо известными членами»²⁶. С этой целью он призывал идти в земства, участвуя в выборах, использовать легальную печать, культурно-просветительские учреждения, даже поступать на государственную службу.

Иначе народнические революционеры стали относиться и к либералам, рассматривая их как потенциальных союзников в борьбе за конституцию. Именно на адреса либеральных общественных деятелей, правозащитников, редакции либеральных изданий революционеры направляли всевозможные протесты, разоблачавшие факты произвола власти по отношению к заключенным и ссыльным революционерам. И. Мейснер, например, предлагал объединить усилия

либералов и революционеров в борьбе за конституционные свободы, заявляя, что «едва ли дело русской свободы зависит от народа, сколько от политической зрелости русской интеллигенции»²⁷.

Однако расстановка политических сил в стране была такова, что она с неизбежностью толкала радикалов от поисков общественного консенсуса к политическому волюнтаризму, не давая укрепиться в сознании радикально-демократической интеллигенции позитивным началам истинной, а не ложно понятой гражданственности. Политика ограничения либеральных свобод, ужесточение репрессий против политической оппозиции (даже умеренной) сужали возможности конструктивного диалога власти и общества. Интеллигенция, следуя известному афоризму, оказалась между двумя полюсами: властью тьмы снизу и тьмой власти сверху. Народ не понимал и не принимал интеллигентский идеал свободы и справедливости, а интеллигентская оппозиция была настолько слаба и разобщена, что не могла сколько-нибудь действительно противостоять власти. Союз революционеров и либералов, который стал намечаться в 1880–1890-е гг. оказался очень не прочным. Я. Стефанович весьма скептически отзывался о перспективах такого союза: «Наше ничтожное трусливое общество! Чего от него ждать? В лучшем случае конспиративных соблезнований, охов и вздохов с пугливой оглядкой по сторонам, а то и верноподданнического адреса»²⁸.

Тупиковость ситуации ощущалась и самими революционерами, порождая противоречивую ситуацию: с одной стороны они вынуждены были признавать порочность методов революционного насилия, но, в то же время, отсутствие условий для легальной политической оппозиции и репрессии власти толкали их в привычную колею. Так при обсуждении в 1884 г. в Исполнительном комитете «Народной воли» политической ситуации М. П. Овчинников заявлял, что все расчеты на революционность народа беспочвенны. Более того, в случае крестьянского восстания оно будет направлено против интеллигенции и носить царистский характер. Но и интеллигенция бессильна в своей борьбе, политический террор ослабляет ее и без того скудные силы, дискредитирует перед обществом. Поэтому он призывал отказаться от террора и перенести центр тяжести в работе партии на широкое политическое просвещение среди различных слоев общества²⁹. Однако при этом он считал, что нельзя отказываться и от революционных акций, поскольку был уверен, что пра-

вительство добровольно никогда не пойдет на политические реформы. Но революционные выступления рассматривались как средство политического давления на власть с целью проведения реформ. Овчинников был не одинок в своих размышлениях. Это дает право констатировать определенные подвижки в сознании народнических революционеров, которые приближали их к пониманию того, что глубокие преобразования должны опираться на легитимность власти, а не на произвол революционного насилия.

Таким образом, анализируя причины поражения движения 70–80-х гг. XIX в. народнические деятели видели их в изоляции революционеров и оторванности их идеалов от реальных общественных нужд. Пережив глубокий идейный и политический кризис, народничество сохранило устойчивость и цельность демократического ядра, проявив в то же время достаточную гибкость и способность к обновлению теоретических и программно-тактических основ. Наиболее ярко это проявилось в защите крестьянской общины. Во взглядах поздних народников на общину просматривается эволюция от идеализации общинного равенства к пониманию сложного дуализма между коллективистским началом и частно-хозяйственными интересами крестьян, обеспечивавшим устойчивость этого института. Народничество сохранило приверженность социалистическому идеалу, но в его понимании очевиден отход от упрощенного социального равенства в духе тотального обобществления к идее равенства возможностей, обеспечивавшем свободу каждой личности. Движение в этом направлении стало результатом внимательного изучения реалий крестьянской жизни и постоянной корректировки народнических воззрений с требованиями практической жизни.

Пережив трагический исход единоборства с властью, большая часть народников вынесла главный урок, состоявший в признании губительности изоляции от общества, поэтому выработка новой тактической линии шла в направлении поиска диалога с ним. Однако эволюция к высвобождению от элементов утопии к более зрелым формам гражданского и политического сознания не могла укрепиться в обстановке господствовавшего в стране политического и правового произвола, постоянно провоцируя крайности интеллигентского волюнтаризма. Революционизм народников был не столько сознательным идеологически обоснованным выбором, сколько жестким императивом исторических обстоятельств. С одной стороны, слабо

структурированное общество, не способное к самостоятельной политической инициативе, с другой – сверхсильное государство, не желавшее считаться с обществом.

¹ *Чешихин-Ветринский В. Е.* Общественное движение в царствование Александра II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. М., 1911. Т. 6; *Тун А.* История революционного движения в России. Женева, 1903; *Соловьев Е. А.* Очерки из истории русской литературы XIX в. СПб., 1907; *Барриве Л.* Общественное движение в царствование Александра Второго. Исторические очерки. М., 1911; *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II. 1855–1881. М., 1909.

² См.: *Козьмин Б. П.* Народничество на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения в России // Исторические записки. Т. 65. М., 1959; *Вандалковская М. Г., Колесниченко Д. А.* Дискуссия о внутренней периодизации разночинского этапа русского революционного движения // История СССР. 1966. № 4; *Полевой Ю. З.* Зарождение марксизма в России. М., 1959; *Левин Ш. М.* «Черный передел» и проблемы политической борьбы // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961; *Итенберг Б. С.* Жизнь Александра Ульянова. М., 1966; *Решин И. Л.* Из истории народнических кружков 1880-х гг. // Революционное и общественное движение в России XIX в. Воронеж, 1968; *Широкова В. В.* Партия «Народного права». Из истории освободительного движения 90-х гг. XIX в. Саратов, 1972; *Харламов В. И.* О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. X; *Альтман И. А.* Советская историография революционного народничества 80 – начала 90-х гг. XIX в. // Общественная мысль в России XIX века. Л., 1986.

³ *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Либерализм в России : Очерки истории (середина XIX – начало XX в.) М., 1995; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995; *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997; *Коновалова О. В. В. М.* Чернов о путях развития России. М., 2009; *Мокшин Г. Н.* Народники-культурники в отечественной историографии конца 1970-х – 2000-х гг. // Народники в истории России : межвузовский сборник. Вып. 1. Воронеж, 2013. С. 69.

⁴ См.: *Хорос В. Г.* Народническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972; *Харламов В. И.* Идеология правого народничества в публицистике Каблицы-Юзова (1880-е годы) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1982. № 1; *Виленская Э. С. Н. К.* Михайловский и его роль в народническом движении в 70-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1979; *Секиринский С. С., Шелохаев В. В.* Либерализм в России : Очерки истории (среди-

на XIX – начало XX в.) М., 1995; *Балуев Б. П.* Указ. соч.; *Зверев В. В.* Указ. соч.; *Мокишин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010.

⁵ *Шишко Л. Э.* Старый марксизм и современная социал-демократия // Русское богатство. 1906. № 5. С. 144.

⁶ Там же. С. 225.

⁷ *Марусин С. П. (Швецов)* Фабрично-заводской труд в России // Русское богатство. 1891. № 10. С. 220.

⁸ Отдел рукописей и документов ИВР РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 164. Л. 37.

⁹ [*Буланов А. П.*] *Соловой П.* Государственная защита приисковых рабочих в Сибири // Юридический вестник. 1887. № 11. С. 90.

¹⁰ *Клеменц Д. А.* Старый вопрос в новой фазе // Восточное обозрение. 1891. № 2.

¹¹ *Швецов С. П.* Промысловые артели Тобольской губернии // Юридический вестник. 1890. № 8. С. 359.

¹² *Попов И. И.* Судьба капитализма в Сибири // Восточное обозрение. 1896. № 132; *Майнов И. И.* Предвзятый пессимизм // Восточное обозрение. 1896. № 139.

¹³ *Попов И. И.* Восточная Сибирь на Всероссийской выставке // Восточное обозрение. 1896. № 105.

¹⁴ *Ахиезер А. С.* Россия : критика исторического опыта. Т. 2. М., 1991. С. 255.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 10. Л. 147.

¹⁶ *Каронин-Петропавловский Н. Е.* Схема истории сибирской общины // Сибирский сборник. 1886. Вып. 2. С. 66.

¹⁷ *Швецов С. П.* Формы пользования общинной землей на Алтае // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 3. СПб., 1894. С. 205.

¹⁸ *Чудновский С. Л.* Алтайская поземельная община // Северный вестник. 1888. № 10. С. 180.

¹⁹ *Швецов С. П.* Формы пользования общинной землей на Алтае. С. 214.

²⁰ Отдел рукописей и документов ИВР РАН. Ф. 11. Оп. 1. Д. 96. Л. 10.

²¹ *Майнов И. И.* На закате народофильства // Былое. 1922. № 18. С. 92.

²² *Бычков А. И.* Два побега // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 169–170.

²³ *Аптекман О. В. В. В.* Берви-Флеровский и кружок долгушенцев // Былое. 1922. № 18. С. 74.

²⁴ РНБ АДП. Ф. 1097. Оп. 1. Д. 769. Л. 1.

²⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 89. Д. 1149. Л. 28 об.

²⁶ *Свитыч-Иллич В. С.* В эпоху диктатуры сердца // Минувшие годы. 1908. № 5–6. С. 442.

²⁷ Из жизни политических каторжан на Сахалине // Пути революции. 1925. № 2. С. 127.

²⁸ *Стефанович Я.* Дневник карийца. Б/м., 1906. С. 37.

²⁹ ГА РФ. Ф. 102-7. 1884. Д. 528. Л. 9.

Касторнов С. Н.

Народники-реформисты о еврейском вопросе в России на рубеже XIX-XX вв.

Народники-реформисты придавали большое значение решению национального вопроса. В конце XIX в. наблюдалось усиление внимания общественности к проблемам роста национального самосознания ряда народов России, развития их языков и культур. Более всего уделялось внимания положению еврейского населения. Это отчасти объяснялось тем, что правительство сквозь пальцы смотрело на «дебаты» печати по еврейскому вопросу, ибо подавляющая часть печатных органов освещала этот вопрос с позиций открытого антисемитизма¹.

Народники-реформисты осуждали политику притеснения нерусских национальностей, что весьма четко прослеживается в их публицистике².

Важнейшим из национальных вопросов России народники-реформисты считали вопрос еврейский. Активно эту проблему они начали изучать с начала 80-х гг. XIX в., когда по стране прокатилась волна антиеврейских погромов. В связи с этим представители реакционного направления стали проводить мысль об идиосинкразии русского народного организма к евреям. В погромах они обвиняли самих евреев. В «Новом времени» публиковались статьи, в которых предлагалось пересмотреть законодательство в том смысле, чтобы «для евреев-космополитов сделать более выгодную эксплуатацию Западной Европы и Америки, нежели России». Выдвигались и предложения ежегодно ассигновать из государственного казначейства несколько миллионов для облегчения эмиграции еврейского пролетариата³.

Народники-реформисты были не согласны с такими высказываниями. С. Н. Кривенко, С. Н. Южаков, И. И. Каблиц подчеркивали, что почвой для периодических еврейских погромов являлись экономические причины. Одна из главных причин погромов, по мнению этих публицистов – это протест русского населения против той части евреев, которая занимается ростовщичеством и другими видами экономической эксплуатации⁴.

Все же по этому вопросу у легальных народников были и серьезные разногласия.

С. Н. Кривенко, безусловно, осуждая погромщиков, пытался объяснить их действия недовольством деятельностью еврейских торговцев. При этом он отмечал, что жертвами погромов в первую очередь являются представители еврейского пролетариата, пребывающие в бедственном положении. Он не был согласен с той точкой зрения, что причиной погромов являлась расовая неприязнь к евреям⁵.

С. Н. Южаков, как и С. Н. Кривенко, в любом народе выделял трудящиеся и эксплуататорские классы, интересы которых не совпадали. Он положительно оценивал возможность раскола в рядах еврейства по классовому признаку. Народнический публицист указывал на то, что в Германии, Франции, Англии, составляя ничтожное меньшинство, евреи, рассчитывая на союзность, могли все «выбиться наверх, войти в буржуазию и не дать никому из своих затеряться среди рабочей массы». Четырём же миллионам российских евреев не хватит места в буржуазии. Большинство останется пролетариями. Это обстоятельство, по словам Южакова, «необходимо создает и постепенно накапливает антагонизм интересов и внутри еврейского народа»⁶.

Южаков не отрицал, что еврейская обособленность и экономическая союзность сыграли свою негативную роль в провоцировании погромов. Признавал он и то, что само по себе явление солидарности достойно и высоко нравственно, «но в условиях места и времени оно является фатальным образом вредно по отношению к большинству и представляется источником раздора и вражды». Анализируя причины этого явления, Южаков отмечал, что оно зависит от двух факторов: необходимости и выгоды. Необходимость создана многолетними гонениями и поддерживается репрессиями, выгода же зависит от той «эволюции в сторону накопления антагонизма интересов, которых характеризует наше время»⁷.

По мнению Южакова, армяне в Азиатской Турции, греки – в европейской, копты – в Египте, парсы – в Индии представляют то же самое. Одни и те же причины создают и одинаковые последствия. Евреи не представляют исключения. Исходя из этого, не правы как юдофобы, когда за это обвиняют только евреев, так и юдофилы, пытающиеся отрицать существование самого факта⁸.

Иной точки зрения придерживался Иосиф Каблиц. Если Кривенко и Южаков главную причину погромов видели в экономических причинах, вызванных развитием капиталистических отношений в России, то Каблиц, в принципе не отрицая этого, считал, что к числу

основных причин неприязни к евреям относится и стремление последних к расовой обособленности. Он указывал на то, что еврейская национальность претерпевает гонения у всех народов. Каблиц видел следующую причину – не религиозная вражда и не национальная антипатия составляет «сущность ненависти к евреям», а «их общественный паразитизм, экономическая эксплуатация»⁹.

Указанные публицисты по-разному предлагали решить еврейский вопрос. Они все выступали против поощрения эмиграции евреев из России или же абсурдной идеи их выселения из страны¹⁰. Однако обосновывали они это по-разному. Так, Кривенко утверждал, что, так как большинство евреев занято полезной и производительной работой и никому решительно не мешают, то «изгонять их, по меньшей мере, ни с чем несообразно и несправедливо». Если они и становятся скупщиками хлеба, ростовщиками и т.п., то вопрос о них уже перестает быть племенным или специально еврейским, а становится вопросом общим, над решением которого и надо потрудиться. Очевидно, автор намекал на то, что необходимо провести социалистические преобразования, которые приведут к уничтожению эксплуатации, а, значит, и выбьют почву из-под еврейских погромов.

Правда, Кривенко в возможность быстрых преобразований не верил, а потому в публицистическом запале утверждал, что он ничего не имел против ограничения места жительства и «даже выселения не только в Европу, но даже хоть в Африку, или на какие-нибудь австралийские острова всех еврейских кулаков и гешефтмахеров, которые ни к какой деятельности, кроме обирания ближнего, неспособны». Но выселение всех евреев вообще, а тем более одного еврейского пролетариата, он, конечно, не одобрял. В борьбе же с еврейской эксплуатацией, как отмечал народник, могут встретиться затруднения. «Одним удалением евреев мы ничего для облегчения народа не сделаем, т.к. места их сейчас же будут заняты русскими конкурентами», – писал он¹¹.

Сходных позиций придерживался С. Н. Южаков. Он также призывал к противопоставлению трудящегося большинства евреев их соплеменникам-эксплуататорам. Только это, по его мнению, могло «привести к решению еврейского вопроса, конечно, при неременном условии совершенной полноправности, полной терпимости и распространения просвещения»¹². По его мнению, правительство должно было обеспечить равенство евреев с остальными подданны-

ми Российской империи. Для этого необходимо было ликвидировать черту оседлости, ликвидировать ограничения на прием евреев в средние и высшие учебные заведения. Он отмечал, что юдофобы, защищая репрессивные мероприятия против евреев, ссылаются на «невежественность, замкнутость и фанатизм еврейской массы». Следовательно, необходимо облегчить доступ евреев к образованию для ликвидации этой невежественности, замкнутости и фанатизма. В связи с этим Южаков выступал против предложений о недопущении евреек в женские гимназии. Он же призывал активнее привлекать евреев с высшим образованием, особенно врачей, к замещению должностей в земских службах. Публицист осуждал принятое в 1894 г. решение Петербургского земства, закрывающего доступ евреям-врачам на земские должности. По его мнению, это противоречило общегосударственному законодательству, уравнивавшему в правах евреев, получающих высшее образование, с остальными русскими гражданами¹³.

И. И. Каблиц также выступал против насильственного выселения из Юго-Западного края евреев, но исходил при этом из других соображений, нежели Кривенко и Южаков. Он считал, что, несмотря на всю свою эксплуатацию, евреи сделались совершенно необходимыми для этого региона, т.к. в их руках находится и торговля и промышленность края. «Ампутировать подобный организм социального тела немислимо без общего расстройства всего организма»¹⁴. Главное направление в решении еврейского вопроса Каблица видел в устройстве евреев в промышленности и сельском хозяйстве. Правда, он выражал сомнение в способностях евреев заниматься сельским хозяйством ввиду их физической слабости. По его мнению, евреям лучше всего заняться ремеслами.

Если Южаков и Кривенко выступали за сохранение специфической еврейской культуры, то Каблиц выступал за полную денационализацию евреев. Он утверждал, что евреи не имеют основных черт всякой нации – территории и собственного языка. Древнееврейский язык используется в основном духовенством, а язык русских евреев – это исковерканный немецкий язык. Поэтому публицист полагал, что совершенно справедливо требование сближения русских евреев с коренным населением, принятия его языка и «внешности» (т.е. одежды). Одежда современных евреев, по его мнению, подобно языку, не составляла национального достояния, а заключала в себе остатки средневекового немецкого костюма¹⁵.

Каблиц, как и публицисты круга Н. К. Михайловского, считал крайностью политику ограничения евреев по всем направлениям. По его мнению, необходимы мероприятия и положительного, общетворческого характера, т.е. распространение просвещения в еврейской массе и т.д. В то же время он был противником отмены на современном ему этапе исторического развития черты оседлости. Он писал: «...мы не можем сочувствовать дозволению селиться повсеместно, пока это дозволение не будет сопровождаться юридическо-экономическими мероприятиями, способствующими русскому народу стать в независимое экономическое положение, при котором немыслима была бы еврейская эксплуатация». Публицист указывал на то, что российское законодательство не запрещало евреям селиться повсеместно. Евреям-ремесленникам, вместе с некоторыми другими категориями евреев, открыт доступ во все места. По его мнению, «права ограничены только тем из них, которые стремились вглубь России, как на непочатую почву для эксплуатации»¹⁶.

Таким образом, Каблиц считал, что если нет возможности идти по истинному пути народного освобождения от еврейской эксплуатации, то «лучше идти хоть по окольной, малоцелесообразной дороге ограничения прав эксплуататоров». Экономическая выгода от этого, по его собственному признанию, будет ничтожная, но зато это «удовлетворит народную совесть, возмущающуюся полной свободой эксплуататоров»¹⁷. Он утверждал, что «голос народа» высказывается против дозволения евреям селиться повсеместно, поэтому законодательство должно идти по этому пути. Каблиц особое внимание обращал на то, что к евреям питают вражду не только коренные жители тех мест, в которых они живут, а и остальное народонаселение России. Организаторами погромов в Малороссии и Бессарабии зачастую были, например, приезжие великороссы¹⁸.

По убеждению Каблиц, никто не вправе отрицать за каким-либо народом право не пускать на свою территорию почему-либо неудобных для него людей. Поэтому он советовал еврейским публицистам и их русским защитникам, если они действительно думают о необходимости уважения принципов свободы, отстаивать необходимость предоставления евреям права селиться только там, где общины коренного народонаселения их примут¹⁹.

Каблиц, исходя из своего тезиса об общественном паразитизме всего еврейства без разбора, придерживался той позиции, что ску-

ченность и неравноправность евреев – тяжелая и горькая школа, но «еврейство обязано пройти ее, чтобы привыкнуть, хотя малопомалу, к производительным занятиям». Расселиться же по всей России, по его мнению, евреи смогут с помощью своих же капиталистов, устраивая ремесленные школы для соплеменников. Еврей-ремесленники могли бы уже селиться в любом месте страны²⁰.

На первый взгляд, высказывания Каблицы относительно черты оседлости и денационализации противоречат его же утверждениям о праве каждого народа на самобытное развитие и на свободное расселение внутри страны. Но, очевидно, народнический публицист не видел в этом никакого противоречия. С одной стороны, он шел на поводу своих рассуждений о приоритете мнений народа. Кроме того, он не считал, что евреи составляют нацию, ибо они не имеют своей территории. Ну и, наконец, Каблиц, видимо, придерживался достаточно в то время распространенных взглядов о том, что евреи в России – иностранцы. Думаем, что точно таким же было его отношение к шведам в Финляндии и немцам в Прибалтике. Не случайно Каблиц предлагал ограничивать любые политические стремления этих национальностей. Однако руководствуясь своей же теорией о приоритете мнений народа, наш народник был вынужден сделать уступку рассуждениям о том, что общины, если захотят, могут и принять в свой состав евреев. Фактически он предлагал снять всю ответственность за эту проблему с государства и переложить ее на плечи местных жителей. Но ведь эти вопросы в любом нормальном государстве должны решаться правительством.

По нашему мнению, И. И. Каблиц впадал в противоречие, когда, с одной стороны, призывал денационализировать евреев, а с другой, выступал за сохранение черты оседлости. Ведь живущие кучно евреи сохраняли в большей степени свои специфические черты, в том числе и несимпатичные Каблицу. Он также утверждал, что переселение евреев в Азиатскую Турцию, в Северную Африку не даст ожидаемых результатов. Евреям придется идти к народам некультурным, где их встретят немалые невзгоды²¹. Но при этом он упускал из виду, что пропаганда высказываемых им идей только подтолкнет евреев к эмиграции.

В. В. Бирюкович, близкий к И. И. Каблицу по многим политическим и экономическим вопросам, отмежевался от ряда спорных суждений, высказываемых последним по вопросу о положении ев-

реев. Так, по убеждению Бирюковича, евреи имели такие же права на политическое равноправие, как и прочие национальности, вошедшие в состав Российской империи²².

Бирюкович соглашался с тем, что евреи в большинстве случаев составляют класс весьма малопродуктивный. Но повинны ли они в этом – это вопрос другой. Публицист отмечал, что еще в 1843 г. евреям разрешили производить в городах винокурение, т.к. «от воспрещения евреям винокурения может уменьшиться взимание акциза за выделку питей». «Можно ли после этого говорить о врожденной склонности к содержанию кабаков?», – вопрошал Бирюкович²³. Указывал он и на то, что при постройке западной железной дороги евреи давали очень большое количество рабочих. Профессии плотников, каменщиков, извозчиков, крючников на белорусских пристанях находились исключительно в руках евреев. Правами же ремесленников могли воспользоваться только различные гешефтмахеры, прикрываемые этим званием. Все стеснения и ограничения касались только беднейшей части еврейства²⁴.

Теперь нам необходимо рассмотреть отношение народников-реформистов к антисемитизму и сионизму как идейным течениям.

Некоторые высказывания Каблицы, Кривенко и Южакова дали основание части еврейской общественности обвинить их в антисемитизме. А в 1896 г. редактор шовинистического журнала «Наблюдатель» А. П. Пятковский зачислил Южакова в свои союзники. В ответ Южаков заявил, что он считает антисемитизм «явлением не только вредным и несправедливым, но и безнравственным и постыдным»²⁵. Впрочем, этот публицист негативно относился и к юдофильству и филосемитизму, которые по существу представлялись ему стоящими в одном ряду с такими общественными явлениями, как юдофобство и антисемитизм. Если в 1870–1880-е гг. юдофильство и юдофобство были, по Южакову, одинаково вредны, то в 1890-е гг. симметрия этих составных элементов еврейского вопроса значительно изменилась. Дело в том, что «антисемитизм и филосемитизм, – замечает публицист, – выросли оба, и качественно, и количественно, сделавшись, поэтому и значительно зловреднее, вредоносность эту по необходимости проявляют не с одинаковой силой». На первом же месте, по мнению Южакова, стоит антисемитизм, и в его ослаблении первая задача всякого рационального решения еврейского вопроса²⁶.

Южаков называл антисемитизм гнойной язвой современного поколения не в одной России. Для антисемитов, по его мнению, «дело не в талмуде, не в каббалистике, не в цадикизме даже, а в самой расе». Народник обращал внимание на то, что, антисемиты были убеждены в том, что для еврейской расы характерно презрение ко всему нееврейскому человечеству, почти как к низшим животным, и стремление поработить это человечество суровому и бессердечному игу высокомерного еврейского меньшинства. Этой теорией, как считал публицист, антисемиты стараются оправдать свою вражду к распространению просвещения между евреями. «Для них просвещенный еврей еще опаснее и вреднее ортодоксального». Но из этого, как полагал Южаков, не следует, что надо поощрять филосемитизм. Он даже вреднее юдофильства, потому, что, будучи движением реформационным, втягивает в себя элементы, по существу склонные к просвещению и прогрессу, в то время как антисемитизм загоняет их туда с другой стороны²⁷.

С. Н. Южаков, а также В. В. Водовозов соглашались с мнением либералов П. Н. Милюкова и В. С. Соловьева, что антисемитизм проник в Россию из Германии и Австро-Венгрии, и что истинный антисемит относится с такой же враждой к крещеному еврею, как и к талмудисту. Но, правда, по признанию Водовозова, импортированный антисемитизм не нашел почвы ни в крестьянстве, ни в рабочем классе. Он находил почву только в отбросах различных общественных классов: и крестьянского, и рабочего, и городского²⁸.

Иной точки зрения придерживался В. Г. Короленко. Он считал, что нельзя искать причины общественных болезней за границей: «Я недостаточно знаю историю этого вопроса, но... разве у нас такого добра и своего-то мало?»²⁹.

Что касается сионизма, то большинство народников-реформистов к этому движению относились отрицательно. По мысли Южакова, в шестидесятых и семидесятых годах XIX в. еврейский вопрос сводился к просвещению евреев и их эмансипации (т.е. даровании им гражданской полноправности)³⁰. Но погромы 1881 г. все в корне изменили. Они стали могучим толчком для возбуждения брожения в еврейской среде, которая разделилась на две части: ортодоксальную массу и просвещенное, приобщившееся к европейской культуре меньшинство. Обида погромов, антисемитское движение отразились на религиозном сознании просвещенного еврейского меньшинства.

До этого совершенно равнодушное к вопросам веры, оно «вдруг» выделило из своей среды течения, «которых обида, переживаемая столь неожиданно, заставила вспомнить о своей религии, которая одна и является родным для еврея, не сумевшего найти родное себе в родине, населенной столькими обидчиками». Многие нашли, несмотря на обиду, в историческом отечестве это родное. Но многие пошли искать свое особое отечество. «Поиски родного, потребность иметь родное и неумение сродниться с историческим отечеством породили и религиозную реакцию в культурном еврействе и еврейский национализм. Эфемерность первого движения и значение второго можно было предвидеть с самого их возникновения», – писал Южаков³¹.

По мнению публициста, «сионизм – движение реакционное, возникшее в ответ на реакционное же движение антисемитское». Мечту о переселении девяти миллионов человек ремесленников и торговцев с многочисленными семействами в страну, едва ли способную прокормить более миллиона, уже занятую другим народом, находящуюся под владычеством «могущественной варварской орды», он находил «странной». Но Южаков признавал, что тысячи умных и образованных людей «не только серьезно обсуждают эту смешную утопию, но собирают средства на ее осуществление... находят все новых и новых адептов, переносят движение в среду самой ортодоксальной массы»³².

Основная фальшь сионистского движения, развивает свою мысль Южаков, заключается в его национализме. Еврейской национальности не существует, а существует только еврейский народ, соединенный не национальностью, а вероисповеданием³³. Поэтому публицист был убежден, что родина еврея, его язык, культура – там, где он находит себе родное – в том европейском обществе, с которым он связан исторически³⁴.

Очевидно, что в редакции «Русского богатства» в данном вопросе не было полного единства. В журнале помещались и материалы, положительно оценивавшие сионистское движение. Так в № 1 за 1898 г. было опубликовано письмо, автор которого скрылся под псевдонимом «Еврей». Оно было откликом на статью Южакова о сионизме. По мнению «Еврея», идея сионизма уже целых 2000 лет таится в глубине народной души как мистический идеал, как фантастическое верование, обставленное чудесами. Сам же сионизм представляет собой вполне прогрессивное явление, как «замена мистического стремления живым культурным идеалом»³⁵.

Автор письма не соглашался с утверждением Южакова о том, что еврейский язык есть мертвый язык. Важнейшим фактором существования еврейской нации он считал тысячелетнюю историю, тысячелетние совместные страдания. По его мнению, только одного элемента действительно не хватает для еврейской национальности – не хватает территории, на которой национальность могла бы «развивать свои материальные и духовные силы, и в этом и вся историческая аномалия существования еврейской национальности». Сионизм как раз и стремится положить конец этой аномалии. Но о переселении 9 миллионов людей в Палестину, конечно, речи быть не может. Задача сионизма – создать материальный и духовный центр, который поднял бы престиж евреев в глазах европейских народов и возвысил бы их в собственных глазах³⁶.

В том же номере журнала был опубликован ответ Южакова на это письмо. Народник допускал, что и в самом деле сионисты ограничивают свою задачу переселением только одного-двух миллионов евреев из девяти. Но он не соглашался, что только народ, имеющий свою территорию, пользуется уважением и признанием со стороны других народов. Уважение и признание, по мнению Южакова, появляются только на почве взаимного понимания и взаимного сочувствия. Сионизм же возрождает чувство еврейской обособленности и тем самым «уменьшает взаимное понимание и взаимное сочувствие между евреями и европейскими народами»³⁷.

В 1903 г. Южаков в связи с новой волной еврейских погромов, прокатившихся по стране, вновь обращается к теме антисемитизма, назвав его позором XX в. По признанию народника, антисемитизм является продуктом возрастания национализма в разных странах. Но проблема в том, что преследование евреев по национальному признаку только усиливало их сплочение на почве все той же национальной исключительности. Это, пишет Южаков, «естественно, и так вырос сионизм, но не все естественное бывает разумно». Постепенно накапливающаяся национальная исключительность в среде евреев неизбежно будет вызывать ответную исключительность³⁸. Получался замкнутый круг, и найти из него выход было совсем непросто.

Волна погромов породила у многих евреев желание выехать из России и создать свой национальный очаг. Происходило и организационное оформление сионистского движения. Эта проблема стала все больше привлекать Департамент полиции МВД. В 1903 г. там

была составлена докладная записка о сионизме и этапах его истории. В записке отмечалось, что сионистское движение начало организационно оформляться после выхода в 1896 г. брошюры Теодора Герцля «Еврейское государство». После этого стали собираться всемирные еврейские конгрессы. Деятельность сионистских организаций развернулась и в местах проживания российских евреев³⁹.

В упомянутой полицейской записке говорилось, что представители высших слоев еврейского населения, хотя и участвуют в сионистском движении, поскольку им это обходится дешево, тем не менее, совершенно чужды ему. Они «по-прежнему надеются ассимилироваться с русским населением и окончательно утратить еврейскую национальность, которая заставляла их в прошлом столько перестрадать»⁴⁰. Авторы записки отмечали, что единственная польза сионизма в России заключается в том, что молодежь, примкнувшая к этому движению, враждебно относится к деятельности Бунда и других революционных организаций. С другой стороны, они высказывали предположение, что подчеркнутая лояльность сионистов к властям служит ширмой для прикрытия нежелательной деятельности, направленной не столько на выезд евреев в Палестину, сколько на сплочение еврейских масс в России и создание организаций, владеющих значительными денежными суммами и проводящих тайные собрания⁴¹. Кстати, такое толкование сионизма окончательно возобладало в МВД после первой русской революции⁴².

Незадолго до революции и народники-реформисты, конечно, по совсем другим соображениям, все больше стали ставить знак равенства между сионизмом и еврейским национализмом. Так, в 1902 г. в № 7 «Русского богатства» была опубликована статья И. Бикермана «О сионизме и по поводу сионизма». По мнению этого автора, сионисты – это в первую очередь националисты. А национализм пропагандирует не развитие нации, а «сохранение национального духа», хотя и подчеркивает, что «на общечеловеческих началах». Бикерман считал, что под этими словами подразумевалось невозможное при данных реальных условиях прогрессивное развитие нации, «при котором “национальный дух”, т.е. элементы прошлого, служили бы одним из ингредиентов этого развития, а подчинение реальной жизни, реального развития жизни принципу самобытности»⁴³.

Публицист указывал на то, что антисемитизм и сионизм имеют между собой кровное родство (одно порождает другое), но гораздо важнее и печальнее этого вида родства существующее между ними

«родство по духу». В основных своих послылках сионизм есть возведенный в принцип антисемитизм⁴⁴.

Главный же вред сионизма, по Бикерману, – это как раз то, что чины из МВД считали его единственной пользой, – затемнение в сознании масс той связи, которая существует между делом евреев и делом прогрессивных элементов европейских народов, в том числе и русского⁴⁵. Бикерман утверждал, что «национальный дух» и «национальная культура», национальное возрождение могут быть результатом жизни народа, но не задачей ее. Он же отмечал, что «крики наших ноющих публицистов о беспримерно-жалком положении еврейского народа так же далеки от истины, как и крики антисемитов о беспримерном, все покоряющем могуществе еврейства»⁴⁶.

Однако еврейские погромы в южных и западных районах России заставили народников смягчить свою позицию по данному вопросу. Например, В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненский указывали на тот факт, что среди евреев выше, чем у других народов, процент лиц, призываемых на действительную военную службу, они в преобладающей массе исправно платят налоги. Поэтому несправедливо будет выселять этих подданных империи или подвергать избиению⁴⁷.

В легальной народнической печати приводились многочисленные факты издевательств и оскорблений, которым подвергались евреи. Короленко, сообщая о Кишиневских погромах в апреле 1903 г., писал о таких леденящих душу злодействах погромщиков, как распиливание живых людей, вбивание гвоздей в голову, убийства детей и т.д.⁴⁸ Он же раскрыл социальную подкладку этих погромов. В очерке «Дом № 13» писатель заметил, что, если бы он был еврейским миллионером из числа тех, кто занимается переселением, то произвел бы один социальный опыт: он переселил бы всех евреев из мест погромов, причем «вернул бы богачу его богатство и сделал бы бедняка зажиточным человеком, под условием немедленного переселения». И тогда вместо пласта еврейского капитала выступил бы «свой отечественный и даже патриотический капитал без примеси и без усложняющих обстоятельств». Тогда представителям реакционной печати не на кого было бы «взвалить мрачные небылицы о ритуальных убийствах, а ростовщики и скупщики щеголяли бы не в еврейской одежде». В конце очерка Короленко вопрошает: «И действительно ли гнет ростовщика легче, если он не носит еврейскую одежду и называет себя христианином?»⁴⁹.

В своем письме В. С. Соловьеву по поводу петиции в защиту прав евреев этот же автор отмечал, что в обществе, насквозь проникнутом принципами взаимной эксплуатации, еврей является наилучше приспособленным и доводит эти принципы до их логических пределов. По его мнению, это происходит потому, что «история вгоняла все могучие силы этого народа в одно это русло». Но если, темную массу, «поддающуюся страсти и слепо направляющую свои удары, можно только жалеть, то для литературы, раздувающей эти страсти, не может быть оправдания»⁵⁰.

В. Г. Короленко, В. А. Мякотин, Н. Ф. Анненский, А. В. Пешехонов подчеркивали, что ответственность за погромы несли в первую очередь власти, не сумевшие их предотвратить. Немалая вина, по их мнению, лежала и на местной интеллигенции. В. А. Мякотин, сообщая о погромах в Кишиневе, во время которых было убито или умерло от побоев 45 человек и несколько сот ранено, писал, что вмешательство частных лиц или единичных полицейских останавливало бесчинства и спасало жизнь и имущество евреев, казалось, уже обреченных стать жертвами разбушевавшейся толпы. Но случаев такого вмешательства было очень мало. Зато наблюдались явления другого рода. Громадное большинство горожан оставались хладнокровными зрителями. Подстрекателями же зачастую были представители так называемых «интеллигентных» слоев⁵¹.

Но «отличались» не только представители интеллигентской, или скорее околотеллигентской публики. Пешехонов указывал на это в статье «Господа ремесленники и их комментаторы», посвященной первому всероссийскому ремесленному съезду, многие участники которого призывали устранить евреев от каких-либо должностей по ремесленному управлению. Большинство лишь в два голоса евреям удалось отстоять право на избрание в местах их оседлости вторых товарищей цеховых старшин. «Если такое отношение было к ремесленникам-евреям, проживающим в черте оседлости, то можно представить, – писал публицист, – как к ним относились за ее пределами»⁵².

В то же время левые народники-реформисты не считали, что ответственность за погромы лежит на всем русском народе. По убеждению В. А. Мякотина, русское общество также мало являлось одним сплошным целым, как и еврейское. Оно состоит из разных слоев, и если есть в нем люди, духовно солидарные с виновниками кишиневских насилий, то есть и другие, которые ведут борьбу «с теми

явлениями жизни, на почве которых становятся возможными подобные события»⁵³.

После начала русско-японской войны реакционная печать во всех поражениях стала обвинять евреев, занимающихся шпионажем в пользу Японии. Против этого решительно выступили В. А. Мякотин и А. В. Пешехонов. По их мнению, евреи, призванные в русскую армию, проливали кровь наравне с представителями других национальностей, тем самым доказывая верность России. В связи с этим они в очередной раз призывали отменить черту оседлости и прочие ограничения для евреев⁵⁴.

Подытоживая, можно отметить, что народники-реформисты придавали большое значение правильному решению еврейского вопроса в Российской империи. Они, безусловно, осуждали действия лиц, принимавших участие в еврейских погромах в начале 80-х гг. XIX в. и в начале XX в. Легальные народники подчеркивали, что почвой для погромов в первую очередь являлись экономические причины, вызванные развитием капиталистических отношений в России. При этом жертвами погромов в первую очередь оказались представители беднейших слоев еврейского населения.

Легальные народники в большинстве своем выступали за уравнение евреев в правах с остальными подданными Российской империи, за ликвидацию черты оседлости, за то, чтобы евреи получили равные возможности в приеме в средние и высшие учебные заведения, в замещении должностей в земских службах.

В то же время существовали и разногласия в оценке путей решения еврейского вопроса. В основном они были связаны с позицией И. И. Каблицы и его единомышленников, которые стремились во всем руководствоваться мнениями народа. Так, Каблиц относил к числу основных причин неприязненного отношения к евреям стремление последних к расовой обособленности, а также их «общественный паразитизм». И если многие народники выступали за сохранение специфической еврейской культуры, то Каблиц высказывался за полную «денационализацию» евреев. Впрочем, таких крайних взглядов на данную проблему придерживались единицы.

И правые, и левые народники-реформисты считали обязательным атрибутом национальности наличие собственной территории и языка, но недооценивали фактор национального самосознания. В связи с этим они приходили к неверным выводам, отрицая сущест-

зование еврейской национальности и признавая только наличие еврейского народа, объединенного приверженностью к иудаизму.

Зато большинство легальных народников негативно относились как к антисемитизму, так и к еврейскому национализму и сионизму, справедливо полагая, что проповедь национальной исключительности какого-либо народа неизбежно будет вызывать негативную реакцию со стороны его соседей.

¹ *Балуев Б. П.* Политическая реакция 80-х гг. XIX века и русская журналистика. М., 1971. С. 299.

² *Касторнов С. Н.* Народники-реформисты о социальных и общественно-политических проблемах России второй половины XIX – начала XX вв. Сравнительный анализ : дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2002. С. 121.

³ См.: [*Кривенко С. Н.*] По поводу внутренних вопросов // Отечественные записки. 1882. № 10. Отд. 2. С. 144.

⁴ Там же; *Каблиц И. И. (Юзов).* Основы народничества. 2-е, доп. изд. СПб., 1893. Т. 2. С. 382, 393; *Южаков С. Н.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1894. № 8. Отд. 2. С. 121–122.

⁵ *Кривенко С. Н.* Указ. соч. С. 144–145.

⁶ *Южаков С. Н.* Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 8. Отд. 2. С. 163, 167

⁷ *Южаков С. Н.* Хроника внутренней жизни. С. 121–122.

⁸ Там же.

⁹ *Каблиц И. И.* Указ. соч. С. 382.

¹⁰ Там же. С. 382, 393; *Южаков С. Н.* Хроника внутренней жизни. С. 121–122.

¹¹ *Кривенко С. Н.* Указ. соч. С. 144–145.

¹² *Южаков С. Н.* Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 8. Отд. 2. С. 163, 167.

¹³ *Южаков С. Н.* Хроника внутренней жизни. С. 121–122.

¹⁴ *Каблиц И. И.* Указ. соч. С. 393.

¹⁵ Там же. С. 376.

¹⁶ Там же. С. 394.

¹⁷ Там же. С. 398.

¹⁸ Там же. С. 398–399.

¹⁹ Там же. С. 408.

²⁰ Там же. С. 400.

²¹ Там же.

²² [*Бирюкович В.*] *В. Б.* Политическое и экономическое положение евреев в России // Русское богатство. 1883. № 12. С. 663, 667.

²³ Там же. С. 688.

²⁴ Там же. С. 669, 670–671, 675, 670.

- ²⁵ Южаков С. Н. Дневник журналиста // Русское богатство. 1896. № 8. Отд. 2. С. 155, 157.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 160–161; Черновая рукопись лекции В. В. Водовозова об антисемитизме и статья «Адольф Штеннер и антисемитизм в Германии» // ГА РФ. Ф. 539 (В. В. Водовозов). Оп. 1. Ед. хр. 1476. Л. 5.
- ²⁹ Короленко В. Г. Собр. соч. : в 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 148.
- ³⁰ Южаков С. Н. Дневник журналиста // Русское богатство. 1897. № 12. Отд. 2. С. 168.
- ³¹ Там же. С. 170, 171.
- ³² Там же. С. 178.
- ³³ Там же. С. 178–179.
- ³⁴ Там же. С. 178.
- ³⁵ Еврей. По поводу статьи г. Южакова о сионизме // Русское богатство. 1898. № 1. Отд. 2. С. 177.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Южаков С. Н. Еще к вопросу о сионизме // Русское богатство. 1898. № 1. Отд. 2. С. 179–180.
- ³⁸ Южаков С. Н. Политика // Русское богатство. 1903. № 11. Отд. 2. С. 134.
- ³⁹ Сионизм. Исторический очерк его развития. Записка, составленная в Департаменте Полиции (1903 г.) // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Ед. хр. 5. Л. 1 (С. 1), 48 (С. 95), 58 (С. 115).
- ⁴⁰ Там же. Л. 14 (С. 27, 28).
- ⁴¹ Там же. Л. 62 (С. 124.).
- ⁴² Записка Департамента полиции о деятельности и причинах возникновения сионистских организаций. Б/г. // ГА РФ. Ф. 102. Оп. 253. Ед. хр. 125. Л. 1–13.
- ⁴³ Бикерман И. О сионизме и по поводу сионизма // Русское богатство. 1902. № 7. Отд. 1. С. 39.
- ⁴⁴ Там же. С. 41.
- ⁴⁵ Там же. С. 41–42.
- ⁴⁶ Там же. С. 59.
- ⁴⁷ Русское богатство. 1903. № 10; 1904. № 2, 3; Короленко В. Г. Указ. соч. С. 148–149.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же. С. 421.
- ⁵⁰ Там же. С. 148–149.
- ⁵¹ Мякотин В. А. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1903. № 5. Отд. 2. С. 182–183, 186.
- ⁵² Пешехонов А. В. На очередные темы. С. 338.
- ⁵³ Мякотин В. А. Указ. соч. С. 182–183, 186.
- ⁵⁴ Русское богатство. 1903. № 10; 1904. № 2, 3.

Неонародничество как органическая часть российского демократического социализма первой четверти XX века*

В современной исторической и политической науке широко используется ранее нечасто встречавшееся в России понятие «демократический социализм». Автором этого термина считается теоретик австрийской межвоенной социал-демократии Отто Бауэр, впервые применивший его в 1919 г.¹, однако явление, обозначенное данной словесной формулой, возникло значительно раньше. Смысл понятия «демократический социализм» указывает не только на идеологическую ориентацию человека, но и на его отношение к жизненно-ценностным установкам, выбору методов деятельности, в том числе и в политической практике. Демократический социалист не приемлет принципа «цель оправдывает средства», не может воспевать, подобно левым марксистам – большевикам – диктатуру; для него особым смыслом наполнены универсальные ценности демократии, ненасильственные методы ее достижения. Демократический социализм имеет много общего с социал-демократической идеологией, но эти явления отнюдь не тождественны. Демократический социализм существенно шире². К нему тяготели не только социал-демократы марксисты, но и представители других социалистических течений, что наглядно иллюстрирует, начиная с 1890-х гг., российская политико-идеологическая жизнь.

Значительную часть отечественного демократического социализма составляли представители неонародничества – народничества обновленного, пересмотренного с учетом российских реалий, сложившихся к началу XX в. В настоящей статье мы постараемся показать, как народнические взгляды, идеалы, программные и тактические установки вписывались в общий демосоциалистический контекст, и в чем последователи народничества опередили по части демократичности своих сподвижников по идеологическому направлению.

Родоначальницей демократического социализма, как и всех мировых политических идеологий, является Европа. На рубеже XIX–

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-01-00157а.

XX веков Э. Бернштейн, которого нередко именуют «ревизионистом номер один»³, в своей работе «Проблемы социализма и задачи социал-демократии» отверг предсказание Маркса о неминуемом конце капитализма и сделал вывод, что для достижения социализма следует пользоваться чисто политическими методами и демократическими инструментами. С этого момента правые лидеры социал-демократии стали противопоставлять свое понимание социализма коммунистическим представлениям и идеалам.

Классический демократический социализм выступал против диктатуры пролетариата (равно как и всякой другой диктатуры!), которая изображалась в виде авторитарного государственного коммунизма, отрицающего свободу личности, нивелирующего ее потребности и способности. Категорически отвергая коммунистическую трактовку социализма как недемократичную, демократические социалисты рассматривают социализм как конечный идеал, а не промежуточную стадию на пути к коммунизму. Они включают в понятие демократии концепции плюрализма и прав демократического меньшинства и в этом также кардинально расходятся с коммунистами.

Российские адепты коммунистической идеологии – большевики – своим опытом политического переворота и последующего государственного управления «методом от противного» доказали невозможность социализма без демократии»⁴, когда пытались крайне авторитарными средствами строить самый прогрессивный, свободный и демократический (в теории) общественный строй – коммунизм. В ходе этого неудачного социального эксперимента выяснилось, что результат преобразований определяется не только целью, но и средствами ее достижения⁵. И опыт именно российских демократических социалистов, в первую очередь эсеров и меньшевиков, в их борьбе с большевиками помог европейским партиям демократического социализма утвердить принципы этого идейного направления и самоопределиться по отношению к коммунистической идеологии и практике⁶. Таким образом, российские демократические социалисты заняли достойное место среди европейских социалистических партий, рассматривавших их не как «бедных родственников», а как опытных и надежных союзников в борьбе с «коммунистической экспансией»⁷.

Резюмируя сказанное о демократическом социализме в целом, в его, так сказать, «мировом» измерении, следует подчеркнуть, что

ключевыми пунктами этой концепции являются политическая, экономическая и социальная демократия – ценности, которые трудно оспорить современному разумному человеку. В социальной части программы демократического социализма центральное место занимает борьба за повышение уровня и качества жизни трудящихся. Эта проблема была особенно актуальна и для основной части представителей российского демократического социализма, который, принимая во внимание специфику исторического развития страны и складывания ее политической культуры, представлял собой отдельную, оригинальную разновидность западного аналога.

Отечественный демократический социализм, в отличие от своего европейского «собрата», главное внимание уделял не общим, универсальным идеологическим аспектам, а российским реалиям и тому, как и насколько демократические и социалистические идеалы применимы к российскому обществу с его особенностями. Представители российского демократического социализма, в частности его народнического сегмента, были важной и неотъемлемой частью политической элиты, которая, в свою очередь, явилась продуктом запоздалой, по сравнению с рядом европейских стран, форсированной модернизации страны⁸. Несмотря на свои недостатки – политическую неопытность, переплетение черт космополитического мышления и пережитков национально-религиозного сознания, нетерпеливость и нетерпимость – эта элита была уже результатом естественно-эволюционного политического развития, а не традиционного, согласно восточной системе стратификации, где принадлежность к «верхушке» определялась рождением в привилегированном сословии, семействе, касте⁹.

Демократические социалисты в России выступали как создатели партийных образований, бывших элементом гражданского общества и немало способствовавших его развитию, создавали свою субкультуру, неотъемлемую от общественно-политической жизни как дореволюционной, так и советской России, а также Русского зарубежья. В последних двух случаях субкультура демократического социализма по отношению к «официальной» политической культуре при власти большевиков представляла собой политическую «контркультуру».

Среди российских политических сил, выразивших идеи демократического социализма, выделяются меньшевики, большая часть эсеров (умеренные), и народные социалисты (энесы). Эсеры и энесы

являются последователями идей народничества; органическая связь народнической идеологии, множество элементов которой было заложено в программатику неонароднических партий, и демократического социализма не вызывает сомнений. Следовательно, народничество с полным основанием можно назвать прямой предтечей демократического социализма в России. Народнические взгляды и идеалы удобно и естественно «ложились» на российские политико-культурные традиции, с тяготением общества к коллективизму, жаждой помощи и участия, ожидаемых от «патрона» – будь то государство, царь, элита или другой «заступник». Для народников «трудо-вой народ», постоянно фигурировавший в их концепциях, не разделялся на классы и элементы, как у марксистов (что, на наш взгляд, с общечеловеческой точки зрения гораздо демократичнее, нежели подход последних), а интересы крестьянства – самого многочисленного и многострадального в России сословия – находили живое понимание и сочувствие. Суть понятия «трудо-вой народ» емко выразил в 1952 г. эсер М. В. Вишняк: «Героем народничества не был какой-нибудь один класс, а триединство трудящихся: крестьяне, рабочие, интеллигенция»¹⁰.

На рубеже XIX–XX вв. в результате пересмотра народничеством своих воззрений в связи с социально-экономическими изменениями в стране произошла его трансформация в неонародничество, что явилось реакцией на наступающий капитализм и одновременно протестом против пережитков феодализма, но в условиях уже более развитого капитализма¹¹. Русские неонародники приняли чрезвычайно активное участие в знаковых для России событиях начала XX века и за годы своей политической карьеры, пока она была возможна в России, «прилагали все усилия к тому, чтобы стать организованным триединством, соединяющим в лагере Труда труд интеллектуальный с физическим, а индустриально-пролетарский с крестьянско-земледельческим»¹².

В русском народничестве, как известно, сосуществовали две линии – революционная и легальная, перешедшие «по наследству» и в более богатую на политические события и общественный активизм неонародническую эпоху. Легальное народничество преимущественно именовалось в советской исторической литературе «либеральным», что должно было отражать презрительное отношение историков-марксистов к легалистам как якобы сторонникам буржу-

азной, непрогрессивной с классовой точки зрения идеологии и примиренцам с точки зрения тактики. В настоящее время также встречается определение «либеральное народничество», но в него уже не вкладывается изначальный отрицательный оттенок, и это понятие может не только восприниматься как терминологический аналог «легального народничества», но и указывать на органическое сходство народничества и либерализма по ряду принципиальных вопросов.

Интересно, что известные российские либералы – например, П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, М. О. Гершензон, П. Б. Струве и др. – стремились показать общие истоки народничества и либерализма¹³. Это делает очевидным искреннее уважение либералов к народникам. В либеральных концепциях преобладало понимание народничества как движения, направленного на прогрессивное развитие России, формирование правового государства¹⁴. Поэтому не вызывает удивления тесное сотрудничество либералов и народников на общественно-политическом поприще начиная с «Союза освобождения». В 1917 г. после Февральской революции работа по демократизации страны также сопровождалась, несмотря на идеологические разночтения, кооперацией усилий либералов и социалистов, не приведшей, увы, к желаемому результату. По некоторым идейным позициям, в особенности по вопросу о личности, необходимости ее всемерного развития, уважения прав и свобод, либералы и народники сходились весьма близко. Принципиальная разница при подходе к проблеме личности заключалась в том, что либерализм ориентирован на индивидуализм личности, народничество же на первое место ставит коллектив личностей¹⁵; либерализм главным условием развития социума считает конкуренцию и столкновение интересов в различных областях жизни, народничество – обеспечение достойных условий существования всех членов общества¹⁶. Один из народнических корифеев Н. К. Михайловский высказывал идею о совмещении эволюции человека и общества, что позволило бы выработать метод одновременного развития человеческой индивидуальности и общественного устройства¹⁷. «Цель социализма, – заявлял главный эсеровский специалист по вопросам права М. В. Вишняк, – целостное и гармоническое развитие личности. Создание условий и гарантий такого развития – все содержание социалистического движения»¹⁸.

В конце XIX в России произошел, образно говоря, «большой взрыв» интеллектуально-полемиического характера, результатом ко-

торого вскоре явилось оформление ведущих политических партий левого сектора. 1890-е гг. ознаменовались ярким состязанием двух популярных идеологий: марксизма, для страны явления на тот момент еще достаточно нового, но чрезвычайно пассионарного, и народничества, имевшего уже солидные традиции и ряд маститых теоретиков. По словам А. В. Шубина, Россия в тот момент превращалась в важную идейную лабораторию, недооцененную западными идеологами социализма вплоть до 1905 года¹⁹. Этот же исследователь справедливо отмечает, что «явление марксизма в России проходило в такой форме, что обмен идеями то и дело перерастал в склоку, да и само наследие Маркса не столько углублялось, сколько примитивизировалось для более удобного потребления рабочими и студенческой молодежью»²⁰. По воспоминаниям Н. В. Вольского (Валентинова), отдавшего предпочтение марксизму, это течение в большей степени привлекало именно молодых людей, так как внушало оптимизм, уверенность, что развивающаяся экономика, крепнущий капитализм, разлагая и стирая основу старого общества, создает новые общественные силы, которые непременно «повалят самодержавный строй со всеми его гадостями»²¹. Видный же неонародник, основатель и лидер народно-социалистической партии А. В. Пешехонов, рассказывал, что эти «препирательства с марксистами» в значительной мере определили его мирозерцание, в результате чего он стал сознательным и убежденным народником²².

Отметим, что люди, выбравшие народничество в качестве «своего» направления, были в среднем на несколько лет старше, чем неофиты марксизма. Большинство из них не умозрительно – со студенческой скамьи, а на практике, в ходе своей профессиональной деятельности служащих земств, столкнулось с проблемами того самого народа, чьи интересы они взялись выразить и защищать. Боевитости и задора, столь привлекавших юных поклонников марксизма, им было явно недостаточно, их анализ российской социальной действительности был более обдуманым и реалистичным.

Известный эсер М. В. Вишняк, ушедший из жизни одним из последних среди деятелей российского демократического социализма, как говорится, «первого призыва», на склоне лет вспоминал, что еще в молодости, в период выбора идейного пути, «понимание социализма как идеологии и морали, присущей определенному классу, не говоря уже о доктрине философского и исторического материализ-

ма»²³ было ему абсолютно чуждо. По признанию Вишняка, это включало для него вступление в организацию РСДРП. Впрочем, предложив свои услуги партии, он «попросил освободить себя от связанности» по пунктам террора и «”братоубийственной” борьбы эсдеков с эс-эрами и обратно»²⁴.

А. В. Пешехонов признавал, что идейная борьба с марксизмом сослужила народничеству добрую службу, оформила и консолидировала как течение, ибо заставила его, «разрыхлившееся за годы безвременья, пересмотреть свой идейный багаж, пополнить и обновить его»²⁵. Он полагал, что, хотя старых народников справедливо упрекали за идеализацию народа, эта идеализация сыграла и положительную роль, «повернув» к народу интеллигенцию.

К слову, старое легальное народничество вполне может рассматриваться как прообраз демократического социализма, ибо оно располагало набором этических средств, которые любому демократу стоило бы взять на вооружение. Так, наглядным примером «ценностно-рациональных действий» (по определению М. Вебера) и установки на приоритет «движения» перед «целью» (по формуле Э. Бернштейна), на чем особенно настаивали родоначальники европейского демократического социализма, вполне может послужить практиковавшееся в рамках легального народничества культурничество и, в частности, так называемая теория «малых дел» Я. В. Абрамова, обнародованная еще в 1880-х гг. Деятельность проводников этой теории в жизнь планировалась как «выплата долга» народу в мирных формах и должна была интеллектуализировать село, реализовать просветительский проект вместо революционного. То, что революционеры надеялись осуществить после революции – обеспечить культурное освобождение крестьянства – легальные народники готовились сделать в рамках наличествовавшего строя²⁶. (Заметим, примерно то же самое, только в отношении рабочих пытались сделать демократические последователи марксизма – экономисты, безжалостно и несправедливо раскритикованные Лениным за «политический кретинизм, теоретическую отсталость и организационный хвостизм»²⁷).

У этой исторической полемики было как минимум два краеугольных камня: определение социалистических классов и оценка степени развития капитализма в России, являющейся показателем возможности (или невозможности) скорого перехода к социализму.

Марксизм упорно отстаивал тезис о пролетариате как единственном социалистическом классе, создающем своим трудом материальные ценности; народничество определяло круг потенциальной опоры социализма значительно шире.

Как позднее писал Н. К. Михайловский о первых русских марксистах, «они преклонялись перед единоспасающим идолом “экономического фактора”, они издевались над правом нравственного суда над явлениями общественной жизни, они выбрасывали за борт истории многомиллионную массу крестьянства ради его “деревенского идиотизма”, они третировали интеллигенцию как ничтожную или состоящую на содержании “величину”...»²⁸. В своих ранних статьях в «Русском богатстве» А. В. Пешехонов также доказывал несостоятельность категоричного зачисления крестьянства в разряд мелкой буржуазии, собственников, неспособных проникнуться передовыми идеями о равенстве и социальной справедливости. Тогдашний неофит народничества рассматривал крестьянство как трудовой и вполне социалистический класс, составляющий основную часть «трудового народа» и с этой точки зрения ничем в принципе не отличающийся от пролетариата.

По мнению теоретиков неонародничества, идея о классово самостоятельной позиции пролетариата в социальной борьбе была «беспочвенной», так как грозила изоляцией пролетариата от других общественных слоев, прежде всего от крестьянства.

По второму вопросу, о развитии капитализма в России, обе стороны могут быть признаны, каждая по своему, правыми: марксисты – в том, что капитализм должен послужить основой модернизации страны; народники – в том, что, поскольку Россия была преимущественно крестьянской страной, развитие капитализма в ней должно пойти по особому пути.

Народники настаивали, что экономика России может развиваться без разрушения традиционного сельского мира, сохраняя такие предпосылки социализма, как соединение работника и средств производства, общинное самоуправление²⁹. По их убеждению, разорение крестьянства приведет к сужению рынка и затормозит развитие хозяйства. В социализме они видели не сверхиндустриальную систему, а общество, организованное на основе самоуправления. Лидер эсеров В. М. Чернов заявлял, что на пути к социализму потребуются преодолеть множество препятствий, среди которых наиболее важ-

ными будут интеллектуальные, моральные и психологические: новый строй будет нуждаться в новом человеке, а его не может быть без воспитания и перевоспитания личности³⁰. Для народников снимался обязательный для всякого марксиста вопрос о соотношении задач и этапов буржуазной и социалистической революций.

Последующий российский революционный опыт показал, что уровень развития страны был явно недостаточным для построения социализма как общества без элитарного класса и эксплуатации. Это делает и сейчас актуальными размышления народников о таком социализме, который будет вытекать не из промышленного роста, а из приоритетов социальной справедливости, интересов личности, бережного отношения к природной среде.

Необходимо сказать несколько общих слов о партиях, созданных в начале XX в. последователями идей народничества.

Партия социалистов-революционеров, которую В. Шаламов в 1964 г. назвал «партией трагической судьбы»³¹, стала самой массовой из всех дореволюционных партий, а ее теоретики внесли большую лепту в развитие идей российского, а позже, в эмиграции, и международного демократического социализма. Приверженность многих сторонников этой партии террору может заставить усомниться в ее демократичности, однако террор – не главное, что в ней было, да и тот после 1911 г. фактически совсем угас: эсеры укрепились в убеждении, что социалистическая партия не должна заниматься терроризмом³². Но даже если поставить под сомнение «демосоциализм» эсеров, то это касается только их тактики, но никак не идей.

По убеждению К. Н. Морозова, эсеры (точнее, солидная их часть – центристы, или «ортодоксальные» во главе с В. М. Черновым, правые эсеры – Н. Д. Авксентьев, М. В. Вишняк, И. И. Фондаминский, А. Ф. Керенский, А. А. Аргунов и др., правоцентристы – А. Р. Гоц, В. М. Зензинов и их единомышленники) во многом обогнали современных им русских и даже отчасти западноевропейских марксистов и оказались ближе к ценностям и принципам демократического социализма³³. Основные положения эсеровской концепции, бесспорно, доказывают демократический характер воззрений представителей этой партии на общественные перспективы и формы движения к ним.

Социальная доктрина эсеров, представлявшая собой некий синтез «русского социализма» и марксизма бернштейнианской интерпретации, была обнародована на рубеже XIX–XX вв. В. М. Черновым³⁴, ко-

торого как теоретика многие видные социалисты и либералы считали «головой выше всех»³⁵ (хотя интеллектуальный потенциал этой партии был весьма высок и из ее среды вышло немало блестящих публицистов и интерпретаторов демократических идей). По выражению Чернова, «конечные требования революционного социализма международны» и включают в себя «обобществление труда, собственности и хозяйства, уничтожение вместе с частной собственностью самого деления общества на классы, уничтожение классового, принудительного, репрессивного характера общественных учреждений, при сохранении и развитии их нормальных культурных функций, т.е. планомерной организации труда на всеобщую пользу»³⁶.

Модель переустройства России, предложенная теоретиками ПСР, нашла отклик в разных слоях общества, что позволило партии стать самой популярной в стране и более чем убедительно победить на выборах в Учредительное собрание.

Среди важнейших постулатов эсеров, в которых содержится прямое доказательство их принадлежности к демократическому социализму, также можно отметить признание и последовательное отстаивание самоценности человеческой личности, унаследованное от идейных учителей – П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского (то же самое мы встретим у эсеровских политических «соседей справа» – народных социалистов). «Социализм без общественной и личной свободы, – писал В. М. Чернов, – не социализм вовсе, а только авторитарная казарма или каторга»³⁷. Свобода и демократия назывались «душой социализма»; права личности, политические свободы и политическая демократия явились краеугольным камнем идеологической конструкции эсеров; народ признавался определяющим фактором истории, а этика – важнейшей составляющей социализма³⁸.

К сожалению, огромный потенциал эсеровской партии в целом и ее деятелей в частности, оказался реализован лишь в малой степени – причины тому были как объективные, так и субъективные. По мнению современников и позднейших исследователей, эсеры упустили возможность стать центром объединения «родственных» политических сил – демократических социалистов и, в определенный момент, подключить к ним даже кадетов; упустили шанс стать властью, недооценив при этом, в отличие от большевиков, роль партии как инструмента борьбы за власть³⁹.

Народные социалисты, организационно оформившиеся в 1906 г., не были партией массовой и не стремились к, так сказать, идеологическому «прозелитизму». Однако интеллект их лидеров и подлинно демократическое обаяние программы позволяет расценивать энесов как достойнейшую политическую силу, обогнавшую по части умеренности и здравого смысла и своих более левых союзников (или, в зависимости от ситуации, конкурентов), и свое время. С точки зрения универсального (без учета российской специфики) демократического социализма, тактические подходы энесов, пожалуй, более всего подпадают под определение «демократические» как наиболее эволюционные, а, следовательно, гуманные, человеческие.

Как известно, объединение энесов с эсерами на заре деятельности обеих партий оказалось невозможным, так как будущие народные социалисты, участвовавшие в учредительном съезде ПСР в декабре 1905 г., были принципиальными противниками радикализма и тем более тактики террора. В текущей политике они выдвигали своей задачей защиту интересов трудящихся масс и вместе с тем – подчинение классовых и групповых интересов общенародным⁴⁰.

Отказавшись от слова «революционеры» в названии партии, энесы в своих рекламных-пропагандистских материалах называли себя «партией полного народовластия, постепенной подготовки социалистического строя», т.е. позиционировали себя как эволюционисты (так и было на деле)⁴¹. При этом они негативно относились к обвинениям в «бернштейнианстве», нередко звучавшим в их адрес⁴². В своей концепции движения к социализму народные социалисты не противопоставляли эволюцию и революцию, а видели в них своеобразное диалектическое единство (подчеркнем – в теории, не на практике!). В их понимании революция была частным понятием эволюции, в которое она входила как «ускоренный, форсированный темп ее, как сконцентрированный, сгущенный период такой эволюции»⁴³. Однако сами энесы революции предпочитали эволюцию, справедливо полагая, что для развития общества, его социализации необходимы время и постепенность.

Переход общества к социализму народные социалисты мыслили только в государственно-правовой форме, а идея государственности была ключевой идеей их доктрины⁴⁴. Поэтому отстаиваемая ими программа преобразований исключала нелегальщину. Им нужна была широкая общественная арена, открытость партии не только про-

возглашалась, но и реализовывалась даже в самых неблагоприятных политических условиях. Никто из народных социалистов до 1917 г. не подался в эмиграцию. Открытость партии лишала смысла провокаторство, процветавшее в межреволюционный период в нелегальной партийной среде⁴⁵.

Еще одной привлекательной чертой этой партии был подлинный внутрипартийный демократизм, где не ощущалось, в отличие от большинства других партий, деления на «верхи» и «низы». «Средний» народный социалист может быть условно представлен в виде человека 40–50 лет, с высшим образованием и твердо определенным социальным статусом, что предохраняла от увлечения утопизмом и экстремизмом⁴⁶. Можно сказать, что в некотором смысле энесы были своеобразной интеллигентной «прокладкой» между левыми кадетами и правыми эсерами – 56% их имели высшее образование⁴⁷. Появление этой партии создало своеобразное гравитационное поле для той части народнически настроенной интеллигенции, которая колебалась между кадетами и эсерами. Так, известный историк С. П. Мельгунов вышел из кадетской партии и перешел к народным социалистам. В провинциальных городах к ним также потянулись элементы, ранее тяготевшие к либералам⁴⁸. Историк и социолог Н. И. Кареев признавался: «Если бы эта партия образовалась раньше кадетской... очень может быть, я примкнул бы к ней»⁴⁹. Слева к энесам шли те, кто, подобно экс-революционеру Н. А. Чарушину, отвергал эсеровское пристрастие к террору. Народные социалисты были истинными, без всяких оговорок, представителями российского демократического социализма.

Февральскую революцию 1917 г. российские демократы-неонародники дружно приветствовали, не подозревая о ее последствиях.

Прежде всего, революционные события и процессы окончательно развеяли идеалистические представления о народе, которые по инерции пробивались иногда сквозь рационализм, приобретенный неонародниками за 20 лет активной общественно-политической борьбы. Народ перестал казаться благонравным страдальцем, перед которым интеллигенция была в неоплатном долгу.

С интеллигенцией у неонародников тоже был связан ряд разочарований: по мнению их аналитиков, она была очень виновата перед Россией, поскольку не проявила ни должного единства, ни самоуважения, поступившись своими правами на «водительство» русской

жизнью, в результате чего в критический момент революционную гегемонию умственных сил перехватила сила физическая⁵⁰.

Корни этого трагического для интеллигенции поворота многие демократы видели в исторической традиции страны, где у широких масс населения бытовало представление, будто умственный труд ничего не создает, «а, стало быть, те, кто не стоит у рабочего станка – социальные пауки, которым пришла пора сказать: довольно вы нашей кровушки попили»⁵¹. Народные массы, отбросив сомнения, приписали заслугу свержения царской власти себе – забыв о том, что добиться свободы их давно призывала интеллигенция, в то время как они сами этого не хотели⁵².

Большевики пришли к власти на пике «незаслуженного самоуважения и самовлюбленности» народной массы⁵³, больно наказав интеллигенцию за ее разрозненность, «умственное высокомерие», нежелание по-настоящему принимать во внимание классовые интересы. Последнее касается, впрочем, в основном неонароднической интеллигенции, не разделявшей «трудовой народ» по классовому признаку, в отличие от меньшевиков – партии, ориентированной на пролетариат, и, конечно, от большевиков, оправдывавших «классовой моралью» любой свой шаг, даже преступный.

Основной признак классовой психологии, как объясняли народнические аналитики, состоит в сознании твердого единства группы (в данном случае своего социального класса) и «по-волчьи твердом отстаивании этих групповых интересов»⁵⁴. Народ в эпоху социальных катаклизмов легко подхватывает эту нехитрую психологию, особенно если ее основы упорно втолковываются ему в простых и понятных формулах. Энесы, чьим партийным девизом было «Все для народа, все через народ», осознавали некоторую расплывчатость этого лозунга, особенно во второй его части. Публицист А. Редько писал: «Многое совершается не через народ, стоит только вспомнить науку, искусство, литературу. Несчастье мира, что эти высшие проявления человеческого духа живут и развиваются не «через народ», а только «для народа»⁵⁵. Это касается и правотворчества, инициируемого главным образом интеллигенцией.

Анализируя опыт русской революции, ее успехи и упущения, в том числе и свое участие в ней, бывший министр-председатель Временного правительства эсер А. Ф. Керенский подытоживал: «История большевистской реакции еще раз доказывает невозможность

никакого социального и политического прогресса без права личности на полную свободу и открытое выражение мыслей и убеждений... Русский народ никогда не добьется ни общественного благосостояния, ни благ образования, ни внутреннего порядка, ни международной безопасности, пока большевики держат Россию в тисках партийной диктатуры. Ибо любой общественный строй, способный гарантировать людям труд и свободу, невозможен в стране, где народ лишен основных человеческих прав и гражданских свобод, всякой экономической инициативы и юридической защиты, основанных и осуществляемых на принципе равенства. Там, где “партийные интересы” не уступают дороги интересам общественным и национальным, нечего ждать ни цивилизации, ни реального прогресса»⁵⁶.

Последняя фраза относится не только к большевикам. Она может послужить отчасти упреком и демократам, в том числе неонародникам, не сумевшим в критический момент поступиться частными, в масштабах совершавшихся перемен, партийными интересами и противоречиями, ради всего общества. Так, сочувствовавший народным социалистам писатель В. Г. Короленко в своих дневниковых записях жестко критиковал В. М. Чернова – лидера эсеров, одного из самых харизматичных представителей неонародничества. Короленко с горечью отмечал, что Чернов «человек способный, но весь ушел без остатка в кружковую психологию», «за границей доходил до нелепостей антиоборончества, в России... вошел в оборонческое министерство, наделал немало глупостей, вел некрасивую борьбу против Керенского, а теперь с легким сердцем декларирует возврат к террору, т.е. к убийствам из-за угла...»⁵⁷ (речь шла о заявлении Чернова о возобновлении методов террора против тех, кто посягнет на Учредительное собрание⁵⁸, так и оставшемся, впрочем, декларативным. – *О. П.*).

Кстати, о политической несговорчивости Чернова свидетельствуют и другие источники. Жена А. В. Пешехонова вспоминала, что во время совместной работы во Временном правительстве Пешехонова – министра продовольствия и Чернова – министра земледелия ей не раз приходилось слышать, «сколько неприятных диссонансов вносит “селянский министр” (Чернов. – *О. П.*) в трудную работу социалистов»⁵⁹. Даже соратник по партии эсеров М. В. Вишняк говорит о своем резком идейном расхождении с Черновым по поводу отношения к войне – Чернов был интернационалистом-циммер-

вальдцем, Вишняк – оборонцем. Охлаждение отношений, возникшее вследствие этого несогласия, растянулось на много лет: сближение совершилось лишь в годы второй мировой войны⁶⁰.

Все эти свидетельства можно воспринять как частности, которым в мемуарной и научной литературе найдется немало опровержений от сторонников позиции и поклонников личности Чернова, убеждающих в его толерантности и подлинном демократизме. Подобные разноречивые оценки, данные современниками и позднейшими исследователями, в большом количестве можно найти и относительно любого более или менее известного деятеля, не говоря уже об идейных лидерах эпохи. Тем не менее, эти нюансы наглядно характеризуют общую пестроту настроений и, как следствие, рассогласованность действий социалистов-демократов.

А. В. Пешехонов, бывший министром Временного правительства, заявлял, что в срыве коалиции более всего повинна сама «революционная демократия»: в ее рядах происходило постоянное колебание между двумя программами – спасения государства, общенациональных интересов и удовлетворения групповых, классовых притязаний⁶¹. Похожие выводы были сделаны и другими социалистами, непосредственно участвовавшими в главных политических событиях переломной эпохи. Правда, эта работа над политическими ошибками заняла не один десяток лет.

В 1920-е гг. российские эсеры и меньшевики объявили себя партиями демократического социализма, являющимися частью европейского и мирового демократического социализма⁶². Выжившие в эмиграции последние видные эсеры и меньшевики (14 человек)⁶³ в марте 1952 г. подписали совместное обращение «На пути к единой социалистической партии» – документ, свидетельствовавший об их стремлении к «единой партии демократического социализма в России»⁶⁴. Социалисты-долгожители констатировали, что «не человек для социализма, а социализм для человека»⁶⁵ и дружно выразили уверенность в бессмысленности споров о взаимоотношении между социализмом и демократией, так как социализм без свободы – худший вид рабства и варварства⁶⁶.

Новая партия, которой, по замыслу умудренных жизненным опытом русских социалистов-эмигрантов, предстояло действовать в постбольшевистской России, виделась им не просто единой социалистической, но «широкой, терпимой, гуманитарной и свобододолю-

бивой». Ей надлежало «резко отталкиваться и от “монистической” партфилософии..., и от железной дисциплины “монолита”»⁶⁷. Долгие годы жизни в западной политической действительности не прошли для русских социалистов даром – налицо сближение со многими идейными принципами либерализма, ведь, как известно, на Западе социализм и либерализм давно сосуществуют и плодотворно взаимодействуют на общественно-политической ниве.

Сегодня демократический социализм как идейно-политический феномен чрезвычайно интересует отечественных историков и политологов: его ценностные приоритеты и методы достижения программных целей, как показал европейский опыт, оптимальны для определения путей развития и совершенствования гражданского общества, правового государства, формирования демократической политической культуры. Российский вариант демократического социализма, созданный в первой четверти XX в. при активном творческом участии идейных последователей неонародничества, учитывая наличие в нем национального колорита, в то же время органично вписывается в международный демосоциалистический контекст. Это, в частности, доказала общественно-политическая деятельность русской социалистической эмиграции, прошедшей политическую инкультурацию в западную среду.

Отечественный опыт демократического социализма, в том числе в его неонародническом «исполнении», также представляется полезным в деле воспитания гражданского самосознания и правосознания, привития моральных принципов политикам, а, главное, может послужить примером любви к народу и искреннего желания быть полезными ему. Этот социализм наполнен этическим смыслом, базируется не на отвлеченных идеалах, а на учете насущных нужд обычного человека, на четких нравственных критериях общественного прогресса.

¹ Кукушкина И. А. Красная Вена : теория и практика австрийского демократического социализма // Судьбы демократического социализма в России : сборник материалов конференции. М., 2014. С. 194.

² Кудюкин П. М. Демократический социализм, реформа и революция // Там же. С. 15.

³ Айхлер В. Этический реализм и социальная демократия : избр. труды. М., 1996. С. 5.

⁴ Кудюкин П. М. Указ. соч. С. 14.

- ⁵ *Шубин А. В.* Социализм. «Золотой век» теории. М., 2007. С. 477.
- ⁶ *Морозов К. Н.* «Партия трагической судьбы» : вклад партии социалистов-революционеров в концепцию демократического социализма и ее место в истории России // Судьбы демократического социализма в России. С. 41.
- ⁷ Там же. С. 42.
- ⁸ *Дьячков В. Л., Протасов Л. Г., Пудовкин С. В.* и др. Политические деятели российской провинции от эпохи Николая II до Сталина. Тамбов, 2013. С. 19.
- ⁹ Там же. С. 20.
- ¹⁰ Цит. по: *Морозов К. Н.* Указ. соч. С. 49.
- ¹¹ [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.ib.sale/uchebnik-politicheskaya-ekonomiya/obschaya-harakteristika-neonrod-nichestva-509-08.-html> (дата обращения: 18.12.2015).
- ¹² Цит. по: *Морозов К. Н.* Указ. соч. С. 49.
- ¹³ *Зверев В. В.* Русское народничество : учебное пособие. М., 2009. С. 6.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. С. 31.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 235.
- ¹⁸ *Марков В. (Вишняк М.)* Личность в праве. СПб., 1907.
- ¹⁹ *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 496.
- ²⁰ Там же. С. 498.
- ²¹ *Валентинов Н.* Недорисованный портрет. М., 1993. С. 40.
- ²² *Пешехонов А. В.* На очередные темы // Русское богатство. 1912. № 12. С. 289.
- ²³ *Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 99.
- ²⁴ Там же. С. 100.
- ²⁵ Цит. по: Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 150.
- ²⁶ См.: *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 478.
- ²⁷ Цит. по: *Валентинов Н.* Указ. соч. С. 121.
- ²⁸ Цит. по: *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 498.
- ²⁹ Там же. С. 500.
- ³⁰ См.: *Кадиков Э. Р.* Аграрный вопрос в России в начале XX в. : взгляд социалистов-революционеров // Судьбы демократического социализма в России. С. 127.
- ³¹ См.: *Морозов К. Н.* Указ. соч. С. 37.
- ³² Там же. С. 39.
- ³³ Там же. С. 41.
- ³⁴ *Леонов М. И.* Социальная доктрина эсеров // Судьбы демократического социализма в России. С. 58.
- ³⁵ Там же. С. 56.

- ³⁶ Цит. по: Там же. С. 60–61.
- ³⁷ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 66. Л. 59.
- ³⁸ Морозов К. Н. Указ. соч. С. 44–46.
- ³⁹ Там же. С. 53.
- ⁴⁰ ГА РФ. Ф. 1810. Оп. 1. Д. 10. Л. 264.
- ⁴¹ Протасов Л. Г., Протасова О. Л. Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 77.
- ⁴² См.: Сыпченко А. В. Социальная концепция народных социалистов в контексте идей западноевропейского демократического социализма // Судьбы демократического социализма в России. С. 76.
- ⁴³ Цит. по: Там же.
- ⁴⁴ Там же. С. 77.
- ⁴⁵ Протасов Л. Г., Протасова О. Л. Указ. соч. С. 78.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Протасов Л. Г. «Лица необщим выраженьем» (социопортрет провинциального социалиста) // Судьбы демократического социализма в России. С. 234.
- ⁴⁸ Протасов Л. Г., Протасова О. Л. Указ. соч. С. 78.
- ⁴⁹ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 235.
- ⁵⁰ Петрищев А. Б. Внутренняя летопись // Русское богатство. 1917. № 4–5. С. 242.
- ⁵¹ Редько А. Трагедия русской интеллигенции // Русское богатство. 1918. № 1–3. С. 263.
- ⁵² Там же. С. 262.
- ⁵³ Там же. С. 277.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Керенский А. Ф. Русская революция 1917. М., 2005. С. 370.
- ⁵⁷ НИОР РГБ. Ф. 135. Разд. 1. Картон 46. Ед. хр. 7. Л. 42.
- ⁵⁸ Власть народа. 1917. 29 ноября.
- ⁵⁹ НИОР РГБ. Ф. 225. Оп. 1. Д. 65. Л. 42.
- ⁶⁰ Вишняк М. В. Указ. соч. С. 255.
- ⁶¹ Протасова О. Л. А. В. Пешехонов : человек и эпоха. М., 2004. С. 128.
- ⁶² Судьбы демократического социализма в России : сборник материалов конференции. С. 5.
- ⁶³ Морозов К. Н. Указ. соч. С. 45.
- ⁶⁴ Судьбы демократического социализма в России. С. 5.
- ⁶⁵ Ненароков А. П. Правый меньшевизм. М., 2011. С. 11.
- ⁶⁶ Морозов К. Н. Указ. соч. С. 45.
- ⁶⁷ Ненароков А. П. Указ. соч. С. 11.

Раздел III

ТЕОРЕТИКИ И ПРАКТИКИ НАРОДНИЧЕСТВА

Зверев В. В.

В. П. Воронцов: перспективы и прогнозы развития России в 80-90-е гг. XIX в.

Научная биография Василия Павловича Воронцова (1847–1918), одного из крупнейших экономистов народнического направления, до настоящего времени не написана. Несмотря на появление в последние десятилетия работ, в которых были рассмотрены различные аспекты его общественно-политических и социально-экономических взглядов¹, целостную картину его мировоззрения еще предстоит восстановить. Необходимость подобной реконструкции диктуется не только исключительно научными целями, но и актуальностью обращения к историческому опыту в условиях глобального экономического кризиса. Несмотря на то, что попытки определения перспектив и разработки прогнозов развития русского капитализма были даны более ста лет назад, они представляют интерес в плане существования альтернативных вариантов эволюции отечественной экономики.

Как и большинство народнических экономистов, Воронцов придерживался твердого убеждения, что капитализм – незаконное дитя истории. Однако, отрицая возможность господства капиталистического способа производства в России, он не брал на себя ответственность предрешать «...относительно его будущего как формы и степени эксплуатации народных масс»².

По его мнению, Россия принадлежала к числу стран, в последнюю очередь вступивших на путь капиталистической эволюции. В связи с этим она оказалась в роли европейской Золушки, обязанной донашивать за своими старшими и более счастливыми сестрами платья уже вышедших из моды фасонов. Вместе с тем обращение к достижениям и просчетам других народов предоставляло возможность взвесить и сопоставить результаты, достигнутые ими, с перспективами, ждущими российскую экономику.

Воронцов предполагал, что для стран «второго эшелона капитализма» возможны три варианта дальнейшего развития: «1) или страны, позднее вступившие на путь промышленного развития, должны вечно оставаться на низкой, например, ремесленной ступени его, 2) или процесс обобществления труда может совершиться у них иным, не капиталистическим путем, 3) или, наконец, оно совершится лишь после того, как в странах, ушедших вперед, капиталистическое производство закончит весь цикл своего развития и превратится в народное...»³.

Рассмотрим, как понимались самим народническим экономистом эти варианты. Начнем, однако, не с первого из них, а с третьего. Воронцов предполагал, что в результате своей эволюции капитализм придет к самоотрицанию, «...производство перестанет стремиться к возможному расширению; целью его будет не наводнение иностранных рынков товаром ради возрастания прибавочной стоимости, а удовлетворение потребностей самих производителей, которые в то же время и хозяева, и рабочие; всякое техническое улучшение в орудиях производства будет служить не к расширению последнего, а к сокращению труда работающих, увеличению их досуга»⁴.

Следуя продекларированной формуле истинно народного производства, Воронцов отдавал предпочтение такому способу ведения хозяйства, при котором главным станет не извлечение прибыли, а обеспечение нормального существования производителей. Он не постулировал как именно это может произойти в будущем, однако был уверен, что капитализм рано или поздно утратит присущее ему господство. Такая перспектива была, по его мнению, обусловлена непременно завершением капиталистического цикла в передовых странах мира. При этом Воронцов не рассчитывал на скорую реализацию подобной перспективы. Он скорее обосновывал справедливость принципов нетоварного производства, при котором главной целью станет пропорциональное и справедливое «...распределение материальных благ цивилизации»⁵.

Морально-этическое неприятие Воронцовым капитализма имело естественное продолжение в отрицании прогрессивности установившихся экономических порядков. Россия, принадлежавшая к странам с преимущественно аграрной экономикой, после реформы 1861 года столкнулась с серьезной проблемой рынка (рабочей силы, внутренней и внешней реализации товаров национальной про-

мышленности и т.п.). По мнению народнического экономиста, чем позднее государство избирало вариант промышленного прогресса, «...тем больше препятствий для своего развития встречает здесь капитализм»⁶. В России это выразилось в том, что капитал в основном проявлял свою активность в сфере обращения, а не производства. Активное привлечение иностранных инвестиций и технологических нововведений, хотя и давало толчок для быстрого развития промышленности, увеличения производительности труда, вместе с тем приводило к затовариванию продукции, кризисам перепроизводства, борьбе за внешние рынки сбыта с передовыми державами. Попав в новые условия, Россия вынуждена была играть по правилам, которые не ею были установлены, мало знакомы и противоречили характеру производственной деятельности основной массы населения.

Объективно перед отсталыми странами в их столкновении с цивилизацией Запада, как считал Воронцов, вставала дилемма: или «...превратиться в его колонии (в экономическом смысле), задача которых поставлять сырье, а взамен получать продукты обрабатывающей промышленности», или принимать вызов и «...стараться насадить у себя крупную промышленность, имеющуюся у нее перед глазами...». Но попытки ее внедрения означали ложность выбора. Даже если государство будет использовать давно известные приемы (запретительные тарифы, предоставление льготных кредитов, использование государственных заказов), то в лучшем случае это приведет только к водворению «у себя крупной промышленности, но значение здесь последней будет совершенно иное»⁷. Развитие капитализма будет идти очень медленно, техника Западной Европы «отразится» на нем очень мало.

Приведя эти аргументы, Воронцов сформулировал однозначный вывод: «...идя капиталистическим путем, мы не создадим у себя высокоразвитой механической промышленности», «...никогда не добьемся, чтобы наше капиталистическое производство возвысилось до того уровня, на каком оно стоит в Европе»⁸. России, как и другим аграрным странам, в конечном итоге будет отведена роль постоянно догоняющих и не имеющих возможности догнать ушедшие вперед передовые экономики. Уровень технологической вооруженности останется на ремесленной ступени.

Как писал Воронцов, русский капитализм уже обанкротился. «Исцеление может быть произведено лишь радикальным изменением самых оснований нашей внутренней экономической политики, которая должна отречься от солидарности с капиталистическим производством, не оправдавшим надежд, возлагаемых на него обществом, оказавшимся неспособным утвердиться в России настолько, чтобы сделаться руководителем нашей промышленности в ее прогрессивном развитии...»⁹.

Таким образом, единственной возможностью эволюции пореформенной России оставался некапиталистический путь развития. Воронцов вкладывал в это понятие строго определенный смысл. В первую очередь это касалось темпов повышения производительности труда в экономике страны, форм и методов реформирования промышленности и аграрного сектора. Обратимся последовательно к каждому из этих положений и попытаемся выяснить, что понималось Воронцовым под отказом от капиталистического способа производства и какие конкретные меры предлагались им для преобразования народного хозяйства.

Быстрые темпы капитализации страны не устраивали Воронцова по трем причинам. Во-первых, следование западноевропейским трафаретам тяжело отражалось «на рабочем населении», которое не могло найти занятия своим силам на рынке труда и пополняло армию безработных. Во-вторых, «процесс организации труда капиталом основан на извращении истинного смысла развития общественной формы труда: вместо облегчения рабочего, – уменьшения времени работы при лучшем, однако, удовлетворении его разнообразных потребностей – процесс этот ведет к обременению трудящегося, к удлинению рабочего дня, возвышению его интенсивности с одновременным понижением расходов на содержание рабочего». При этом вся прибыль, получаемая от повышения производительности труда, «...тратится целиком на возрастание производства...» и не используется на социальные нужды. И, в-третьих, сами темпы повышения производительности труда негативным образом сказываются на занятости рабочего сословия. Без всякого сомнения, писал Воронцов, повышение производительности труда действительно должно составлять одно из главных направлений в политике общества. Но ее изменение не могло произойти сразу, «по сказочному», «...этот процесс требует для своего завершения многих десятилетий,

даже веков...»¹⁰ для того, чтобы из величайшего блага не превратиться в величайшее бедствие.

Таким образом, в понимании народнического экономиста именно эти составляющие товарного производства должны быть модифицированы в первую очередь. Не отрицая принципиальных достижений западной цивилизации, Воронцов стремился придать им иное направление, поставить на службу всему обществу, а не отдельной группы лиц, «...не играющих никакой исторической прогрессивной роли, а скорее стоящих тормозом на пути промышленной жизни»¹¹.

Естественно, что неприятие сути капиталистической эволюции диктовало и разработку иных форм организации производства как в промышленности, так и сельском хозяйстве.

Одну из главных задач Воронцов видел в реформировании аграрного сектора экономики. Анализ состояния народного хозяйства убеждал его в том, что мир русского крестьянина постоянно разрушался. Как показывали исследования быта деревни, «...общинный дух развит больше в деревнях среднесостоятельных, члены которых не различаются резко по своей зажиточности; здесь легче предпринимаются сообща работы по улучшению земли, скорее помогают друг другу в несчастии». По мнению Воронцова, это далеко не случайно. Отсутствие социальной дифференциации сближает людей, заставляет их заботиться друг о друге, воспитывает социальный альтруизм. «Здесь (в общине. – В. З.) сильнейший эгоистический интерес каждого совпадает с общественным, прямой расчет побуждает всякого следить за равномернейшим распределением, с одной стороны, земли по его достоинству на ярусы и проч., с другой – домохозяев на группы по их потребности в земле или имущественной состоятельности. Обман или ошибка здесь почти немислимы, отсутствует поэтому всякий мотив быть неискренним – почва для беспощадной борьбы личных интересов. Выросшие на таком основании земельные обычаи, в свою очередь, благотворно влияют на нравственное состояние всякого члена общины...»¹².

Однако, попадая под давящую и крушащую пяту товарно-денежных отношений, русский крестьянин разоряется, выпадает из числа средних хозяев, становится «падшим». «А раз земледелец упал – он человек пропащий. Он уже выходит из сферы нравственного и материального влияния товарищей, общины. Отныне он

вступает на новый путь, где не нужны ни солидарность, ни справедливость, где скорее возьмешь хитростью, подлостью, пролазничеством. На всякого вновь упавшего его предшественник смотрит как на врага, видит в нем конкурента на рынке труда»¹³.

Как видим, Воронцов отмечал ослабление общинных связей, разрушение традиционной структуры отношений. Как и для большинства народнических экономистов, для него было характерно сочетание признания данного факта с надеждой на достаточно длительное сохранение общины в будущем. «Земледелец должен трудиться не на других, а на самого себя, – писал по этому поводу Воронцов, – размеры его владений должны быть таковы, чтобы по возможности занять все рабочие силы семьи». Для этого следовало освободить «мелкую земельную культуру от внешних пут», оказывать ей поддержку и помощь «...до тех пор, пока она сама собой, путем естественного развития, не примет форму крупного производства на кооперативных началах»¹⁴.

Воронцов уже не надеялся на «хозяйственную единицу», основанную на семейном начале. Она не обеспечивала высокой производительности труда, продемонстрировав свою несостоятельность в новых условиях. Система семейного производства была подобна зданию, построенному на песке и легко разрушаемому. Поэтому развитие кооперации он считал первостепенным делом. Определенную помощь в этом могло оказать стремление к единению «...отдельных лиц (а не целой общины) ...во имя совершенно реальных потребностей современного существования». Воронцов не верил в альтруистическую взаимопомощь (так называемые помочи), которую, по его мысли, можно было считать «...вымирающим остатком прежней широкой общинной жизни, ныне держащейся лишь благодаря традиции». Ее время уже прошло. Теперь следовало развивать «соединение инвентаря и скота для общей работы»: совместную вывозку навоза, обработку почвы и уборку урожая, использование машин, купленных в складчину, и тому подобные «формы единения»¹⁵.

По мнению Воронцова, крестьяне быстро поймут после «первого увлечения свободой к разъединению», что «существование по образу Савраса без узды невозможно». Первые ростки кооперирования начинали проявляться все очевиднее, и именно они могли спасти крестьянина от проклятого вопроса их существования: «щучкой быть

или карасем», становиться богачом и грабить своего соседа или превращаться в нищего¹⁶.

Итак, не община как таковая, а кооперативная форма производства должны были стать основой благосостояния русской деревни. Объединение крестьян для совместной работы, осознание ими общности интересов могли ослабить капиталистическое влияние. Воронцов прекрасно понимал, что одного этого еще недостаточно для воплощения идеи в жизнь. Крестьянство страдало от малоземелья, и без решения этой проблемы трудно было говорить о каких-либо улучшениях. Поэтому в качестве неотложной меры он предлагал проведение аграрной реформы, суть которой должна состоять в приобретении земли казною и передаче ее крестьянам «в постоянное пользование, но не в полную собственность земледельца»¹⁷.

Получив необходимое для нормального существования количество земли, сельские жители обретали бы возможность развивать кустарное производство. По мнению Воронцова, именно благодаря их сочетанию с земледелием в России продолжала существовать «...благоприятная почва для организации труда на народных, артельных началах». Такая форма совмещения могла составить серьезную конкуренцию капитализму. Воронцов исходил из того, что наряду со стремлением к обогащению в артели существует и другой побудительный мотив к «развитию производительности труда» – желание «сократить и облегчить свою работу». Поэтому артель «...при неизменном сбыте продукта... может ...заботиться о введении различных усовершенствований»¹⁸.

Таким образом, Воронцов рассматривал артель как наиболее приемлемую форму некапиталистической экономики, сочетающую коллективное ведение хозяйства и повышение производительности труда не в ущерб трудящимся. Как он писал, артель совмещает выгоды крупного производства «(разделение труда, замена человека силами природы) с преимуществами мелкого (самостоятельность производителя)»¹⁹.

При условии реализации на практике артельной модели могла быть создана система производства, кардинально отличающаяся по своему характеру от капиталистического стремления «...достигнуть наибольшего производства с наименьшими издержками». Эта тенденция ей была бы совершенно чужда. Воронцов возлагал на коллективную форму труда задачу «доставления» «...наибольшего до-

суга работающему, предупреждение отупляющего действия однообразных манипуляций, вредного влияния на организм скученности людей и производства, устранение от последнего детей, может быть, и женщин»²⁰.

Народнический экономист искренне и страстно надеялся, что предлагаемый им проект преобразований позволит избавиться от негативного влияния капитализма на хозяйственный организм страны и укажет миру новый путь эволюции. Как писал Воронцов, Россия «...послужит ему образцом при его реорганизационной работе, ...ее историческая миссия заключается в осуществлении равенства и братства, если уж ей не суждено бороться за свободу»²¹.

По своей сути нарисованная картина отношений полностью соответствовала общим принципам народнического мировоззрения. Неприятие Воронцовым капиталистического производства, рыночных принципов ведения хозяйства находило логичное завершение в требовании создания условий для гармоничного развития человека, превращения его из придатка машины в личность, определяющую эволюцию общества.

По сравнению с другими народниками-экономистами представления В. П. Воронцова о характере необходимых общественных преобразований имели существенные различия. Если, скажем, Н. Ф. Даниельсон настаивал на социалистическом переустройстве России, основанном на передаче всей земли крестьянству, организации крупного промышленного производства, то В. П. Воронцов в своих проектах был более умерен и предлагал сохранить право земельной собственности за государством. Крестьяне становились лишь пользователями земельных угодий на условиях кооперативного ведения хозяйства. Предлагаемый Воронцовым план реформирования фактически предполагал длительное сосуществование народного и капиталистического укладов в экономике страны, их конкуренцию и противостояние друг другу.

В промышленной сфере это столкновение заключалось, по его мнению, в соревновании между крупной фабричной формой производства, перенесенной в страну и не имеющей в ней никаких корней, и кустарными промыслами. Их умение приспособливаться к изменяющимся условиям Воронцов всячески подчеркивал и настаивал, что и в будущем промыслы будут определять лицо отечественной промышленности. В работе «Судьбы капитализма в Рос-

сии» он писал по этому поводу: «...центр тяжести нашего промышленного строя должен заключаться в мелком народном производстве. Крупное долго еще будет играть в нашей жизни крайне подчиненную роль, какую, впрочем, в действительности оно играло всегда...»²².

Воронцов не отрицал факта капитализации кустарных промыслов, но одновременно с этим констатировал и обратный процесс, когда «...не крупные мастерские поглощают мелкие, а мелкие вырастают из крупных». При должном внимании общества и правительства, рациональном использовании новейших достижений науки можно было добиться, по мнению Воронцова, улучшения «экономической организации и технического совершенства... промысла», «...преобразования народного несовершенного, мелкого производства в народное – совершенное и крупное»²³.

Подобное превращение могло произойти двояким образом. Народные предприятия, где «...работники суть в то же время и хозяева предприятия...», достигают наивысшей производительности труда, сокращают рабочий день, добиваются облегчения труда рабочих, демонстрируют преимущества кооперации, доказывают низкую продуктивность капиталистических заводов и фабрик. В этом случае господствующей формой производства становится артель. Второй вариант предполагал, что осознание необходимости улучшений заставит правительство действовать «с точки зрения общественной пользы»²⁴.

Как писал Воронцов, «правительство побьется еще некоторое время, пробуя различные мероприятия в пользу капитализма..., убедится, наконец, в тщете надежды пересадить к нам западно-европейские порядки и должно будет или предоставить крупные предприятия их естественной судьбе, что значит обречь их на гибель, либо прямо возьмет их в свое заведывание». В первую очередь от этого выиграло бы само промышленное производство. Оно, может быть, и «...не подешевеет значительно...», однако этим актом правительство сможет добиться нескольких выгод. Во-первых, «...производство специализируется и станет, хотя медленнее европейского, следить за успехами техники...». Во-вторых, государственные казенные предприятия не ориентируются на получение прибыли и смогут обеспечить рабочим «сносное существование», а стране – подготовить контингент «искусных рабочих», которым в будущем

можно будет передать «все ведение дела». В-третьих, если наряду с промышленными предприятиями в руки правительства перейдут и железные дороги, то «...иссякнет один из главнейших источников накопления капитала...» для частных лиц. После этого станет возможным его использование на дело «...прогрессивного развития промышленности – на организацию высшей формы производства...»²⁵.

Переход к государственному регулированию промышленного производства представлялся Воронцову наиболее целесообразным и с точки зрения умеренных темпов развития страны, соотношения их с общими интересами всего населения. Тем самым «...обобществление труда, а вместе с тем и развитие его производительной силы станет совершенствоваться постепенно, добывание продуктов не будет сильно обгонять роста общественных потребностей; предложение будет всегда соответствовать спросу, чем устраняется неизбежность кризисов со всеми их вредными последствиями»²⁶.

Фактически Воронцов предлагал соединить государственную форму собственности с кооперативной, или, как он писал, осуществить «...преобразование нашего капиталистического производства в государственное и артельное»²⁷. Но при всей искренности намерений народнического экономиста его проект представлял собой не что иное, как обоснование государственно-регулируемого капитализма. Выступая против товарно-денежных отношений, логики рыночной экономики, разорения громадного большинства крестьянства, нищенского положения аграрных и промышленных производителей, Воронцов боролся против одной из форм капиталистических отношений и настаивал на замене их национальным вариантом постепенного приспособления народного хозяйства к мировым стандартам. По своей сути это был один из вариантов определения Россией своего места среди наиболее развитых государств без потери статуса великой державы.

Убедившись в болезненности процесса первоначального накопления капитала, сложности создания рынков рабочей силы и реализации продукции промышленности, придя к выводу о сложности конкуренции с передовыми странами, Воронцов в своем прогнозе наметил модель, которая позволяла бы осуществить относительно постепенное закрепление капиталистических отношений в преимущественно аграрной структуре экономики. Как справедливо отметил

М. П. Рачков, народнический экономист «...был одним из первых, кто понял, что в условиях изменившегося мирохозяйственного порядка завершить индустриализацию в России обычным капиталистическим путем будет невозможно»²⁸.

Действительно, как показали дальнейшие события, прогноз Воронцова был «вовсе не утопией, а исторически необходимой и переходящей ступенью...» перехода в индустриальную стадию. Однако вряд ли можно назвать выдвинутый Воронцовым план реформирования народного хозяйства социалистическим²⁹. По нашему мнению, предложения народнического экономиста были вариантом государственного капитализма с определенными элементами социальной защиты, отвечающими представлениям громадной массы населения страны.

Аргументация Воронцова в пользу бестоварной экономики в сочетании с требованием отказа от капиталистических отношений стала в определенной мере научным обоснованием крестьянского видения справедливого устройства, при котором традиционные институты общины (в модифицированном и модернизированном виде) могли обеспечить благополучие и процветание страны. В не меньшей степени соответствовало народным представлениям и надежда Воронцова на помощь в преобразованиях со стороны государства. Вековая вера русской деревни в справедливость центральной власти, в обеспечение порядка, стабильности, внешней и внутренней безопасности в снятом виде выразилась в идее реформаторских возможностей государственных институтов.

¹ *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 152–154; *Он же.* Либеральное народничество и Г. В. Плеханов (проблема интеллигенции) // *Революционеры и либералы России.* М., 1990; *Рачков М. П.* Политико-экономические прогнозы в истории России. Иркутск, 1993; *Зверев В. В.* Н. Ф. Даниельсон, В. П. Воронцов. Два портрета на фоне русского капитализма. М., 1997; *Он же.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX века. М., 1997; *Мокшин Г. Н.* Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж, 2007; *Он же.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начала XX вв. Воронеж, 2010; и др.

² [*Воронцов В. П.*] *В. В.* Судьбы капитализма в России. СПб., 1882. С. 5, 30.

³ Там же. С. 16.

- ⁴ Там же.
- ⁵ [Воронцов В. П.] В. В. Очерки крестьянского хозяйства. СПб., 1911. С. 1.
- ⁶ [Воронцов В. П.] В. В. Судьбы капитализма... С. 72.
- ⁷ Там же. С. 72, 73.
- ⁸ Там же. С. 63.
- ⁹ Там же. С. 270.
- ¹⁰ Там же. С. 14, 71, 277.
- ¹¹ Там же. С. 65.
- ¹² Там же. С. 102.
- ¹³ Там же. С. 104.
- ¹⁴ [Воронцов В. П.] Очерки крестьянского хозяйства... С. 1.
- ¹⁵ Там же. С. 76.
- ¹⁶ Там же. С. 80, 81.
- ¹⁷ [Воронцов В. П.] В. В. Судьбы капитализма... С. 220.
- ¹⁸ Там же. С. 115, 120.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 121.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же. С. 185.
- ²³ Там же. С. 78–79; [Воронцов В. П.] В. В. Наши направления // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. М., 1994. С. 78.
- ²⁴ [Воронцов В. П.] В. В. Судьбы капитализма... С. 65.
- ²⁵ Там же. С. 67.
- ²⁶ Там же. С. 71.
- ²⁷ Там же. С. 68.
- ²⁸ Рачков М. П. Указ. соч. С. 20.
- ²⁹ Там же. С. 24.

Традиции демократического просветительства в теории социокультурного эволюционизма Я. В. Абрамова

Социологические и художественные концепции Якова Васильевича Абрамова (1858–1906), в мировоззрении которого определяющей является идея эволюционного развития общества, представляют большой научный интерес: он, как и другие крупные мыслители, теоретики эволюционизма XIX – начала XX в. (И. С. Тургенев, Л. А. Полонский, М. М. Ковалевский, Г. Спенсер, Э. Бернштейн и др.), всемерно способствовал тому, чтобы в политической и моральной философии утверждался и доминировал гуманистический пафос, чтобы социально-нравственные и эстетические феномены рассматривались в общем контексте эволюции.

Философско-социологическая прогностика Я. В. Абрамова и других мыслителей этого направления в историко-функциональном аспекте может восприниматься сегодня как продуктивная идея социального переустройства России, в свое время дискредитированная хранителями «наследства» шестидесятников, некоторыми представителями революционного народничества, марксистскими теоретиками.

В отечественной историографии имя Я. В. Абрамова традиционно связывается с социальными программами легального народничества периода нового «хождения в народ», «на культурную работу», с создателями теории «малых дел». Недостаточной изученностью его идейного и литературного наследия обусловлена живучесть многих стереотипов в оценке деятельности яркого мыслителя и талантливое писателя, не пересматривавшихся на протяжении целого века, например, традиционное позиционирование Абрамова как теоретика и практика «малых дел».

Но в современных исследованиях ученых-историков в качестве дискуссионного рассматривается вопрос о том, правомерна ли маркировка теории «малых дел» именем Я. В. Абрамова, есть ли основания для того, чтобы называть ее – с пейоративным оттенком – «абрамовщиной»¹. Так, В. В. Зверев справедливо относит Абрамова к числу народников-реформаторов, в полной мере осознававших необходимость модернизации России, показывает, что его общественная практика выходила далеко за пределы традиционных программ

сторонников «теории малых дел»². Г. Н. Мокшин в работах последнего времени говорит о необоснованности употребления самого термина «абрамовщина», поскольку Абрамов не был создателем этой теории³. И это тоже справедливо: уже давно известно (благодаря работам литературоведа Г. А. Бялого⁴ и историка В. И. Харламова⁵), что родоначальником культурнического течения в народничестве был П. П. Червинский, а ведущим создателем теории «малых дел» – И. И. Каблиц (Юзов), с работами которых Я. В. Абрамов был, конечно, хорошо знаком.

Но дело не только в этом. Следует подчеркнуть, что в народническом лагере Я. В. Абрамов занимал особую позицию: он как мыслитель и теоретик творчески развивал традиции демократического просветительства 1840-х – начала 1880-х годов, идеи эволюционистов круга «постепеновца снизу» И. С. Тургенева. Связи между идеями Тургенева, называвшего себя в 1880-м году «постепеновцем», а если и «либералом», то «либералом старого покроя», то есть эпохи 1840-х годов, и подчеркивавшего при этом, что его «убеждения... не изменились ни на йоту в последние сорок лет»⁶, и Абрамова, деятеля «культурнического» течения в легальном народничестве 1880–1890-х годов, по своему характеру являются *типологическими*. О преемственном восприятии традиций демократического просветительства в этом смысле можно говорить, имея в виду фоновые факторы, то есть источники информации общекультурного исторического контекста. Остановимся на этом вопросе, учитывая достаточно сложную картину изучения мировоззрения Абрамова и недостаточную проясненность генезиса и сути его концепции «малых» и «великих дел».

С одной стороны, известно, что как публицист и социолог Абрамов вовсе не ограничивался в определении стратегии и тактики социокультурной эволюции России пропагандой «малых дел», как и некоторые другие народнические теоретики (например, В. П. Воронцов). «Основу мировоззрения Абрамова составляла идея о потенциальной способности народа к самоорганизации на социалистических началах, без навязывания ему чуждых форм, и вера в то, что практические меры помощи народу приведут к постепенному изменению жизни людей и построению справедливого общества», – обоснованно утверждает С. Я. Новак⁷. Именно в этом писатель-мыслитель в максимальной мере приближался к позициям «посте-

пеновства снизу» И. С. Тургенева, Л. А. Полонского и других представителей демократического просветительства конца 1870-х – начала 1880-х годов. Истоки идеи «созидательной практической работы снизу»⁸, которой руководствовался Я. В. Абрамов, как мы полагаем, коренятся не только в социально-философских концепциях создателей «теории малых дел» (прежде всего П. П. Червинского), но и мыслителей круга Тургенева и Полонского (автор «Отцов и детей» и «Нови» не случайно называл «завзятого постепеновца» Полонского «первым русским публицистом», а его статьи, публиковавшиеся на страницах газеты «Страна» и журнала «Вестник Европы», – «руководящими»⁹). В рефлексии форм самоорганизации народной жизни и в понимании перспектив ее развития можно обнаружить точки соприкосновения Абрамова («Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве») с Тургеневым, настаивавшим на том, что нельзя «насильственно вламываться в народную жизнь, с чуждыми ему принципами и теориями (а таковы все социально-революционные доктрины и все попытки пересадить их на русскую народную почву)»: «лучше предоставить народу полную свободу устраиваться самому, предоставляя ему только все необходимое и ограждая от всяких корыстных и бескорыстных набегов на его жизнь»¹⁰.

Отклонения от истины в выводах исследователей, выражающиеся в утверждении того, что Я. В. Абрамов якобы абсолютизировал теорию «малых дел», и в сведении всей сути дела к «абрамовщине», возникают, видимо, из-за внешних переключек между программой «постепеновства снизу» и «теорией малых дел», *в отсутствии дифференциации демократического и либерального просветительства.*

Рассматривая общественно-литературную деятельность Абрамова в контексте движения реформаторского народничества, надо подчеркнуть, что в произведениях писателя-просветителя можно обнаружить переключки с работами В. П. Воронцова, А. С. Пругавина, П. П. Червинского, И. И. Каблицы (Юзова), Л. Е. Оболенского, Н. К. Михайловского и т.д. при рассмотрении тех или иных вопросов. Но очевидно и то, что он, актуализируя традиции демократического просветительства в народнической парадигме, подчеркнуто отмежевывался от «либеральной партии». Кстати, как и Тургенев¹¹, которого традиционно относят к лагерю либералов, опять-таки не дифференцируя при этом само «либеральное направление» и не

вникая в смысл того, какое содержание вкладывал писатель в понятие «либерал старого покроя».

Современники говорили об особенно ярко проявлявшемся во второй половине 1870-х годов «скептицизме» автора «Отцов и детей», «Дыма», «Нови» «относительно чего бы то ни было действительно полезного для России, способного выйти от кого бы то ни было: от правительства, от либералов или революционеров», как об «основной черте его взглядов на русские дела»¹². У Тургенева в условиях очевидного кризиса «хождения в народ» революционеров-семидесятников концепция «постепеновства снизу» наполнялась конкретным содержанием – утверждением исторической роли «скромной деятельности» «народных слуг»¹³. Такая концепция основывалась на идее преемственных связей демократического просветительства 1840-х годов и социальных программ прогрессивной молодежи нового времени.

Дифференцируя разные идеологические течения в общественной жизни конца 1870-х – начала 1880-х годов, великий писатель в «Речи на обеде в “Эрмитаже” 6/18 марта 1879 г.» и в открытом письме «Редактору “Вестника Европы”» 2 января 1880 г. четко отделил «либерализм» 1840-х годов от либерализма конца 1870-х годов (с которым его постоянно отождествляют), указав на просветительно-демократическую доминанту в мировоззрении «людей “сороковых годов”» и на свою принадлежность именно к этому течению общественной мысли. Более того, И. С. Тургенев подчеркивал актуальность идеалов «так называемого либерального направления» «эпохи 40-х годов» для времени, отмеченного, с одной стороны, активной деятельностью революционного народничества, и отсутствием альтернативы их концепциям в программах пореформенного либерализма, – с другой. «...Слово “либерал” в последнее время несколько опошлилось, и не без причины, – говорил писатель в 1879 году. – Теперь, когда все указывает на то, что мы стоим накануне хотя близкого и законно правильного, но значительного перестроя общественной жизни, это слово является чем-то неопределенным и шатким. Кто им, подумаешь, не прикрывается! Но в наше, в мое молодое время, когда еще и помину не было о политической жизни, слово “либерал” означало протест против всего темного и притеснительного, означало уважение к науке и образованию, любовь к поэзии и художеству и наконец – пуще всего – означало любовь к на-

роду, который, находясь еще под гнетом крепостного бесправия, нуждался в деятельной помощи своих счастливых сынов»¹⁴.

И. С. Тургенев, как видим, суть «либерализма» «людей “сороковых годов”», группировавшихся вокруг В. Г. Белинского, усматривал именно в идеалах демократического просветительства. С так называемым «дворянским либерализмом» 1850–1870-х годов (Т. Н. Грановский, В. П. Боткин, П. В. Анненков, К. Д. Кавелин, Ф. И. Родичев, Д. И. Шаховской, ранний Б. Н. Чичерин и др.) писатель сближался в утверждении прав личности, отрицании крепостного права, в признании необходимости изменений в сфере законодательства в целях постепенного социального прогресса. Но отличало его от дворянского либерализма отношение к проблемам народной жизни, поскольку идеологи этого течения общественной мысли не шли так далеко, как Тургенев и его единомышленники, в признании роли инициатив самого народа, его самодостаточности и необходимости участия в управлении общественными делами. В научной литературе справедливо отмечается, что «русские либералы не являлись демократами в полном смысле этого слова. Они долго не могли согласиться с тем, что в России должно доминировать общественное (народное) мнение, а не мнение образованной элиты»¹⁵.

Я. В. Абрамов в такой же мере, как и И. С. Тургенев, расходился с либералами в трактовках проблем развития народной жизни, он видел задачу демократически настроенной интеллигенции в осмыслении тенденций и направлений процессов самоорганизации народной жизни и в содействии историческим инициативам народа¹⁶. Герои его художественных произведений, «ищущие правды» («В степи», «Среди сектантов», «Мещанский мыслитель», «Корова», «Ищущий правды», «Механик» и т.д.), не случайно (как и сам автор в своей публицистике) пытаются разглядеть в жизни народа формы такой самоорганизации, возникающие, однако, не на основе российской государственности, а в свете представлений о необходимости нравственного – в евангельской трактовке самоотвержения и всеобщей любви («Ищущий правды») – обеспечения социально-исторического прогресса («Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве», «Среди сектантов», «В степи» и другие статьи и произведения писателя).

Что касается И. С. Тургенева, то состояние общественной жизни России двух пореформенных десятилетий убеждало его в том, что

«молодое поколение», воспринимая идеалы и развивая традиции «людей “сороковых годов”», «поступает согласно с высказанным» этим поколением «воззрением» и «продолжает начатое дело». И «надо докончить начатое, – убеждал он, – и докончить прямо, честно, по открытому пути»¹⁷. В «Речи на обеде профессоров и литераторов 13/25 марта 1879 г.» писатель особо отмечал факт преемственности поколений «людей “сороковых годов”» и «современной молодежи», к поколению которой принадлежал и Я. В. Абрамов: «...Есть... область, в которой эти поколения, по крайней мере в большинстве, сходятся дружески... <...> есть стремления, есть надежды, которые им общи; есть, наконец, идеал не отдаленный и не туманный, а определенный, осуществимый и, может быть, близкий, в который они одинаково верят». Существует, по мнению И. С. Тургенева, и «почва», на которой эти поколения «могли сойтись», оказывая «деятельную помощь» народу в новых исторических условиях¹⁸. На этой «почве» в романе «Новь» действует «постепеновец снизу» Соломин. Поскольку в тургеновском решении проблем русской общественной жизни актуализировался цивилизационный подход, то в художественном творчестве писатель стремился воплотить мысль о необходимости просветительной, «медленной и терпеливой» «работы в народе». Как справедливо отметил еще в начале 1960-х годов Г. А. Бялый, тургеновские образы «постепеновцев снизу», в которых писатель воплотил идею «специального идеала» и «скромной деятельности», «задуманы и поданы» в произведениях 1870-х годов «не как реальная сила русской жизни, а как сила искомая, ожидаемая»¹⁹. О том, насколько это было актуальным для своего времени, свидетельствует письмо П. В. Анненкова к Тургеневу от 28 октября (9 ноября) 1876 г., в котором он поддержал мысль автора «Нови» о необходимости широкого просвещения народа²⁰. Именно такая идея лежит в основе романа, где программным и является образ «постепеновца снизу», «самого трудного, – по словам писателя, – характера», хотя он «и не кажется таким с первого взгляда»²¹.

По воспоминаниям С. Н. Кривенко, автор «Нови» признавался, что деятель соломинского типа «ближе» к его «понятиям и представлениям» о движущих силах социокультурного прогресса России эпохи «всеобщего переворота». «...Я убежден, – говорил И. С. Тургенев, – что такие люди сменят теперешних деятелей (имелись в виду «вспышечники», народники-семидесятники²²): у них есть извест-

ная положительная программа, хотя бы и маленькая в каждом отдельном случае, у них есть практическое дело с народом, благодаря чему они имеют отношения и связи в жизни, то есть имеют почву под ногами, на которой можно твердо стоять и гораздо увереннее действовать...»²³.

Анализ общественных позиций И. С. Тургенева и других сторонников концепции «постепеновства снизу» показывает, что либерализм, в том числе и «дворянский», был очень неоднородным и весьма пестрым течением общественной мысли. Современные ученые констатируют, что российским либералам 1870–1880-х годов «свойственна внеэкономическая, культурно-духовная природа взглядов, что делало эти взгляды и достаточно привлекательными, и в то же время умозрительными. Наконец, бросается в глаза раздробленность русского либерального лагеря, его разветвленность, количество носителей либеральных взглядов, организационно не связанных друг с другом и часто не понимающих друг друга»²⁴.

Особенностью либерализма второй половины XIX века было то, что его филиации и разновидности определялись деятельностью даже отдельных выдающихся личностей. Так было и в случае с Тургеневым. В 1870–1880-х гг., в исторических условиях зарождения и спада общественного кризиса, не только фиксировалась дифференциация разных течений либеральной мысли (либерально-буржуазного, либерально-демократического и т.д.), но и особенно отчетливо проявлялось дальнейшее развитие традиций демократического просветительства. В это время И. С. Тургенев не случайно подчеркнуто дистанцировался от «трусливого русского либерализма», указывая на то, что его «убеждения» не соответствовали позициям «друзей-либералов»²⁵.

Народнический идеолог П. Л. Лавров, который вначале в Тургеневе «видел только либерала», со всей неизбежностью констатировал, что писатель имел «более чутья, чем его товарищи», поскольку «готов был сочувствовать и даже содействовать *всякой* нарождающейся силе, оппозиционной по отношению абсолютизма»²⁶. Лавров особо отмечал тот факт, что «радикальная молодежь разглядела» в Тургеневе «подготовителя ее борьбы, воспитателя русского общества в тех гуманных идеях, которые *надлежащим* образом понятые», *должны* были привести к революционной оппозиции русскому императорскому самодурству»²⁷. Именно поэтому, говоря о «русских либералах», Тургенев «каждый раз начинал иронически или раздра-

жительно перебирать имена и личности (иные весьма близкие ему) и доказывать для каждого, что он не способен ни к смелому делу, ни к риску, ни к жертве и что поэтому невозможна организация их в политическую партию с определенной программой...»²⁸.

Современники автора «Нови» отмечали, что во второй половине 1870-х – начале 1880-х годов, когда писатель особенно настойчиво пропагандировал идеи «постепеновства снизу», он отказывал либералам в «темпераменте», в «гражданском мужестве», в самой возможности способствовать проведению «реформ», причем реформ даже «в либеральном направлении»²⁹. Следует еще раз подчеркнуть, что с критикой русских либералов, надеявшихся на «реформы сверху», Тургенев выступал с позиций «людей “сороковых годов”», то есть с позиций демократического просветительства. Солидаризируясь с ними в идее «мирного обновления России», автор «Нови» в отличие от «близких ему» по журналу «Вестник Европы» идеологов умеренно-монархической буржуазии (М. М. Стасюлевич, К. К. Арсеньев, М. М. Ковалевский, В. Д. Кузьмин-Караваев, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, А. Д. Галахов, Д. Л. Мордовцев, А. Н. Пыпин, Н. А. Котляревский, А. Н. Веселовский, Е. И. Утин, Ф. Ф. Воропов, Ю. А. Жуковский, А. Ф. Кони и др.), ратовавших за «буржуазный прогресс страны под властью самодержавия», разделявших политические идеалы конституционной монархии³⁰, надежд на «реформы сверху» не возлагал³¹. Он, не отрицая важности «дарования конституции», был одним из самых последовательных сторонников «медленной и терпеливой» «работы в народе»³². Эти идеи выражались им как в прямой публицистической, так и в образно-художественной форме. Целевые установки «добро делать помаленьку»³³ продиктованы, по глубокому убеждению Тургенева, характером жизни, общественной ситуацией в России: «скромная деятельность» – это не универсальное, а исторически обусловленное средство «постепенного развития». «Эпоха только полезных людей», «усердных тружеников» неизбежно пройдет, подчеркивал Тургенев, «и лишь тогда, когда этот период кончится, снова появятся крупные, оригинальные личности», а в литературе – «красивые, пленительные» Базаровы³⁴.

Поскольку в 1870-е годы писатель не видел никакой реальной силы, которая могла бы выдвинуть альтернативную программу продуктивной, созидательной деятельности по отношению к «творцам»

«долголетних реформ», к либералам, народникам, почвенникам и т.д., то «скромная деятельность» «полезных людей» в этих условиях представлялась ему единственно правильной и возможной, так как эта деятельность соответствовала задачам прогресса и характеру эпохи на данном этапе социально-исторической эволюции. Если, например, рассматривать автономно, т.е. за пределами внутренних связей всех элементов системы «постепеновства снизу» Тургенева, одно из его программных высказываний об обусловленности временем «малого», «тесного круга» деятельности «народных слуг» в условиях, когда «все перевернулось и только укладывалось» (Л. Н. Толстой), то может сложиться впечатление, что великий писатель-философ является апологетом... «теории малых дел». Приведем отрывок из его письма А. П. Философовой от 11 (23) сентября 1874 г.: «Времена переменялись; теперь... для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума – ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение ...нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже низменной работы. Я беру слово: низменной – в смысле простоты, бесхитренности, «*terre a terre*’а». Что может быть, напр<имер>, низменнее – учить мужика грамоте, помогать ему, заводить больницы и т.д. На что тут таланты и даже ученость? <...> ...Теперь неуместно – и смешно толковать о *героях* или *художниках* (курсив И. С. Тургенева. – В. Г.) труда. <...> Все так, но примириться с этим фактом, с этой серенькой средой, с этой скромной деятельностью многие не могут сразу»³⁵.

Вот почему в другом письме А. П. Философовой (от 22 декабря [6 марта] 1875 г.) он писал по поводу «отчаяния» его корреспондентки, занимавшейся «заведением и постройкой школы»: «...Деятельность Ваша достигла хотя маленького результата – следовательно, не бесплодна – чего же больше? Пусть каждый в своей сфере сделает столько же, и выйдет дело большое и хорошее... Пора у нас в России бросить мысль о “сдвигании гор с места” – о крупных, громких и красивых результатах; более чем когда-либо и где-либо, следует у нас удовлетворяться малым, назначить себе тесный круг действия; мы умрем – и ничего громадного не увидим. С этим надо примириться...»³⁶.

Суждения И. С. Тургенева о «скромной деятельности» «полезных рабочих и *народных слуг*»³⁷ ничего общего не имели с правона-

роднической «теорией малых дел». Он вообще, как отмечали современники, был «человеком, неспособным уложиться в тесные рамки какой-нибудь исключительной политической доктрины»³⁸. Эти суждения в устах «мирного сторонника прогресса и свободы» были откликом на дискуссии о том типе общественного деятеля, который востребован «периодом... разложения и сложения, переживаемым народной жизнью»³⁹. «Постепеновство» Тургенева было противопоставлено бескрылому эмпиризму и разрозненным действиям, при которых игнорируются законы развития общества. Он имел в виду такую системную, «кропотливую работу» в условиях укрепления буржуазных отношений, которая бы обеспечивала прогрессивное развитие всех сторон общественной, народной жизни – экономики, культуры, образования, науки, социальной сферы, медицины, государственного устройства, законодательства и т.д. Очень хорошо знавший Тургенева народник-революционер Г. А. Лопатин в своих воспоминаниях о писателе особо подчеркнул: стратегия его «постепеновства снизу» предусматривала все «предпосылки» кардинального обновления «старого строя» – «технические, экономические, моральные», социально-психологические и т.д. – в целях достижения пока весьма отдаленного идеала – «социализма», который представлялся ему «венцом социального развития человечества»⁴⁰.

Когда речь идет о том, что Я. В. Абрамов как один из теоретиков реформаторского народничества воспринимал и творчески развивал идеи демократического просветительства и «постепеновства снизу», которые особенно активно пропагандировались И. С. Тургеневым, то при отсутствии должной дифференциации течений «либерального направления» формальная логика неизбежно ведет к проектированию глубоко ошибочного тезиса, согласно которому этот народнический писатель-просветитель «был не народником... а либералом»⁴¹. В своем понимании проблем капиталистического развития России, в трактовке вопроса «народ – интеллигенция», в осмыслении целей собственной общественно-литературной деятельности народник-культурник Абрамов закономерно сближался с теми, кто аргументировал установку на деятельность «полезных людей», имеющих «практическое дело с народом»⁴², потому «общественную деятельность» «скромных тружеников» всемерно поддерживал и пропагандировал. Таких, как Я. В. Абрамов, имел в виду И. С. Тургенев, когда говорил в «Речи по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в

Москве» (1880 г.) о том, что «в эпохи народной жизни, носящие название переходных, дело мыслящего человека, истинного гражданина своей родины – идти вперед, несмотря на трудность... пути, но идти, не теряя ни на миг из виду тех основных идеалов, на которых построен весь быт общества...»⁴³.

На проблемах «построения быта общества» сосредоточено было внимание Я. В. Абрамова, прозаика и публициста, который «работу в народе» осуществлял средствами анализа «строения общественных отношений» (рассказ «Ищущий правды», 1882 г.) в целях активизации процессов развития самосознания народа и самоорганизации «народной жизни». «Малые дела», на которые делали установку народнические идеологи, он тоже рассматривал как исторически обусловленную, а не универсальную форму социокультурного прогресса, акцентируя при этом внимание на необходимость широкого просвещения народа. Чтобы «выйти из состояния дикости», в котором находится современное общество, людям необходимо «пройти через... грамотность, они должны воспользоваться... школами, библиотеками и книжками», – доказывал он⁴⁴. Такие «малые дела», которые, по мысли Абрамова, являются не самоцелью «работающих на пользу народу», а преходящим, вызванным конкретной социально-исторической ситуацией в стране средством «просвещения», «подъема культурного состояния», «облегчения положения... задавленных тяжелым трудом» масс, не противоречат, а соответствуют идеалам постепенного мирного прогресса во всех сферах общественного бытия, представлениям о путях всеобщего движения к «высшим целям человеческого существования»⁴⁵. «Каким образом университеты могут возникнуть там, где нет начальных школ?», – задавал он риторический вопрос, разъясняя, что «сделать технические усовершенствования, улучшенные приемы труда общим достоянием» можно «только путем распространения образования, путем устройства школ и библиотек, путем распространения книг, т.е. путем, по которому и идут люди, занимающиеся “малыми делами”» во имя «облегчения жизни... народа и просветления его сознания»⁴⁶. И в этом позиции Тургенева, который призывал «служить великому делу просвещения»⁴⁷, и Абрамова сближались максимально. Великий писатель был глубоко убежден в том, что «где нет движения мысли, там нет и прогресса»⁴⁸.

Важно подчеркнуть: от представителей «земского либерализма» самых разных политических ориентаций – умеренно-либеральной

(Н. С. Скворцов, К. К. Арсеньев, М. М. Стасюлевич и др.), консервативно-славянофильской, монархической (Д. Н. Шипов, Ф. И. Родичев и др.), конституционалистской (В. А. Гольцев, С. А. Муромцев, Д. И. Шаховской и др.) – народнический публицист и прозаик Яков Абрамов отличался именно своим демократизмом. Он в такой же мере, как и Тургенев, не рассматривал в качестве «чудодейственного средства знаменитую “троицу” – “земство, артель, общину”»⁴⁹, хотя не только не отрицал, но и пропагандировал идею важности, значимости работы в земских учреждениях⁵⁰. Развитие местного самоуправления, расширение возможностей и узаконенных прав земских органов Я. В. Абрамов вовсе не рассматривал в перспективе «единения царя с народом», как представители «земского либерализма»⁵¹.

Подобно И. С. Тургеневу, но уже в 1880–1890-е гг., Я. В. Абрамов обращался к «скромным труженикам», к интеллигенции с призывом «служить народу», «работать для удовлетворения» его «реальнейших нужд», соотносил «скромную деятельность» «народных слуг» с задачами «культурной работы» во имя «движения... народа вперед», во имя того, чтобы «освободить человека от зависимости от материальных условий существования и дать простор его духовным способностям»⁵². Общность концептов «скромная деятельность», «дело», «народные слуги», «служение народу», «великое дело просвещения», «великая культурная работа» и т.д. (ср.: Тургенев⁵³ – Абрамов⁵⁴), которые функционируют в аутентичных смысловых пространствах текстов Тургенева и Абрамова, говорит о принципиальной схожести, типологической близости их социально-философских позиций. Показательно, что именно Тургенев, неоднократно писавший о несостоятельности надежд на «деревню», в письме к М. Е. Салтыкову-Щедрину от 26 мая (7 июня) 1882 г. дал высокую оценку рассказу Я. В. Абрамова «Ищущий правды»⁵⁵, где начинающий писатель осветил причины распада и деградации крестьянской общины.

В отличие от многих народников-культурников Я. В. Абрамов не рассматривал капитализм как случайное явление, как формацию, минуя которую Россия на основе развития экономического и нравственного потенциала крестьянской общины может открыть эру социализма. Гораздо более отчетливо он дифференцировал «ближайшие задачи», «программу-минимум» (просвещение народа, социальное и экономическое развитие, направленное на кардинальное улучшение материального положения самых широких народных

масс, подъем культуры) и «программу-максимум» (построение справедливого общества на основе принципов социализма, правды, гуманизма). То, что его многое сближало не только с народниками-культурниками, но и с народниками-политиками и одновременно отдаляло от них, свидетельствовало о том, что Абрамов как писатель-мыслитель и публицист-социолог народнического лагеря выработал собственное решение фундаментальных проблем социокультурного эволюционизма.

По данным современной науки, в представлениях многих исследователей, убежденных в том, «что все защитники “малых дел” отрицали “большие дела” (то есть общественные преобразования, призванные не улучшить сложившуюся структуру общественных отношений, а принципиально ее изменить)», «существенно упрощается понимание причин и характера народнической полемики о механизме общественных преобразований страны»⁵⁶. Это подтверждается изучением теоретического наследия Абрамова и некоторых других народнических публицистов. Примечательно, что В. В. Зверев, автор работ, принципиально изменивших представление о деятельности народничества 1880–1890-х годов, констатирует весьма существенный факт: «Не герой, а образованный, трудолюбивый работник – вот идеал Абрамова. В этом его позиция расходилась с точкой зрения как Михайловского, так и Юзова. Первый склонен был считать людьми интеллигентными прогрессивно настроенных представителей интеллектуальных профессий (профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений, литераторы, ученые). Вторым огульно причислял интеллигенцию к “просвещенной бюрократии” (чиновники, инженеры, офицеры и т.п.). Абрамова не устраивали ни критерии по профессионально-образовательному признаку, ни оценка прогрессивности, которая, по его мнению, должна была зависеть от характера конкретной деятельности. Иными словами, истинная интеллигенция – это “трудовая интеллигенция”. <...> К этой интеллигенции и обращался в своих работах Абрамов...»⁵⁷.

Мы привели столь пространную цитату с той целью, чтобы подчеркнуть: позиция Я. В. Абрамова отличалась от установок лидеров двух течений в реформаторском народничестве – политического и культурнического, причем, принципиально, и не только в решении вопроса «народ и интеллигенция», но и по ряду других основополагающих идей народнического мировоззрения (отрицательное отно-

шение к капитализму, идеализация крестьянской общины, недооценка деятельности демократической интеллигенции, постулаты субъективной социологии). Что же касается «героя» и «идеала» Абрамова, то в трактовке роли «образованного класса», интеллигенции он в такой же мере сближался с И. С. Тургеневым, Л. А. Полонским, К. Д. Кавелиным, в какой дистанцировался от народнических идей «почвы», «чувства», «общины» и пр.

Итак, мысль И. С. Тургенева, одного из последовательных сторонников «постепеновства снизу», о том, что Россия переживает переходный период и «вступила в эпоху только полезных людей», которые являются «лучшими людьми», была, безусловно, близка Абрамову. Об этом свидетельствуют его программная статья «Малые и великие дела» и художественные произведения, которые учеными-историками, анализирующими позиции великого просветителя, не учитываются вообще. Естественно, что Абрамов идею «практической работы снизу» соотносил с историческими условиями России 1880–1890-х годов, потому трактовки «постепеновства снизу» его, с одной стороны, и мыслителей круга Тургенева, – с другой, не могли быть идентичными. Демократическое просветительство, суть которого раскрывалась в программных высказываниях Тургенева, публициста «Вестника Европы» и «Страны» Л. А. Полонского, в определенной мере в статьях либерально-демократической направленности К. Д. Кавелина и П. В. Анненкова, вбирала в себя социально-нравственные идеологемы просветительства 1860-х годов, освобожденного при этом от революционно-радикального пафоса. Речь шла о принципиально ином, мирном пути общественного развития в целях кардинального изменения условий жизни и труда широких слоев крестьянства и трудового народа, но в рамках постепенного совершенствования реально сложившихся социальных отношений. Но и с теорией «малых дел» идеологов реформаторского народничества Абрамов соглашался далеко не во всем. На последнее обстоятельство уже обратили внимание ученые⁵⁸.

В статье «Малые и великие дела» (1896) Я. В. Абрамов наметил целую программу работы интеллигенции, «посвятившей свою жизнь служению народу», определил цели и пути реализации «задач человеческой цивилизации»⁵⁹, в частности, ту задачу «передачи цивилизации народу», которую выдвигал И. С. Тургенев перед демократически настроенной интеллигенцией еще в начале 1860-х годов⁶⁰. Аб-

рамов имел в виду не просто «школы», «аптеки» и «библиотеки», а комплексную работу интеллигенции, управленческих структур и поддержку ими исторических инициатив народа во имя мирного прогресса общества в целом, работу, основанную на глубоком изучении закономерностей социально-исторического, этнокультурного развития страны и опыта поисков в самой народной среде новых форм социальной организации⁶¹.

В суждениях о прогрессе, о необходимости «работать в народе», о роли просвещения масс и т.д. Я. В. Абрамов во многих моментах сближался с В. П. Воронцовым, а также И. И. Каблицем и другими теоретиками «малых дел». Но его сущностное несовпадение с позициями культурников-«почвенников» заключалось в отрицании той роли крестьянской общины, которую отводили ей социологи и публицисты «Недели». В отличие от многих из идейного окружения Абрамова у него не было исторических иллюзий относительно позитивных и носящих в себе «зародыши будущего» сторон общинного уклада жизни. Об этом можно судить, анализируя художественные произведения писателя. Их герои, становившиеся очевидцами разложения крестьянского «мира», по сути, были «оппонентами» многих основополагающих идей апологетов «почвы», «эмоционального» начала, этнокультурной и социально-психологической специфики русского народа.

Итак, концепцию «постепенности снизу» следует рассматривать как тенденцию и традицию в теории эволюционизма, которые мог воспринимать и творчески развивать в общественно-исторических условиях и культурном контексте 1880–1890-х годов Я. В. Абрамов. Как и И. С. Тургенев, он считал, что для прогрессивных перемен необходимы совместные усилия интеллигенции и народа. Целевые установки «добро делать помаленьку» продиктованы, таким образом, характером жизни, общественной ситуацией в России: «скромная деятельность» в народной среде – это не универсальное, а исторически обусловленное средство «постепенного развития». Видение перспектив социально-исторического развития, преходящего характера «малых дел», понимание ограниченности заурядного реформизма было свойственно представителям демократического просветительства.

Социально-философская концепция эволюционного развития, которая последовательно утверждалась как Тургеневым, так и Абрамовым, основывалась на противопоставлении скачкообразно-ре-

волюционному типу общественных преобразований эволюционно-постепенного, предполагающего широкую просветительскую, культуротворческую деятельность и целесообразное совершенствование всех составляющих современного строя, уклада жизни. Концепция «постепенности», эволюционизма Тургенева, органично связанная с идеей самоорганизации, не соотносилась как с «органологической» (аналогии социального и органически-живого), так и с феноменологической направленностью теории эволюционизма, проявившихся, с одной стороны, в философии Г. Спенсера, позднее – Э. Дюркгейма, Э. Б. Тайлора (социально-биологическая ориентированность), а с другой, – Э. Гуссерля, М. Шелера, М. Хайдеггера, представлявших феноменологическое направление. Но в отличие от И. С. Тургенева, Л. А. Полонского и др. Я. В. Абрамов уже в начале 1900-х годов допускал возможность скачкообразно-революционных преобразований, однако только в том случае, когда объективно-исторические факторы препятствуют осуществлению целей «постепенности снизу» во имя «мирного перехода к социалистическому строю». В этом смысле писатель-публицист отличался и от теоретиков народничества, рассматривавших социализм «как конечную цель, достигаемую... эволюционным путем», как «идеал неопределенного будущего».

Доктрину мирного, эволюционного движения России к социализму отстаивали и теоретики легального народничества Н. К. Михайловский, И. И. Каблиц-Юзов, В. П. Воронцов, С. Н. Кривенко, Л. Е. Оболенский. Я. В. Абрамов в этом отношении не представлял собою исключения. В концепции же «скромной деятельности» «помощников народа» идеологов демократического просветительства можно искать истоки синтеза программ «работы в народе» «культурников» двух последних десятилетий XIX века и принципов эволюционизма («постепенности снизу»), составлявших основу общественной программы, которая сформировалась у Абрамова-народника в 1880–1890-е годы, а также тех особенностей творчества, которые во многом определялись его нравственно-просветительскими целями. В отличие от либералов, поднимавших вопрос о «политических свободах»⁶², представители демократического просветительства, в их числе и Тургенев, и Абрамов, этим не ограничивались, привлекая внимание русского общества и к «свободам гражданским».

Почему П. Л. Лавров писал о том, что Тургенев, имея в виду цели социокультурного прогресса России, отказывал либералам, в том

числе и из числа «близких ему», в достижении этих целей? 26 февраля (10 марта) 1881 г. в момент наивысшего напряжения общественного кризиса в России Тургенев писал, например, Кавелину: «Пора нашей партии (если можно так выразиться) выступить с совершенно ясной, подробной и обстоятельной программой, чем мы отличимся и от славянофилов, и от революционеров, и даже от самого правительства. В “Стране” Полонский (о котором я такого же высокого мнения, как и Вы) уже наметил некоторые важнейшие пункты»⁶³. Но в такую «партию» не могли объединиться деятели типа Кавелина, поскольку в отличие от представителей демократического просветительства они представляли «специфическую форму общественного сознания» – «русский просветительский либерализм» (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев и др.). Идеологи просветительского либерализма пытались «обосновать такой вариант общественной перестройки, который, не разрывая с традицией, предполагал решающую роль в ней государственной власти в союзе с мыслящей частью русского общества»⁶⁴. Если традицией демократического просветительства предусматривалось «постепеновство снизу», то традицией просветительского либерализма – «постепеновство сверху». Когда в российском либерализме 1880-х – начала 1890-х гг. произошел раскол на два течения: земский и городской («профессорский»), то даже земские либералы ратовали за проведение преобразований «сверху». Но то, что «либеральные реформы, перевернувшие весь прежний жизненный уклад, зашли в тупик», было ясно даже консервативно настроенной части русского общества⁶⁵.

И. С. Тургенев в конце 1870-х годов с идеалами демократического просветительства связывал «борьбу за лучшую будущность России», подчеркивая, что «решительно разочаровался» в «реформах сверху»⁶⁶. Я. В. Абрамов уже с самого начала 1880-х годов актуализировал существенные аспекты проектной программы «постепеновства снизу», что было вполне закономерно, поскольку в области социологии реформаторское народничество разделяло идеи эволюционизма. Его концепция социокультурной эволюции была гораздо ближе к тургеневской программе «постепеновства снизу», чем, скажем, к идеям «демократического реформизма» М. М. Ковалевского⁶⁷.

Итак, идеям радикализма и либерального просветительства в эпоху, когда «все перевернулось и только укладывалось», была противопоставлена альтернатива – концепция постепенного про-

гресса, мирной эволюции России средствами «постепеновства снизу». Идеология и социальная философия демократического просветительства в лице И. С. Тургенева, Л. А. Полонского, таких народнических теоретиков 1880–1890-х годов, как Я. В. Абрамов, синтезирующий стратегические и тактические тенденции программ «постепеновцев снизу» и народников-культурников, имеет все основания для идентификации в качестве особого течения русской общественной мысли второй половины XIX века.

¹ *Твардовская В. А.* «Малых дел теория» («абрамовщина») // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. Стлб. 980.

² *Зверев В. В.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997. С. 363–365.

³ *Мокшин Г. Н.* Проблема типологии идейно-тактических направлений в легальном народничестве // *Общественная мысль и общественное движение в России пореформенного времени* : сб. ст. Воронеж, 2005; *Он же.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 65–66; *Он же.* Что такое «абрамовщина»? (К истории одного мифа о Я. В. Абрамове) // *НаукаПарк : научно-практический многопредметный журнал.* 2015. № 10 (40). С. 24–28.

⁴ *Бялый Г. А.* Основные направления в журналистике, публицистике и критике // *Очерки по истории русской журналистики* : в 2 т. Т. 2. Л., 1965. С. 241.

⁵ *Харламов В. И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х годах XIX века // *Революционеры и либералы России.* М., 1990. С. 163–185.

⁶ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Соч. : в 15 т. Т. 15. М. ; Л., 1968. С. 184–185.

⁷ *Новак С. Я.* Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» // *Отечественная история.* 1997. № 4. С. 83–84.

⁸ *Новак С. Я.* Я. В. Абрамов – исследователь народной жизни // *За лучшую будущность России : к 150-летию со дня рождения Якова Васильевича Абрамова, общественного деятеля, публициста, критика* : биобиблиографические мат-лы. Ставрополь, 2008. С. 26.

⁹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. Т. 13. Кн. 1. М. ; Л., 1968. С. 49, 72.

¹⁰ *И. С. Тургенев в воспоминаниях современников* : в 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 163.

¹¹ Там же. Т. 1. С. 362–363.

¹² Там же. С. 361.

¹³ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. Т. 10. М. ; Л., 1965. С. 295–296.

- ¹⁴ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Соч. : в 15 т. Т. 15. С. 58.
- ¹⁵ Либеральный лагерь в 1850–1870-е гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.studme.org/17790821/istoriya/liberalnyu_lager_1850-1870-e (дата обращения: 03.05.2016).
- ¹⁶ [Абрамов Я. В.] *Федосеевец* Программа вопросов для собирания сведений о русском сектантстве // Отечественные записки. 1881. № 4. Отд. 2. С. 255–280; № 5. Отд. 2. С. 123–162.
- ¹⁷ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Соч. : в 15 т. Т. 15. С. 59.
- ¹⁸ Там же. С. 60, 61.
- ¹⁹ *Бялый Г. А.* Тургенев и русский реализм. М., 1962. С. 231.
- ²⁰ Литературная мысль. Кн. 1. Пг., 1922. С. 198.
- ²¹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. Т. 12. Кн. 1. М. ; Л., 1966. С. 21, 39.
- ²² Там же. Т. 13. Кн. 1. С. 73.
- ²³ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1. С. 419.
- ²⁴ Либеральный лагерь в 1850–1870-е гг.
- ²⁵ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1. С. 365, 362.
- ²⁶ Там же. С. 381.
- ²⁷ Там же. С. 366.
- ²⁸ Там же. С. 362.
- ²⁹ Там же. С. 363.
- ³⁰ *Алафаев А. А.* Русский либерализм на рубеже 70–80-х годов XIX века. Из истории журнала «Вестник Европы». М., 1991. С. 171.
- ³¹ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1. С. 379.
- ³² *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. Т. 12. Кн. 1. С. 446; *Он же.* Там же. Т. 10. С. 296.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 295–296.
- ³⁶ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. Т. 11. М. ; Л., 1966. С. 32–33.
- ³⁷ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. Т. 10. С. 296.
- ³⁸ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 2. С. 161.
- ³⁹ Там же. Т. 2. С. 163; *Он же.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. Т. 10. С. 296.
- ⁴⁰ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1. С. 388–389.
- ⁴¹ *Зеленин Ю. А.* Рец. на кн.: История и историография правого народничества : сб. ст. Воронеж, 2014. 296 с. // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 175.
- ⁴² И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1. С. 419.
- ⁴³ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Соч. : в 15 т. Т. 15. С. 74.

- ⁴⁴ *Абрамов Я. В.* Малые и великие дела // Книжки «Недели». 1896. Июль. С. 226.
- ⁴⁵ Там же. С. 222, 216, 222.
- ⁴⁶ Там же. С. 220, 226, 227.
- ⁴⁷ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. Т. 11. С. 34.
- ⁴⁸ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1. С. 464.
- ⁴⁹ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. Т. 5. М. ; Л., 1963. С. 52.
- ⁵⁰ *Зверев В. В.* «Теория малых дел» Я. В. Абрамова // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России / под ред. В. М. Головки. Ставрополь, 2013. С. 70–104.
- ⁵¹ *Жуков В. Н.* Либерализм // Русская философия : Энциклопедия. М., 2007. С. 297.
- ⁵² *Абрамов Я. В.* Малые и великие дела. С. 217, 216, 215, 224.
- ⁵³ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. Т. 10. С. 296; Т. 11. С. 33, 34; Соч. : в 15 т. М. ; Л., 1966. Т. 12. С. 208–209.
- ⁵⁴ *Абрамов Я. В.* Малые и великие дела. С. 216, 227, 220, 222, 223.
- ⁵⁵ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. Т. 13. Кн. 1. С. 266.
- ⁵⁶ *Мокшин Г. Н.* Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. С. 20.
- ⁵⁷ *Зверев В. В.* Эволюция народничества : «теория малых дел» // Отечественная история. 1997. № 4. С. 87.
- ⁵⁸ Там же. С. 87.
- ⁵⁹ *Абрамов Я. В.* Малые и великие дела. С. 221, 224.
- ⁶⁰ *Головки В. М.* И. С. Тургенев и «дело 32-х» (из истории идейного разрыва с А. И. Герценом) // Творчество И. С. Тургенева : Проблемы метода и мировоззрения : сб. науч. тр. Орел, 1991. С. 3–24.
- ⁶¹ *Абрамов Я. В.* Малые и великие дела. С. 220, 223, 226.
- ⁶² Либеральный лагерь в 1850–1870-е гг.
- ⁶³ *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем : в 28 т. Письма : в 13 т. Т. 13. Кн. 1. С. 68.
- ⁶⁴ *Ерыгин А. Н.* Философия истории русского либерализма второй половины XIX века (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин) : дис. ... д-ра ист. наук. Ростов н/Д., 1992. С. 391.
- ⁶⁵ *Котов А. Э.* Контрреформы и консерваторы в 1870-х – 1890-х гг. : опыт разочарования. [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: http://www.-actualhistory.ru/XIX_counter-reformers (дата обращения: 03.05.2016).
- ⁶⁶ И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1. С. 383, 379.
- ⁶⁷ *Хайлова Н. М. М.* Ковалевский : «Без терпимости нет свободы...» // Российский либерализм : идеи и люди. М., 2007. С. 460.

Народническое прошлое земских статистиков

Земскую статистику с полным основанием можно считать уникальным явлением русской общественной жизни пореформенного периода. Ее появление было продиктовано следующими главными практическими потребностями хозяйственной деятельности земств: необходимостью определения налогооблагаемой базы крестьянских и частновладельческих земель и установления дифференцированной ставки налогообложения для пополнения своих бюджетов; обеспечением продовольственной безопасности сельского населения в случае неурожая. С расширением внутреннего рынка страны возникла потребность в бюджетных исследованиях крестьянских семей с целью выработки основных положений бюджетной политики. Статистические данные были нужны для открытия земских школ и больниц.

Во второй половине 1870-х гг. при губернских земских управах начинают создаваться статистические отделы (бюро). К середине 1880-х гг. они существовали уже в 19 земских губерниях. Их возглавили лица, участвовавшие, в той или иной степени, в народническом движении 1860–1870-х гг., но по ряду причин, главной из которых являлось неприятие террора как средства политической борьбы, отошедшие от него. Главным образом, из «вчерашних» народников комплектовался и штат рядовых сотрудников. «Первые кадры их (земских статистиков. – С. Л.), несомненно, образовались из активных народников, тех, что или “ходили” ранее в “народ”, или видели в экспедиционных работах осуществление их мечты – проникнуть легально в народную среду и детально изучить ее. Вообще в первое время земскими статистиками делались люди принципиальные, искренно стремившиеся принести народу пользу, как они ее понимали...», – отмечает в своих воспоминаниях И. П. Белоконский¹. По мнению А. В. Пешехонова, «земская статистика создалась под непосредственным влиянием того властного стремления к сближению с народом во имя его и своих интересов, которым 20–30 лет тому назад была охвачена русская интеллигенция»².

Земская статистика стала не просто сосредоточением «бывших народников»; фактически они ее возглавили. «Большинство стати-

стиков, – вспоминал земский врач, публицист и общественный деятель С. И. Мицкевич, – были люди народнически настроенные, а позже, в конце 90-х и начале 900-х годов, среди них появилось уже немало и марксистов <...>, но марксисты, за исключением П. П. Румянцева, не допускались к руководству земской статистикой, которое до конца оставалось в руках народников или кадетов»³.

Среди земских статистиков можно условно выделить две группы участников народнического движения: 1) активных участников; 2) те, кто не вели революционной пропаганды, но были знакомы, поддерживали контакты с «политически неблагонадежными», с точки зрения Департамента полиции и губернских властей, лицами.

Представителей первой группы численно очень мало. К ней можно отнести таких видных теоретиков и практиков земской статистики как И. П. Белоконский, В. Н. Григорьев, И. М. Красноперов, С. А. Харизоменов.

И. П. Белоконский в 1870-е гг., работая сельским учителем в Киевской губернии, вел революционную пропаганду среди крестьян. В 1879 г. подвергся аресту и высылке в Восточную Сибирь. Вернувшись из ссылки, вступил в ряды земских статистиков, став одним из первых историков земства.

В. Н. Григорьев, вместе с В. Г. Короленко, К. А. Вернером и другими студентами Петровской земледельческой и лесной академии, в которой он учился, участвовал в подаче коллективного студенческого протеста руководству вуза, за что в 1876 г. был арестован и выслан в Вятскую губернию «под надзор полиции». В июле 1877 г. его освободили от полицейского надзора, а в апреле 1879 г. вновь «привлекли к дознанию по обвинению в государственном преступлении, в виду полученных сведений в том, что он, будто бы, вместе с студентом Епифаном Панкеевым принимает деятельное участие в печатании революционных изданий»⁴. Проведя несколько дней в доме предварительного заключения, В. Н. Григорьев, без предъявления обвинения, был отпущен на свободу и вскоре поступил на земскую службу в статистический отдел.

Опыт нелегальной деятельности И. М. Красноперова и особенно С. А. Харизоменова более богатый. Красноперов, поступив в Казанский университет, вместе с другими революционно настроенными студентами организовал здесь подпольный кружок, целью которого являлась «пропаганда о сознании настоящего положения и полити-

ческих прав народа посредством прокламаций и других летучих листов»⁵. В начале марта 1863 г. в Казань, с целью установить связь с местными революционными группами, приехал член Петербургской землевольческой организации поручик 48 пехотного полка М. А. Черняк. Он предложил участникам подпольного кружка, в состав которого входил И. М. Красноперов, начать подготовку крестьянского восстания в Поволжье. Предполагалось захватить Казань, сделав ее центром восстания, а затем поднять крестьян Поволжья, Урала, Сибири и двинуться на помощь польским повстанцам. Однако подготовка закончилась, не успев начаться. 19 марта⁶ 1863 г. все члены кружка были арестованы. Красноперова приговорили к «лишению всех прав состояния» и ссылке на каторгу сроком на восемь лет. Но в заключении он пробыл недолго. «Всемиловнейшим повелением» от 10 августа 1867 г. все участники, так называемого, «казанского заговора» были помилованы⁷.

Думается, из всех земских статистиков самым активным участником народнического движения 1870-х гг. с полным правом можно считать С. А. Харизоменова. Он вел пропаганду среди астраханских рыбаков, уральских рабочих, участвовал в организации землевольческих поселений в Саратовской и Тамбовской губерниях⁸. При этом Харизоменов ни разу не был арестован, а его фамилия так и осталась неизвестной Департаменту полиции.

Подавляющее большинство земских статистиков в освободительном движении участвовали опосредовано. К примеру, статистик Тверской губернии В. И. Покровский еще в 1866 г. привлекался к дознанию по делу о покушении на царя Д. М. Каракозова и два месяца провел в заключение в Петропавловской крепости. На этом его «революционная деятельность» и закончилась. В ноябре 1869 г. он получил разрешение поступить на государственную службу в окружной суд г. Ржевска Тверской губернии, а в апреле 1871 г. был вообще освобожден от полицейского надзора. С 1871 г. Покровский возглавил земское статистическое бюро Тверской губернии и оставался в должности его руководителя до 1893 г. включительно.

Одного из корифеев земской статистики, В. И. Орлова, в 1876 г. арестовали за участие в собраниях «Всероссийской социально-революционной организации», но за отсутствием улик отпустили. В июле 1877 г. «по высочайшему повелению» дело в отношении него

было прекращено, «с отменой установленного за ним надзора». Больше к дознанию Орлов не привлекался.

Казанского статистика К. В. Лаврского следственная комиссия в 1863 г. «за участие в приготовлении к вооруженному восстанию» приговорила к 8 годам каторжных работ, но затем выяснилось, что он активного участия в подготовке восстания не принимал и был «высочайше помилован». Другой служащий Казанского земского статистического бюро, П. И. Неволин, обвинялся властями «в рассылке прокламаций» на основании «сходства его почерка с почерком писавшего на конвертах, в которых были вложены прокламации, адреса крестьян». Однако расследование о распространении прокламаций не дало никаких результатов и все обвинения с Неволина сняли.

Один из ведущих земских статистиков Черниговской губернии, основоположник отечественной промышленной статистики В. Е. Варзар, находясь в 1874 г. в Швейцарии, познакомился с русскими революционерами-эмигрантами, в том числе с П. Л. Лавровым, вступил в кружок «лавристов» и написал, ставшую широко известной в революционной среде, пропагандистскую брошюру «Хитрая механика». Но вскоре отошел от революционного движения.

Ф. А. Щербина, получивший известность своими экономико-статистическими трудами по Воронежской губернии, до того как вступить в ряды земских статистиков вел пропаганду среди одесских рабочих и занимался изысканием денег для оказания помощи их семьям.

Некоторые статистики под надзором полиции оказались благодаря ложным доносам. Именно это случилось с первым заведующим Саратовским земским статистическим бюро Л. С. Личковым. В 1876 г. его, по доносу крестьянина Архангельской губернии Растворова, «привлекли к дознанию» по обвинению в «принадлежности к тайному сообществу, занимавшемуся распространением в народе социально-революционных идей». Но за отсутствием улик дело в отношении Личкова было прекращено «с отменой мер пресечения способов уклониться от следствия»⁹. На саратовского статистика Е. И. Исупова так же был сделан ложный донос «с целью «помешать его браку», но, несмотря на это, губернское жандармское управление установило за ним негласное наблюдение «как за человеком сомнительного направления...»¹⁰.

Н. Ф. Анненский стал «политически неблагонадежным» в глазах Департамента полиции после женитьбы на родной сестре идеолога русского бланкизма П. Н. Ткачева – А. Н. Ткачевой. А «за поддержание сношений с лицами сомнительными в политическом отношении» Анненский в административном порядке был выслан в Тобольскую губернию¹¹.

Согласно подсчетам Е. Г. Корнилова, в освободительном движении 1870-х гг. участвовало и подверглось, в той или иной мере, наказанию 44 земских статистика¹². Справедливости ради, следует отметить, что наказание не было столь уж суровым. Главным образом оно сводилось к установлению гласного или негласного надзора за «политически неблагонадежным». Впрочем, «наиболее опасные» из них, с точки зрения Департамента полиции, подвергались административной высылке в отдаленные губернии, как например: Н. Ф. Анненский, И. П. Белоконский, К. А. Вернер, В. Н. Григорьев, П. П. Червинский, Ф. А. Щербина. Но, как правило, высылка оказывалась не долговременной. Так, П. П. Червинский и Ф. А. Щербина пробыли в ссылке по четыре года, Н. Ф. Анненский – менее трех лет, В. Е. Варзар и К. А. Вернер – менее года. Дольше всех в ссылке находился И. П. Белоконский – целых шесть лет.

Большинство участников народнического движения, ставших земскими статистиками, являлись студентами Петровской сельскохозяйственной и лесной академии, находившейся в ведении Департамента земледелия и лесной промышленности. Основанная в 1865 г. в казенном имении «Петровско-Разумовское» под Москвой, она отличалась демократизмом внутренней жизни. До 1872 г. в студенты академии принимались лица без вступительных экзаменов, а переводные, с курса на курс, экзамены сдавали только стипендиаты. Естественно это давало возможность поступить в нее представителям самых различных социальных слоев. 31 января 1872 г. были приняты новые, более жесткие, правила поступления. Студентами академии могли стать только лица с гимназическим образованием, а ежегодные переводные экзамены стали обязательными для всех студентов. Безусловно, демократичная обстановка, сложившаяся в академии, способствовала формированию народнических убеждений ее студентов и выпускников.

Отвергнув крайние революционные методы борьбы с правительством (в 1870-е годы), земские статистики избрали иной путь

участия в общественно-политической жизни страны – либерально-демократический, ненасильственный; путь политических и экономических реформ, путь «малых дел», заключавшихся в том, чтобы, как выразился В. В. Святловский, «поучать и просвещать (скромно и легально)...»¹³. Поступив на земскую службу, вчерашние народники ушли в нее с головой. Они получили возможность легально изучать крестьянскую жизнь и хозяйство, к чему стремились в 1870-е гг., стали востребованными специалистами со стабильным денежным жалованьем, занимали, особенно руководители статистических отделов, определенное место в губернском обществе. Так, возглавлявший самарскую земскую статистику И. М. Красноперов снимал особняк в центре города, имел собственный дачный загородный дом, содержал штат прислуги из шести человек и собственный экипаж. Руководитель Саратовского земского статистического бюро С. А. Харизоменов получил личное дворянство, имел свой дом в Саратове, а в Балашовском уезде губернии купил небольшое имение.

Курскому статистику И. А. Вернеру в середине 90-х гг. XIX в. принадлежал магазин в Москве по продаже фонографов, который приносил свыше 15000 рублей годового дохода. Саратовский статистик В. И. Серебряков имел земельный участок под Геленджи-ком, на котором занимался выращиванием винограда на продажу. Его коллега Н. Н. Черненко владел землей в Симбирской губернии¹⁴. Служащий земского статистического отдела Тверской губернии Д. И. Рихтер в 1890 г. занял должность заведующего отделом статистики Дворянского банка.

Все это естественно не располагало земских статистиков к участию в нелегальной антиправительственной деятельности. Нельзя не согласиться с высказыванием исследователя Е. Г. Корнилова, что «для многих земских статистиков непосредственное участие в революционной борьбе было уже делом прошлого. Слабость революционных убеждений, суровость понесенного наказания, разочарование в возможности достижения поставленных целей, все это обусловило отказ значительной части земских статистиков от революционных методов борьбы и привело их в лагерь либерального народничества»¹⁵.

Действительно, среди участников народнического движения 1870-х гг., ставших затем земскими служащими, сторонников радикальных методов борьбы с правительством мы не найдем. С. А. Харизоменов, принимавший участие в Воронежском съезде земле-

вольцев, поддержал Г. В. Плеханова, резко выступившего против террора, и готов был покинуть съезд следом за ним. Л. Г. Дейч впоследствии вспоминал, что Харизоменов всегда «высказывался решительно против террора, считал его несовместимым с деятельностью в народе»¹⁶. Категорически против террора высказывались Н. Ф. Анненский, И. М. Красноперов, В. Н. Григорьев, В. Е. Варзар, П. И. Неволин, А. В. Пешехонов, И. П. Белоконский, Ф. А. Щербина и другие участники народнического движения, связавшие свою жизнь с земской службой¹⁷.

Отойдя от революционного движения, будущие статистики не сразу стали земскими служащими. И. М. Красноперов, выйдя из заключения, пробовал свои силы на педагогическом поприще, преподавая весной и летом 1871 г. историю и географию на курсах подготовки сельских учителей в Ставрополе-на-Волге (современный город Тольятти Самарской области. – С. Л.), где учительствовали такие видные народники как С. Ф. Чубаров и С. Л. Перовская. С 1874 г. по 1882 г. И. М. Красноперов трудился преподавателем русского языка, истории и географии в Рославльском техническом железнодорожном училище, но весной 1882 г. из-за конфликта с новым начальством училища был вынужден его покинуть. С. А. Харизоменов с 1882 г. по 1884 г. вместе с В. С. Пругавиным, по заданию комиссии по организации Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г., занимался изучением кустарных промыслов Владимирской губернии. Ф. А. Щербина, вернувшись из ссылки, занимался изучением Кубани. На протяжении пяти лет он собирал и обрабатывал материал по истории заселения региона, формах крестьянского землевладения и землепользования, записывал местный фольклор и т.д. К. А. Вернер, после отбытия наказания, поступил на военную службу, которую проходил на Кавказе.

Некоторые статистики обращались к правительству с просьбой разрешить им работать в государственных учреждениях, уверяя, что окончательно порвали со своим народническим прошлым. К примеру, руководитель тамбовской земской статистики Н. Н. Романов в своем письме на имя управляющего Дворянским земельным банком просил «позволить» ему «служить в центральном управлении» банка, а черниговский статистик П. П. Червинский – «в местных учреждениях Крестьянского или Дворянского банков»; при этом оба заявляли о своей «политической благонадежности»¹⁸. Заведующий

земским статистическим отделом Курской губернии И. А. Вернер обратился к директору Департамента полиции с просьбой снять с него полицейский надзор и разрешить занимать должности на государственной службе. «Смею заверить ваше превосходительство своим честным словом, – писал он, – что я оправдаю такое доверие и окажусь верным подданным моего государя»¹⁹.

Тем не менее, в глазах коронной администрации земские статистики оставались «лицами политически неблагонадежными». По данным Департамента полиции на 1882 г. из 232 земских статистиков, числившихся на земской службе, «76 или немного более одной трети (подчеркнуто в тексте. – С. Л.) всего их состава, представляются неблагонадежными в политическом отношении»²⁰. Например, в Московской губернии из 13 земских статистиков все были признаны губернскими властями политически неблагонадежными, в Рязанской губернии из девяти служащих статбюро – шестеро, в Саратовской – из семи – пятеро²¹.

Преследования земских статистиков начались с циркуляра директора Департамента полиции В. К. Плеве от 30 июня 1882 г. за № 2307, предназначенного губернаторам земских губерний. «Замечено в последнее время, – говорится в циркуляре, – что многие лица весьма сомнительной политической благонадежности, поступая на службу в земства, посвящают себя занятиям по статистической части, в большинстве случаев представляющих возможность разъездов по деревням и легкого общения с сельским населением. В виду этого, признав необходимость обратить на это явление особое внимание, Департамент государственной полиции, предварительно каких-либо по сему поводу распоряжений, имеет честь просить ваше превосходительство не отказать в доставлении следующих сведений: 1) устроено ли и на каких началах в земских учреждениях вверенной Вам губернии управление или заведывание статистическою частью и 2) из каких лиц управление это состоит. При этом Департамент покорнейше просит ваше превосходительство не отказать в списке лиц, занимающихся в ведении земства собиранием и разработкою статистических данных, поместить и подробные сведения о прошедшем лиц, упомянутых в списке, буде таковые сведения имеются»²².

В 1886 г. появляется новый «секретный» циркуляр, но уже за подписью министра внутренних дел Д. А. Толстого, требовавший не

допускать к «занятиям статистикой лиц политически неблагонадежных»²³.

Правительственные секретные распоряжения с требованиями проверки на «политическую благонадежность» претендентов на земскую службу, препятствовали продуктивной работе статистических отделов. Эти распоряжения губернские власти на местах воспринимали как руководство к действию, и при всяком удобном случае, добивались увольнения с земской службы политически неблагонадежных статистиков, а для претендентов на должности служащих статбюро устраивали тщательные и неоднократные проверки на «политическую благонадежность». Земства столкнулись, образно говоря, с кадровым дефицитом. Это самым негативным образом сказывалось на их хозяйственной и культурно-просветительской деятельности.

Недоверчивое отношение коронной администрации к статистикам сохранялось на всем протяжении существования земской статистики.

Итак, подавляющее большинство земских статистиков опосредованно участвовали в народническом движении. Среди них, как впрочем, и среди активных его участников, не оказалось ни одного сторонника террора. Подвергнувшись допросу, аресту, ссылке, они отошли от нелегальной деятельности и выбрали путь «малых дел». Большая часть их осталась верна народническим идеалам. «Вчерашние» народники на земской службе оказались компетентными специалистами и ответственными работниками. Думается, не будет значительным преувеличением заявить, что именно они создали эффективную систему учета и аналитической обработки статистических данных. Проведенные ими переписи крестьянских хозяйств, представили земству, правительству, общественности полную и объективную картину экономического положения крестьянского хозяйства страны, а работы по оценке земель сельскохозяйственного назначения, городской и сельской недвижимости позволили значительно расширить налогооблагаемую базу и пополнить земские бюджеты. Материалы земской статистики и сегодня являются ценным историческим источником.

¹ *Белокопский И. П.* В годы бесправия. Воспоминания. М., 1930. С. 49.

² *Пешехонов А. В.* Внешние условия земско-статистических работ // Труды подсекции статистики XI съезда русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге 20–30 декабря 1901 г. СПб., 1902. С. 473.

³ Мицкевич С. И. Революционная Москва 1889–1905. М., 1940. С. 66.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 78. 1882 г. Д. 625. Ч. 2(3). Л. 208; Деятели революционного движения в России : Биобиблиографический словарь. Т. 2. Вып. 1. М., 1929. С. 313.

⁵ ГАКО. Ф. 582. Оп. 58. Д. 114. Л. 10.

⁶ Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

⁷ И. М. Красноперов вспоминал, что время, проведенное в заключении, использовал с пользой – выучил английский, итальянский и немецкий языки. См.: *Красноперов И. М. Записки разночинца*. М. ; Л., 1929. С. 101–102.

⁸ Подробнее об участии С. А. Харизоменова в народническом движении см.: *Левин С. В. С. А. Харизоменов в русском освободительном движении 70-х гг. XIX в. // Освободительное движение в России*. Саратов, 1999. Вып. 17. С. 39–53.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 78. 1882 г. Д. 625. Ч. 2(3). Л. 214.

¹⁰ Там же. Ч. 1(3). Л. 81–81 об.; Ч. 2(3). Л. 213–213 об.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.

¹² *Корнилов Е. Г. Земские статистики и служащие земских управ в революционном движении 70-х годов XIX века // Общественно-политическая мысль и классовая борьба в России в XVIII–XIX вв. : межвуз. сб. Горький, 1973. С. 103.*

¹³ *Святловский В. В. К истории русской идеологии: развитие взглядов на сущность экономической эволюции России // Народное хозяйство. 1904. Кн. 3. № 5–6. С. 34.*

¹⁴ У И. П. Белоконского имелись все основания относить многих своих коллег «скорее ко “второму”, чем к “третьему” бесцензовому земскому элементу». См.: *Белоконский И. П. Указ. соч. С. 98.*

¹⁵ *Корнилов Е. Г. Земская демократическая интеллигенция и ее участие в революционном движении 70-х гг. XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. С. 19.*

¹⁶ *Дейч Л. Г. «Черный передел» // Историко-революционный сборник. Л., 1924. Т. 2. С. 302.*

¹⁷ Некоторые земские статистики оставили воспоминания о своем участии в народническом движении, которые далеко не всегда правильно интерпретируются, не только историками, но и политиками, общественными деятелями. Так, 20 февраля 2014 г. на губернском портале «samara.ru» депутат Самарской губернской думы, председатель движения «Самара Православная», казачий старшина Д. В. Сивиркин выступил с инициативой исключить из реестра объектов культурного наследия РФ дом, в котором жил И. М. Красноперов, на том основании, что руководитель Самарского губернского земского статистического бюро «отсидел в тюрьме за участие в казанском заговоре 1863 года, финансируемом из-за рубежа польскими

сепаратистами. Чем гордился до конца своих дней (можете почитать его книжонку “Записки разночинца”, насквозь пропитанную ядом ненависти к собственной Родине)». «Существование этого дома в перечне памятников истории и культуры является, на мой взгляд, скрытой формой пропаганды терроризма и экстремизма», – сделал категоричный вывод Д. В. Сивиркин. См.: *Сивиркин Д. В.* «Площадь садиста и психопата Урицкого, памятник разрушителю Ленину на ворованном пьедестале, дом Красноперова... И так далее». [Электронный ресурс]. Режим доступа. URL: <http://www.samara.ru/read/62356> (дата обращения: 27. 10. 2015).

Комментировать данную инициативу представляется нецелесообразным. Необходимо отметить, что ни в «Записках разночинца», ни в других мемуарных свидетельствах И. М. Красноперова не содержится «пропаганды терроризма и экстремизма».

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Оп. 81. 1885 г. Д. 603. Л. 1–1 об.

¹⁹ Там же. Оп. 79. 1883 г. Д. 1563. Л. 21 об.

²⁰ Там же. Оп. 78. 1882 г. Д. 625. Ч. 1(4). Л. 177 об.

²¹ Там же. Л. 176 об.–177.

²² Там же. Л. 8–8 об.

²³ Там же. Оп. 82. 1886 г. Д. 761. Л. 15.

Коновалова О. В.

Идеология неонародничества¹ (по работам В. М. Чернова)

Потребности модернизации страны в конце XIX – начале XX вв. аккумулировали общественную энергию на поиск приемлемой модели дальнейшего развития. Модель крестьянского социализма, предложенная народничеством, в условиях стремительного развития капиталистических отношений оказалась несостоятельной². Задачу обновления народничества, синтеза его идейных постулатов с новейшими достижениями мировой общественной мысли взял на себя будущий лидер и теоретик партии социалистов-революционеров Виктор Михайлович Чернов. Оценивая его вклад в развитие российской общественной мысли, его коллега по партии М. В. Вишняк отмечал, что после смерти Н. К. Михайловского в 1904 г. «Чернов занял его место и в течение почти полувека, заслуженно и достойно нес звание идеолога российского народничества и эсерства»³.

Интенсивное изучение идеологии эсерства началось в советский период⁴. Однако в определении ее сути редуцировались ленинские оценки эсеровской доктрины как мелкобуржуазной, эклектической, антинаучной⁵. В 1990-е гг. часть историков по инерции продолжали придерживаться советской концепции в оценке идеологии неонародничества и взглядов В. М. Чернова⁶. На рубеже веков появились исследования, рассматривающие идеологию эсерства и мировоззрение Чернова с новых методологических позиций, как своеобразный вариант модернизации страны, уникальность которого заключается в попытке соединить ценности западной цивилизации с ценностями традиционной культуры⁷. Новым явлением стала публикация работ, в которых нашла отражение политическая и интеллектуальная биография Чернова⁸.

Впервые в развернутом виде концептуальные основы неонароднической доктрины были представлены Черновым на страницах журнала «Русского богатства». Часть из этих публикаций вошла в сборники его работ «Марксизм и аграрный вопрос» (СПб., 1906); «Философско-социологические этюды» (М., 1907), «Социалистические этюды» (М., 1908), «Земля и право» (Пг., 1917) и др. Впоследствии в годы революции, гражданской войны и последней эмигра-

ции, он конкретизировал, развивал отдельные положения неонароднической доктрины в статьях, опубликованных в журнале «Революционная Россия», в книгах «Конструктивный социализм» (Прага, 1925) «Рождение революционной России (Февральская революция)» (Париж, Прага, Нью-Йорк, 1934) и др.

Обосновывая теоретические основы неонародничества, Чернов стремился дистанцироваться от философских ортодоксий, взяв ценное зерно из социологических теорий классического позитивизма, неокантианства, русской субъективной школы, эмпириокритицизма и марксизма. Такой путь, несмотря на определенную опасность эклектического смешения разнородных теоретических элементов, открывал возможность для плодотворного решения методологических проблем современного научного знания.

Философско-социологическая концепция Чернова строилась на представлении о целостности исторического процесса. По его мнению, современное развитие науки убедительно доказало несостоятельность позиций как идеалистов, так и материалистов, которые представляли исторический процесс либо как результат развития общественного производства, либо как исключительно проявление личной воли субъекта. Это вело к упрощению и искажению сложной картины исторической реальности⁹. Оптимальный подход Чернов видит в признании единства и целостности исторического процесса, при котором его дифференциация на составные элементы возможна лишь как научная абстракция. «Исторический монизм заключается вовсе не в том, чтобы непременно сводить все явления социальной жизни на изменение одного из ее элементов. Есть еще вид монизма, который состоит в понимании искусственности и условности деления социальных явлений на экономические, юридические, идеологические и т.п.»¹⁰.

Чернов признавал, что общественное производство, рост производительных сил играют важную роль в удовлетворении нарастающих потребностей человечества. Однако, по его мнению, экономические отношения не могут считаться первичными, поскольку они сами являются результатом «всей совокупности общественных отношений». Экономические отношения складываются при активном участии людей и несут отпечаток их религиозных, общественно-политических взглядов. «Существо человека и экономическая среда так тесно сливаются в индивидууме, что нет никакой возможности

отделять жизнь экономическую от жизни нравственной. Чтобы подчинить одну из них другой, нужно было бы предварительно разъединить их, а это представляется невозможным». «Оба эти элемента слиты в одном нераздельном процессе развития», – считал он¹¹. Поэтому не следует искать в историческом процессе первичный, единственный источник движения. Только вся совокупность исторических условий в определенной комбинации превращает историческую возможность в необходимость.

Такое понимание исторического процесса позволило Чернову противопоставить материалистическому пониманию закона как чего-то внешнего, самодовлеющего над фактами и явлениями, определяющего их, свое представление, в котором закон выступает как абстрактное понятие, отражающее функциональные связи явлений и единообразное проявление их при сходных условиях. В этом контексте выявляемая закономерность, доказывал Чернов, это не жестко детерминированная необходимость, срабатывающая при любых обстоятельствах, а лишь возможность, альтернативность развития, потенциально заложенная в истории при схожести условий.

Выдвинутое Марксом понимание закономерности исторического процесса, по мнению Чернова, не учитывает альтернативности развития. В этом смысле открытый Марксом процесс зарождения и развития капитализма не является универсальным, утверждал эсер. Он срабатывает лишь при определенных условиях места и времени. Если они меняются, меняется и направленность, динамика, характер развития, и, следовательно, его результаты.

Марксисты, по мнению Чернова, преувеличивали значение действующих в мире всеобщих законов, шаблонизировали человеческую историю. Дистанцируясь от крайностей формационного подхода, он в то же время подчеркивал, что исторический процесс нельзя свести к своеобразию развития отдельных народов и цивилизаций. Размышляя по поводу концепций Н. Данилевского и О. Шпенглера в «Проекте новой партийной программы» (1924 г.), он отмечал, что «универсализм мировой цивилизации и своеобразие, оригинальность составных его частей уже являются не абсолютными, исключаящими друг друга, а относительными... понятиями, друг друга предполагающими и друг друга обуславливающими»¹². Существуют общие тенденции мирового развития, но они по-разному преломляются в различных национальных культурах, – доказывал Чернов.

Эти методологические установки стали базовыми для разработки краеугольного положения неонародничества – концепции типов капиталистической эволюции¹³. Чернов признавал, с одной стороны, что у капитализма есть ряд присущих ему признаков. С другой стороны, он утверждал, что не существует общей универсальной модели капитализма, а есть различные типы капитализма, обусловленные спецификой исторического развития тех или иных стран. В этом плане наиболее удачным идеолог эсерства считал определение капитализма, данное немецким экономистом Ф. О. Герцем. Капитализм – это «такое состояние народного хозяйства, в котором осуществление начал свободного обмена, свободы личности и свободы собственности достигли своего относительно высшего пункта, определяемого для каждого отдельного народного хозяйства эмпирическими условиями его существования и давлением экономического развития»¹⁴.

Важным фактором, влияющим на формирование типа капитализма, по мнению Чернова, являются, во-первых, естественно-природные условия развития страны. Во-вторых, исторические условия, под которыми он подразумевает хозяйственные формы, общественное сознание, особенности политического устройства. От различных комбинаций природных и исторических условий зависит время вступления страны на путь капиталистической эволюции.

В отличие от народников, воспринимавших капитализм как регресс, Чернов признавал положительные, «светлые» стороны современного капитализма. К ним он относил создание крупного машинного производства и «коллективных форм труда», которые, по его мнению, подготавливают условия для будущего социалистического производства и содействуют «объединению в сплоченную сознательную силу промышленных армий наемных рабочих».

Наряду с положительными чертами капитализму, по мнению Чернова, присущи и отрицательные, «темные» черты – анархия производства, кризисы перепроизводства, безработица, эксплуатация, обнищание части населения и т.п. «Капитализм включает в самом себе и разрушительные, и созидательные силы, причем созидательные или положительные стороны капитализма принадлежат ни капитализму, как определенной форме общественного сочетания сил, а самому этому сочетанию сил, крупному производству, кооперации, но которые проявляются не благодаря их капиталистической

оболочке, а, несмотря на нее», – отмечал он в статье «Типы капиталистической и аграрной эволюции»¹⁵.

Чернов усматривал определенное соответствие между временем вступления страны на путь капитализма и соотношением положительных и отрицательных сторон капитализма. Чем раньше страна вступает на капиталистический путь, тем благоприятнее будет соотношение между «темными» и «светлыми» сторонами капитализма. Чем позднее, тем в более короткий срок приходится ей пережить «все метаморфозы, связанные с завоеванием капитализмом внутреннего рынка, тем резче для него хозяйственный переворот, тем концентрированной общая сумма бедствий и страданий, с ним связанных». В этом случае, считал Чернов, «формальное господство капитализма по преимуществу будет ограничиваться сферой эксплуатации, мало проникая в сферу реорганизации самого производства на новейших началах». В странах, с опозданием вступивших на капиталистический путь, «развитие капитализма будет идти более вширь, чем вглубь». Это приводит к недостатку творческих сторон в развитии капитализма при избытке разрушительных¹⁶.

К странам первого типа эволюции, для которого было характерно преобладание «светлых сторон», Чернов относил Великобританию, Францию и США. Крупная промышленность здесь развивалась путем последовательной эволюции, следуя за ростом техники, возрастала концентрация производства. Переход к высшим стадиям в развитии капитализма шел постепенно, создавая соразмерность между процессами отмирания одних форм и нарастания других, между разрушительными и созидательными сторонами¹⁷. Менее благоприятно соотношение «светлых» и «темных» сторон в странах, с опозданием вступивших на путь капитализма, но успевших развить свою крупную промышленность. К ним Чернов относит Германию.

Иначе дело обстояло в России, где, по мнению Чернова, развивался особый тип капитализма, который он квалифицирует как «паразитический». Для этого типа была характерна эксплуатация капиталом непосредственных производителей без соответствующей реорганизации производства из мелкого в крупное, основанное на новейших технологиях. Чернов считал, что складывание специфического типа капитализма в России связано с более поздним вступлением ее на этот путь. Капитализму в России «приходилось делать скачок от примитивных форм эпохи натурального хозяйства прямо к

высшим формам европейской промышленности», и, следовательно, «ни о какой соразмерности, устойчивости и равномерности, последовательности процессов созидательных и разрушительных в России речи быть не может»¹⁸.

Однако не только запоздалостью объясняются специфические особенности российского капитализма. Паразитический тип капитализма – удел стран, по преимуществу, аграрных, доказывал Чернов, опираясь на положения народнических экономистов Н. Ф. Даниельсона и В. П. Воронцова. Страны, поздно вступившие на путь капитализма, рассуждал эсер, не могут эффективно использовать возможности внешнеэкономического фактора для накопления капитала, поскольку на мировом рынке, где они сталкиваются с конкуренцией развитых промышленных стран, они выступают лишь как аграрно-сырьевой придаток. Развитие промышленности в таких странах идет за счет выкачивания средств из деревни, а это приводит к обнищанию основного крестьянского населения, ограничивая его покупательную способность и, тем самым, сужая развитие капиталистического рынка.

Чернов был убежден, что капитализм в сельском хозяйстве проявляет себя преимущественно с деструктивной стороны. Увеличение капиталистической массы товарной продукции в погоне за прибылью неизбежно приводит к истощению естественных ресурсов в земледелии – земли¹⁹. Неблагоприятные условия для развития капитализма в сельском хозяйстве усугубляются низкой его рентабельностью, так как капиталист лишен возможности перенести на потребителя премию за риск и за издержки производства в форме повышения цены продукта, поскольку встречается с конкуренцией мелких производителей и мировой конкуренцией²⁰. Определенные трудности для прогресса в сельском хозяйстве создает земельная рента, ведь в сельском хозяйстве «капитализированная земельная рента образует главную часть всей денежной суммы, которую должен затратить сельский хозяин... в виде арендной платы, или сразу в виде покупной цены земли». Актуальным для развития сельского хозяйства является «рабочий вопрос». Сезонный характер сельскохозяйственного производства ведет к сезонности в востребовании рабочей силы, вызывает сильную текучесть кадров, невозможность создать постоянный контингент квалифицированных работников, умеющих обращаться со сложной техникой. К тому же дешевизна

земледельческого труда делает невыгодным привлечение дорогостоящей сельскохозяйственной техники²¹.

Суммируя отрицательные проявления капитализма в сельском хозяйстве, Чернов приходит к выводу, что капитализм не выполняет в этой сфере экономики своей исторической миссии. «В земледелии капитализм развивает преимущественно свои отрицательные, разрушительные стороны в ущерб творческим, положительным». «Он развивался не столько как высший способ производства, сколько как высший... способ эксплуатации. Его историческая миссия оказалась чисто отрицательной..., он приводил эволюцию аграрного строя в тупой, безвыходный переулоч»²².

Альтернативу крупному капиталистическому производству Чернов видел в крестьянском хозяйстве, которое в отличие от марксистов он не считал мелкобуржуазным, опираясь на труды западноевропейских экономистов Э. Вандервельде, Г. Гатти и положения народнических исследователей. Он доказывал, что крестьянское хозяйство более конкурентоспособно и устойчиво по сравнению с крупным. Сравнительная жизнеспособность, обнаруженная крестьянским хозяйством, определяется, по мнению Чернова, его потребительским характером, способностью крестьянина довольствоваться при продаже своей продукции лишь возмещением затрат на воспроизводство рабочей силы, а не получением прибыли и тем, что в крестьянском хозяйстве постоянно имеется ресурс рабочей силы в лице членов семьи.

Однако у крестьянского хозяйства есть один существенный недостаток. Оно, как правило, является мелким хозяйством. В поисках оптимальной модели, соединявшей в себе как преимущества мелкого, так и достоинства крупного производства, Чернов приходит к идее кооперации крестьянских хозяйств, при которой мелким производителям можно успешно углублять и развивать специализацию, использовать крупные кредиты и т.д.

Концепция некапиталистического пути развития сельского хозяйства стала теоретической основой для программных построений Чернова – программы социализации земли и развития кооперации²³. Социализация земли предусматривала уничтожение частной собственности на землю. Это означало, прежде всего, изъятие земли из товарного оборота, а значит, уничтожение абсолютной ренты. С юридической точки зрения, отмечал Чернов, «уничтожение собственности на

землю вовсе не равносильно утверждению собственности того или другого юридического лица». «Мы не делаем землю ни имуществом общины, ни имуществом области..., ни государственным имуществом. Мы делаем ее ничьей. Именно как ничья она и становится общенародным достоянием»²⁴. В этом случае верховное право распоряжения землею должно принадлежать всему народу, заведующему ею через демократические органы самоуправления. «Таким образом, – продолжал эсер, – народ как самоуправляющаяся коллективная единица... в лице всех органов его самоуправления является... тем коллективным лицом, которому переходит та совокупность суверенных прав, которая раньше принадлежала каждому индивиду и выражалась наиболее резким и решительным правом землю продавать, покупать и закладывать, передавая любые вещные права на нее»²⁵.

Провозглашение прав каждого человека на землю являлось основополагающим положением эсеровской программы социализации земли. С уничтожением частной собственности у личности остается право пользования землей. Чернов рассматривал его как составную часть реализации естественных прав личности в России. Права на бесплатное пользование землей дает только труд, земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает. Трудовое право, таким образом, по мнению Чернова, есть двойное право: право вложенного в землю труда и право на труд новых поколений. Зародыш этого права он находит в общине, но там оно «засорено» патриархальными представлениями. Программа социализации земли предусматривает возможность «очистить от всяких чуждых наслоений и локальной ограниченности» трудовые принципы и распространить их на всю территорию страны²⁶.

В правовом отношении социализация земли есть, по сути дела, децентрализация права частной собственности, когда право пользования землей становится прерогативой каждого гражданина, а право владения и распоряжения распределяется между различными общественными союзами, начиная от общин, товариществ, органов самоуправления и заканчивая государством. Важно отметить, что регулирование землепользования должно быть построено снизу вверх на началах децентрализации и самоуправления. Чернов был глубоко убежден, что расширение принципа самоуправления на область земельных отношений будет закладывать фундамент для формирования новых социалистических отношений.

Однако социализация земли рассматривалась Черновым как первый этап аграрной реформы, который должен был обеспечить предпосылки для проведения широкого кооперирования крестьянских хозяйств. Лидер эсеров убеждал, что кооперация, сокращая расходы в производстве и потреблении, повышая рентабельность, конкурентоспособность мелкого производителя, одновременно решает и важные социальные задачи, формируя иной тип общественных отношений, для которых характерны не эксплуатация, вражда и анархия, а планомерность, сотрудничество, солидарность, добровольность, присущие социализму. Давая определение кооперации, он подчеркивал, что это «свободное для доступа соединение людей на равных правах и равной ответственности для ведения хозяйственных дел на общественных началах»²⁷.

Развитие кооперации должно было происходить постепенно и добровольно. Переход от первичных потребительско-сбытовых форм кооперации к более зрелым, охватывающим производственную сферу, по мнению эсера, неизбежно должен привести к обобществлению главного средства производства в сельском хозяйстве – земли. Кооперация, по его глубокому убеждению, позволяет преодолеть первоначальную узость групповых интересов и ускоряет процесс формирования гражданского общества, защищающего интересы широкой общественности. Однако кооперативная организация, по глубокому убеждению Чернова, «может развиваться только в том случае, если она сама нормирует всю свою жизнедеятельность», создает ей законы, а не подчиняется законам, продиктованным ей со стороны²⁸. Подчинение кооперации политическому руководству той или иной партии неизбежно приведет к тому, что она превратится в арену политической борьбы и вследствие этого утратит свои главные экономические и социальные функции.

Качественно новый этап в развитии кооперации Чернов связывал с переходом к социализму. При социализме, полагал эсер, все граждане, как потребители, будут объяты всевозможными формами кооперации. Их обеспечение всем необходимым предполагается осуществлять через систему заказов от потребителей производителям. Социалистическое общество мыслилось Чернову «как огромное, всю страну охватывающее, потребительское общество (точнее, как сложная конфедерация весьма расчлененной сети потребительных обществ), которое снабжается почти всем необходимым из столь же

разветвленной сети своих собственных заведений, работающих, как бы “на заказ”... и поставленных для этого в организационную связь с соответственными звеньями потребительно-кооперативной сети»²⁹.

Таким образом, предлагаемая эсерами модель модернизации страны практически предусматривала реализацию проекта смешанной экономики: там, где капитализм проявляет свои положительные стороны – в промышленности, банковской сферы, допускалось развитие капиталистических отношений, а сельское хозяйство, где капитализм демонстрирует разрушительные тенденции, будет развиваться по некапиталистическому пути³⁰. Преобразования в аграрной сфере в духе социализации земли и широкого развития крестьянской кооперации, опиравшейся на общинные традиции, должно было, по плану Чернова, послужить главным звеном в цепи социалистических преобразований всей экономики. Это отвечало, по его мнению, историческому своеобразию развития страны.

Как видим ключевым моментом неонароднической модели преобразования России, в проведении земельной реформы являлась опора на народное правосознание. Прежде всего, на представление крестьян о том, что «земля – Божья, земля – ничья», она принадлежит тому, кто ее обрабатывает. Отношение к народу, как к главной правотворческой силе, способной к самостоятельному выступлению на политической арене, становится для Чернова краеугольным камнем при разработке идеологии эсеровской партии. В этом он считал себя продолжателем идей А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Вместе с тем, для Чернова это не является лишь идеологическим императивом, он был глубоко убежден, что народное правосознание органически вырастает из реальных социально-экономических условий. Нельзя насаждать новые правовые отношения сверху (как, например, это делает П. А. Столыпин), они должны развиваться снизу естественным эволюционным путем.

Развивая положение Н. К. Михайловского о народе как совокупности трудящихся классов, Чернов обосновал концепцию «трудового рабочего класса», согласно которой рабочие и крестьяне рассматриваются как единый класс тружеников. Общим между пролетарием и крестьянином, полагал эсер, являются «труд как определенная политико-экономическая категория», лежащая в основе их существования, и безжалостная эксплуатация со стороны крупного капитала. «Эксплуатация крестьян только по своей форме отличается от эксплуата-

ции рабочих. Эксплуататор у тех и у других один и тот же – капитал», – писал он³¹. Правда, кулаков, часть крестьянства, которая использует наемный труд, извлекая прибыль, он относил к сельской буржуазии.

Отличным от марксистов было и представление Чернова об исторической перспективе крестьянства в условиях капитализма. Если первые утверждали, что крестьянство в результате пролетаризации исчезнет как класс, то Виктор Михайлович был убежден, что это возможно лишь в странах с гипертрофированной индустрией и атрофированным сельским хозяйством. Изучение динамики социальных процессов в крестьянской среде приводит Чернова к мысли, что «никакого закона двусторонней дифференциации – капитализации наверху, пролетаризации снизу, таяния средних, промежуточных элементов – в эволюции деревни не осуществляется». «Есть закон консолидации семейно-трудового хозяйства как социального типа, закон, сплачивающий трудовое крестьянство в целостное классовое образование»³². Хотя Чернов и не отрицал тенденции к расслоению крестьянства, однако считал, что не следует ее абсолютизировать³³.

Наряду с крестьянством, Чернов относит к трудовому рабочему классу и пролетариат. Характеризуя российский пролетариат, он отмечал, что, несмотря на его малочисленность, низкий удельный вес в его составе доли потомственных рабочих, тесную связь с деревней, политическую незрелость, он все же способен стать ведущей силой революционного движения, увлекая за собой многомиллионное крестьянство. В отличие от марксистов, признававших только за пролетариатом гегемонию в революционной борьбе, Чернов не отрицал возможности революционной инициативы крестьянства и рассматривал пролетариат, крестьянство и интеллигенцию как равноправных союзников в борьбе за политическое и социальное освобождение. Ведущая роль пролетариата в этом случае – суть более последовательная, энергичная, устойчивая борьба части единого «трудового класса»³⁴.

Третьим союзником пролетариата и крестьянства в борьбе с самодержавием Чернов считал демократическую интеллигенцию. «Постоянная черта русской интеллигенции, – писал эсер, – ее антибуржуазный уклон, ярко выраженный демократический и трудовой характер»³⁵. Интеллигенция должна сыграть роль «застрельщика революционного движения трудовых масс», пробуждая народ к активной политической жизни и творчеству³⁶.

На противоположном полюсе российского общества, по классификации Чернова, стояли силы, являвшиеся опорой самодержавия. Социально-классовой опорой русского самодержавия являлся «тройственный союз дворянства, буржуазии и бюрократии – трех основных реакционных сил». Тесная связь буржуазии с царизмом обусловила ее аполитичный характер, а наступательный характер рабочего движения придавал ей консервативную окраску. Российская буржуазия оказалась не способна, как западноевропейская в эпоху буржуазных революций, «решительно отделиться от самодержавия и выступить за конституцию»³⁷. Поэтому в России не возможна буржуазная революция в западноевропейском варианте.

Самодержавие, полагал Чернов, тесным образом спаянное с реакционными классами, не способно на проведение глубоких реформ, что исключает возможность его мирной эволюции в конституционном направлении. По мнению Чернова, обострение противоречий между революционно-социалистическим и самодержавным блоком неизбежно приведет к революции.

Переходное состояние российского общества оказало заметное влияние на характер первой русской революции, который определялся сложностью стоявших перед ней задач. С одной стороны, это были задачи, аналогичные тем, что выдвигались в ходе буржуазно-демократических революций в Западной Европе. С другой, пролетариат и крестьянство, являвшиеся, по мнению Чернова, главными движущими силами русской революции, выдвигали требования, уже выходящие за рамки буржуазно-демократических преобразований. Потому эсеровский лидер квалифицировал ее как революцию переходного типа, призванную провести радикально-демократические преобразования и создававшие предпосылки для построения фундамента социалистического общества. По движущим силам начавшаяся в 1905 году революция, по мнению Чернова, была социальной, «народно-трудовой».

Политическая стратегия Чернова предусматривала на первом этапе революции для создания основных демократических институтов страны широкий блок со всеми оппозиционными и революционными силами. В этот блок наряду с эсерами, трудовиками и народными социалистами предполагалось включить кадетов и социал-демократов. На следующем этапе – углубления демократических реформ и наполнения их реальным социальным содержанием –

власть, по мысли эсеров, должна была перейти в руки блока социалистических партий³⁸.

При обосновании тактической линии партии Чернов исходил из критической переоценки народовольческого опыта, полагая, что вместо какого-то одного из направлений борьбы – политического террора, агитации среди рабочих или крестьян, использование которых в разное время, в конечном счете, приводило к поражению, нужно перейти к одновременному их сочетанию. «Вместо беспорядочной сменны антитез: или агитации в крестьянстве, или террористической борьбы с самодержавием, или пропаганды в городском пролетариате – может и должен осуществиться широкий и непобедимый синтез и террора против самодержавия, и пропаганды, и агитации и в пролетариате, и в крестьянстве, а также и в армии, и в передовых слоях образованного общества»³⁹. Такая тактика могла бы обеспечить расширение социальной базы политической борьбы и стать залогом ее успеха.

В историю политической борьбы эсеровская партия вписала немало ярких страниц. В сознании современников она запечатлелась, прежде всего, своими террористическими актами. Каково же в действительности было место террора в идеологических установках эсеровского руководства?⁴⁰ Парадоксально, но ставка на террористические методы борьбы обосновывалась исходя из мессианско-народнических установок и демократических принципов.

Отдавая должное марксизму за постановку и разработку проблемы народных масс в истории, Чернов подчеркивал, что марксисты недооценивали значение личного фактора в истории. Идеолог эсерства призывал соединить в борьбе за лучшее будущее силу масс с деятельностью авангардного отряда – интеллигенции. В 1907 г. в своей статье «Инициативное меньшинство и массы» Чернов писал: «Не нам, социалистам-революционерам, умалять или отрицать роль сознательного, инициативного меньшинства... мы никогда не сводим к нулю роль личности, пробивающей новые пути. Но для нас вся сила инициативного меньшинства лежит в способности действовать для народа и через народ, убеждая его силой довода, подкрепляя смелым примером. Но никогда не будем мы для такого меньшинства требовать преимущественного права перед численной силой, большого удельного веса для его голоса в решении вопросов жизни. Мы всегда до мозга костей останемся в этом вопросе демократами»⁴¹.

Террор как «смелый пример» должен был сыграть важную роль в революционизировании масс. Чернов доказывал, что для поднятия революционного настроения в обществе террористический акт «вернее, чем месяцы пропаганды». Террор «приковывает к себе всеобщее внимание, будоражит всех, будит самых сонных, самых индифферентных обывателей, возбуждает всеобщие толки и разговоры, заставляет людей задумываться над многими вещами... – словом заставляет их *политически мыслить*», – убеждал эсер⁴².

Отбросив на обочину истории веру в Бога и принцип «не убий», беря пример с «бесконтрольной власти», борьба с которой за народное благо составляла, практически, цель жизни, Чернов для оправдания террора и революционного насилия прибегал к либерально-демократическим установкам свободы и равенства. «Если я не могу претендовать на то, что мое убеждение в истинности, справедливости, рациональности моего идеала человеческого общежития есть абсолютно безошибочное, то отсюда у меня не может не вытекать нравственной нормы терпимости к чужому мнению... Я обязан принять его вызов на борьбу честным и равным оружием – оружием убеждения. И если в этой честной борьбе чужая идея победила и овладела мнением большинства, – я не имею нравственного права физической силой возместить недостаток силы доказательством», – разъяснял Чернов в статье «Н. К. Михайловский, как этический мыслитель», опубликованной в 1914 году⁴³.

Однако бывает, что одна из политических сторон отказывается признавать провозглашенный демократический принцип и претендует на монополию власти и диктат, а значит, ставит себя вне нравственного закона. В этом случае, для нравственной личности возникает обязанность «восстановить нарушенное право человеческого убеждения и человеческой совести, не останавливаясь, если этого нельзя избежать, перед средствами, присущими войне»⁴⁴. Одним из средств такой борьбы Чернов считал политический террор.

Чернов неоднократно обращался к этой теме. В статье «Террористический элемент в нашей программе» (1902 г.) он подчеркивал защитный характер революционного террора, рассматривая его как меру самообороны от всевластия самодержавия. «Террористические акты сделались необходимыми в качестве самозащиты, в качестве оружия необходимой самообороны, без которой разгул ничем не

сдерживаемого самодержавного произвола переходит всякие границы и становится нестерпимым», – писал он⁴⁵.

Первая русская революция с ее черносотенными погромами, расправами над интеллигенцией, вакханалией экспроприации, способствовали осознанию Черновым того, «каким сложным и разнообразным конгломератом является «народ», какой стороной для интеллигенции может обернуться насилие⁴⁶. Несмотря на это, он оставался верен своему убеждению о великой исторической миссии народа, надеясь, что в недрах его «творится новое народное самосознание, вырабатывается новое мирозерцание»⁴⁷. Даже после поражения революции Чернов призывал продолжить тактику террора, обосновывая это тем, что если даже террор не «идет в ногу» с массовым движением, он все равно служит ему, дает действенный пример борьбы с бесконтрольной властью⁴⁸.

Однако революционные события 1917 г. и гражданская война внесли определенные коррективы в прежние представления Чернова и способствовали переосмыслению роли и значения народа и насилия в историческом процессе. В неопубликованной статье «Охлос и демос», написанной по поводу октябрьских событий 1917 г., эсер делит народ на «демос» – сознательную и дисциплинированную его часть и «охлос» – толпу, «дающую волю своим страстям, бушующую грубо и дико, как элементарная, слепая стихия». Глубинные причины охлократических тенденций в русской революции Чернов усматривал в своеобразии российского капитализма – преобладании в нем разрушительных сторон над созидательными. Это приводило, по его мнению, к перевесу «стихийной ненависти и жажды мести» над стремлением к созидательному устройству нового порядка. Однако идеолог эсеров не терял веры в народ. «Не отчаивайтесь в народе, не ставьте над ним крест... продолжайте любить и жалеть его. Не любя, нельзя ему помочь выздороветь духовно», – призывал он демократическую интеллигенцию⁴⁹. Без «демоса» не может быть демократии, не может быть социализма. Новый строй нуждается в новом человеке, поэтому необходимо воспитание культурной и моральной личности.

В годы эмиграции, наблюдая за политическим процессом в СССР, Чернов вернулся к проблеме революционного насилия. В неопубликованной работе «Итоги марксизма», написанной в 1933 г. к 50-летию смерти К. Маркса, он предложил новое соотношение меж-

ду политикой и этикой. Этика очерчивает для политики определенные рамки, вне которых остаются недостойные средства борьбы, на них лежит моральное табу, и их применение «не оправдываемо никакими практическими удобствами и никакой конкретной целесообразностью»⁵⁰. Возможно, в будущем, писал Чернов в 1940-е гг., человечество осознает, что насилие порождает насилие, и выработает более гуманные способы взаимоотношений между людьми, странами и народами. Тогда в исторический архив будут сданы не только войны и революции, но и сама память о них⁵¹.

Итак, творческий синтез основных постулатов народничества и марксизма позволил Чернову выйти на новый методологический уровень, обосновав концепцию национальных типов капитализма. Типологические изыскания Чернова, были созвучны научным поиском немецкого социолога М. Вебера, обосновавшего в это же время теорию идеальных типов. Разработанная им аграрная реформа опиралась на коренные основы правосознания российского крестьянства, отражавшего глубинные реалии исторического развития страны. На основе этого эсерам удалось разработать модель смешанной экономики, воплощать в жизнь, которую выпало на долю большевиков. Можно согласиться с мнением американского историка М. Мелансона, который в статье «Чернов», опубликованной в сборнике статей «Critical companion to the Russian Revolution 1914–1921» (1997; переиздан с дополнениями на русском языке в 2014 г.), указывает, что разработанная Черновым социальная концепция российской революции была более адекватна российской реальности, чем марксистская. А его теория единого трудового класса (состоящего из пролетариата, крестьянства и интеллигенции), по мнению того же историка, как бы предвосхитила основы социального строя в СССР⁵².

Неоднозначную оценку вызывает обоснование Черновым целесообразности террора, как политической практики. Однако следует признать, что в тех исторических условиях, в которых он был провозглашен, террор привел к ожидаемому эффекту – дезорганизации власти и революционизированию масс. Правда, в конце концов, вакханалия насилия обернулась и против самой партии эсеров.

¹ В данном случае «неонародничество» понимается в узком смысле и тождественно «эсерству»; упускается из вида доктрины правого народничества (энесовского толка) и левого народничества (максималистского и лево-эсеровского вариантов).

² Федорова В. И. Революционная и реформистская тенденции в политических воззрениях народнической интеллигенции // Проблемы демократии : история и современность. Красноярск, 2006. С. 128–138.

³ Вишняк М. В. Памяти В. М. Чернова // Социалистический вестник. 1952. № 4. С. 74.

⁴ Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977; Хорос В. Г. Неонародническая идеология и марксизм (конец XIX в.). М., 1972.

⁵ Гусев К. В. Партия эсеров : от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. Исторический очерк. М., 1975; Спирина М. В. Крах мелкобуржуазных концепций социализма эсеров. М., 1987.

⁶ Алексеева Г. Д. Народничество в России в XX в. Идеиная эволюция. М., 1990; Федоренко А. А. Политическая концепция В. М. Чернова. М., 1999.

⁷ Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; Малыхин К. Г. Большевицкая модернизация России и русское зарубежье 20–30-х годов. Ростов н/Д., 2000; Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998; Коновалова О. В. Эсеровская эмиграция о большевицком варианте модернизации России (по работам В. М. Чернова). Красноярск, 2008; Она же. В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009; Hildermeier M. The Russian Socialist Revolutionary Party before the First world war. New-York, 2000.

⁸ Гусев К. В. В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. М., 1999; Коновалова О. В. Политические идеалы В. М. Чернова : взгляд через годы. Красноярск, 2005; Новиков А. П. В. М. Чернов : человек и политик : материалы к биографии. Саратов, 2004; Аврус А. И., Новиков А. П. От Хвалынска до Нью-Йорка : Жизнь и общественно-политическая деятельность В. М. Чернова. Саратов, 2013; Аврус А. И., Голосеева А. А., Новиков А. П. Виктор Чернов : судьба русского социалиста. М., 2015; Иммонен Х. Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873–1952). СПб., 2015.

⁹ Чернов В. М. Философские и социологические этюды. М., 1907. С. 277.

¹⁰ Там же. С. 278. См. также: Стейла Д. Наука и революция : Рецепция эмпириокритицизма в русской культуре (1877–1910 гг.). М., 2013. С. 132–140.

¹¹ Чернов В. М. Философские и социологические этюды. С. 271, 296.

¹² Чернов В. М. Проект новой партийной программы // Революционная Россия. 1924. № 33–34. С. 8.

¹³ См. подробнее: Коновалова О. В. Преодоление народнических догм. В. М. Чернов о типах капиталистической эволюции // Свободная мысль. XXI в. М., 2001. № 4. С. 58–69.

¹⁴ Чернов В. М. Типы капиталистической и аграрной эволюции // Русское богатство. 1900. № 4. С. 132.

¹⁵ Там же. С. 141, 140.

¹⁶ Там же. С. 141, 156.

- ¹⁷ Чернов В. М. Социалистические этюды. М., 1908. С. 204.
- ¹⁸ Чернов В. М. Марксизм и аграрный вопрос. СПб., 1906. Ч. I. С. 232.
- ¹⁹ Чернов В. М. К вопросу о капитализме и крестьянстве. 2-е изд. Нижний Новгород, 1906. С. 4.
- ²⁰ [Чернов В. М.] В. Ч. Состояние и нужды нашего владельческого хозяйства // Тамбовские губернские ведомости. 1895. № 99. С. 3.
- ²¹ Чернов В. М. Марксизм и аграрный вопрос. Ч. II. С. 95, 72.
- ²² Там же. Ч. I. С. 232.
- ²³ См. подробнее: Коновалова О. В. В. М. Чернов и аграрная программа партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2002. № 2. С. 43–60; Она же. Разработка программы экономических преобразований партии социалистов-революционеров в трудах В. М. Чернова. Красноярск, 2000.
- ²⁴ Чернов В. М. Земля и право. Пг., С. 131, 159.
- ²⁵ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 299.
- ²⁶ Земельный вопрос. Доклады министра земледелия В. М. Чернова Всероссийскому Совету Крестьянских депутатов. Пг., 1917. С. 7.
- ²⁷ Чернов В. М. Кооперация и социализм // Социалист-революционер. Париж, 1910. № 2. С. 292.
- ²⁸ Там же. 281–282, 286, 312.
- ²⁹ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 11. Л. 75.
- ³⁰ См. подробнее: Коновалова О. В. «Смешанная экономика»: вариант Виктора Чернова // Свободная мысль – XXI. М., 2002. № 3. С. 100–108.
- ³¹ Чернов В. М. Социалистические этюды. С. 329.
- ³¹ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 28. Л. 11.
- ³² ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 31. Л. 83.
- ³³ Программа партии социалистов-революционеров. (Утвержденная первым съездом партии 30 декабря 1905 г.) // Революционная Россия. 1924. № 33–34. С. 9–10.
- ³⁵ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 31. Л. 100–102.
- ³⁶ Чернов В. М. Аграрно-социалистическая Лига. Очередной вопрос. Б/м., б/г. С. 40–41.
- ³⁷ [Чернов В. М.] Ленин В. Заметки о терроре // Знамя труда. 1909. № 19. С. 7.
- ³⁸ Чернов В. М. Уроки прошлого. Армия и революция // Революционная Россия. 1926. № 46. С. 15.
- ³⁹ От Крестьянского союза партии социалистов-революционеров: Ко всем работникам революционного социализма в России // Революционная Россия. 1902. № 8. С. 5.
- ⁴⁰ См. подробнее: Коновалова О. В. Идеология терроризма: теоретические и исторические аспекты // Современные системы безопасности – Ан-

титеррор : материалы конгрессной части 5-го специализированного форума (26–28 мая 2009 г.). Красноярск, 2009. *Она же*. Особенности терроризма в России : исторические аспекты // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 3(7). С. 69–73.

⁴¹ Чернов В. М. Основные вопросы пролетарского движения. Пг., 1917. С. 209.

⁴² [Чернов В. М.] Террористический элемент в нашей программе // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов н/Д., 1996. С. 202.

⁴³ Чернов В. М. Н. К. Михайловский, как этический мыслитель // Заветы. 1914. № 5. С. 34–35.

⁴⁴ Там же. С. 38–39.

⁴⁵ [Чернов В. М.] Террористический элемент в нашей программе... С. 196.

⁴⁶ [Чернов В. М.] Вечев Я. II кризис либерализма // Современник. 1911. № 8. С. 335.

⁴⁷ Там же. С. 338.

⁴⁸ Социалист-революционер. 1910. № 2. С. 40, 45.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 40. Л. 105, 130.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 11. Л. 183.

⁵¹ Чернов В. М. Рождение революционной России... С. 21, 30. См. подробнее: Коновалова О. В., Федорова В. И. В. М. Чернов : от терроризма к пацифизму. Эволюция мировоззрения и реалии Советской России // Российская история. 2016. № 1.

⁵² Мелансон Майкл. Чернов // Э. Эктон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. Критический словарь Русской революции : 1914–1921. СПб., 2014. С. 196.

Леонтьев Я. В.

**Братья Аяксы
(политическая и научная биография Е. Н. Мальма)**

До известного времени имя заметного политического деятеля и ученого, биохимика и бактериолога Евгения Николаевича Мальма (1895–1941?) было фактически неизвестно историкам. В литературе, вышедшей во второй половине 1990-х гг., он был несколько раз упомянут (хотя бы и не всегда даже названным по имени, как, например, в дневнике С. Д. Мстиславского), но какого-то четкого представления по этим отрывочным упоминаниям о нем было невозможно сделать¹. Гораздо чаще имя Е. Н. Мальма упоминалось в научных работах по биологии. Но никому, конечно, и в голову не приходило связать воедино левого эсера и специалиста по дельфинам и водорослям.

Еще в самом начале своей исследовательской работы в только что открывшемся для широкого доступа спецхране тогдашней «Ленинки» (сегодняшней РГБ) в левоэсеровском журнале «Знамя Борьбы», издававшемся в Берлине, я обратил внимание на необычный некролог отчаянному боевику и подпольщику Михаилу Богданову. В 1918 г. он вместе со своим неразлучным другом Евгением Мальмом был направлен ЦК левых эсеров на работу в ВЧК. Когда ПЛСР ушла в подполье, в 1919 г. в Казани Богданов и Мальм застрелили посланного к ним в организацию чекистского агента Петрова. В 1921 г., находясь в Таганской тюрьме в Москве, «Аяксы» (коллективное прозвище, под которым Богданова и Мальма знали в подполье) сумели раздобыть оружие и, разоружив охрану, успешно бежали из заключения. В 1922 г. они возглавили крупную левоэсеровскую нелегальную организацию в Петрограде и в короткие сроки создали разветвленную сеть подпольных кружков. В 1924 г. «Мичман» (еще одна партийная кличка Богданова) умер в туруханской ссылке². О дальнейшей судьбе его друга Мальма оставалось только догадываться.

Спустя годы, после ряда запросов в архивы ФСБ, удалось восстановить биографии обоих левоэсеровских подпольщиков, и в 2008 г. опубликовать в журнале «Родина» мемуарный текст М. А. Богданова «История одного процесса»³. Еще через некоторое время посчастливилось отыскать сына Е. Н. Мальма, находившегося в Барсело-

не (Испания) и, благодаря ему, продолжить изучение архивно-следственных дел, и получить копии документов из семейного архива.

Сын обрусевшего шведа Евгений Мальм был уроженцем Санкт-Петербурга, и по сословной принадлежности являлся потомственным почетным гражданином. Его товарищ и сверстник Михаил Богданов также родился в Петербурге, но происходил по одним сведениям из крестьян, по другим данным – из мещан. Друзьями они стали во время совместной учебы в реальном училище. Одновременно в 17–18-летнем возрасте вступили в партию эсеров (в 1913 г., по другим сведениям в 1914 г.). Далее их биографии на время разошлись: по окончании училища Мальм поступил на естественный факультет Санкт-Петербургского университета, и параллельно учился в консерватории. В университете он вел партийную работу, и, как утверждал в показаниях на следствии в 1920 г., «в 1915 г. приблиз[ительно] в июне мес[яце] был арестован за принадле[жность] к партии с-р, сидел 6 мес[яцев], выслан в Вологодск[ую] губ[ернию]».

Согласно показаниям М. А. Богданова на следствии в 1920 г., он в 1914 г. уехал в Харьков, где действовал в рядах местной организации ПСР и был «членом боевой дружины, участвовал в нескольких террористических актах на жандармов, на провокатора, акты были неудачны». Затем он скрылся в Кронштадт, где пробыл до 1916 г., после чего вновь уехал в Курск и Харьков, «где был арестован, содержался в тюрьме мес[яца] 2, бежал из тюрьмы вместе с группой, в которой, главным образом, были члены нашей партии». После побега он будто бы вернулся в Кронштадт, где поступил в Морское инженерное училище. В фонде данного училища в РГА ВМФ действительно имеется его личное дело за 1916 г., которое пока остается не проработанным⁴.

Если верить показаниям Мальма, то он тоже был арестован в Харькове в 1916 г. «за экспроприацию кассы казен[ного] вин[ного] магазина и убийство городского», но из тюрьмы бежал вместе со своим другом Богдановым. В таком случае ранее он должен был скрыться из вологодской ссылки. Будто бы снова был арестован в Петрограде в январе 1917 г., «как дезертир и за агитацию на улице», и, в этом случае он мог оказаться освобожден в результате начавшейся революцией. Богданов же однозначно участвовал в событиях Февральской революции, входя сначала в состав «Комитета движения» (орган переворота в Кронштадте), и затем в течение двух созывов избирался в Кронштадтский Совет.

Что касается Мальма, то, если его показания во всем верны, вскоре после Февральской революции он уехал в Екатеринослав, затем в Ростов-на-Дону (что могло быть связано с уклонением от воинской повинности), откуда вернулся в Петроград в июне 1917 г. Примкнув к левому крылу эсеров, он во время Июльского кризиса был арестован за участие в антиправительственных выступлениях и провел, по его словам, под арестом около 20–25 дней. После освобождения Мальм вел агитационную работу на заводах Петрограда, а потом вновь выехал на Юг России, где и встретил известие об Октябрьской революции.

Богданов также присоединился к левым эсерам, «участвовал в движении 3–5 июля» 1917 г. в Петрограде, «был арестован, сидел недели 3, освобожден в связи с наступлением Корнилова». Остается не до конца ясным, как сочетаются те или иные сведения, сообщаемые им в различных анкетах и показаниях, требующие дополнительной проверки. В частности, он сообщал, что служил гардемаринном, а затем старшим механиком на подводной лодке типа «Барс» (Балтийский флот), затем в чине мичмана, но почему-то под фамилией М. А. Бахметьев – на миноносце «Стремительный» (Черноморский флот), где был контужен в морском бою, как он показал на следствии в 1918 г. Также Богданов утверждал, что во время штурма Зимнего дворца командовал отрядом матросов из ста человек. Согласно его показаниям в 1920 г., «уехал на Черное море» после освобождения летом или в начале осени, «был в Севастополе... до середины октября 1917 года; уехал в Петроград, где участвовал в окт[ябрьском] перевороте. После ликвидации правительства Керенского уехал опять на Черное море, поступив на миноносец «Стремительный» под фамилией Бахметьев; на этом миноносце находился до марта 1918 года, когда уехал в Петроград, где занимал пост секретаря Петроградского комитета [ПЛСР]».

Лишь с этого момента соединившиеся в одну биографии Мальма и Богданова подлежат куда более точному рассмотрению. В середине апреля 1918 г. на VI общегородской конференции ПЛСР Евгений Мальм был избран в состав ревизионной комиссии Петроградского комитета (далее ПК). На той же партийной конференции Богданов действительно был избран в ПК ПЛСР, который представлял затем на II всероссийском съезде партии в Москве⁵. По возвращении в Петроград вместе с Мальмом он организовал клуб Петроградского

районного комитета партии, носивший имя Н. К. Михайловского. Клуб им. Михайловского открылся 12 мая. В открытии принимал участие легендарный лидер левых эсеров П. П. Прошьян.

14 мая газета петроградских левых эсеров «Знамя Борьбы» напечатала заметку «Открытие клуба имени Н. К. Михайловского»:

«Вступительное слово произнес тов. Богданов. <...>

Он отметил выдающуюся роль Н. К. Михайловского, как учителя целого ряда поколений и провозвестника новых идеалов. Вся жизнь Н[иколая] К[онстантиновича] была одним служением правде и справедливости. <...>

Давая клубу это дорогое имя учителя, устроители имели в виду именно эту цель – служение правде.

Это имя должно ободрять и поддерживать нас в то тяжелое время, какое мы переживаем. Мы должны быть светлыми и бодрыми.

Тов. Богданов закончил свою речь заветом [П. Л.] Лаврова: “идите и делайте свое дело, делайте неустанно”.

После вступительного слова тов. Богданова началось концертное отделение.

Тов. Богданов и тов. Мальм исполнили имитацию струнного оркестра. Тов. Клочкова пропела несколько романсов, рассказывал юмористические рассказы тов. Васильев и пел пролетарские песни тов. Буланый.

После концертного отделения выступил с большой речью тов. Прошьян, говоривший о текущем моменте».

В конце 1917 г. Евгений Мальм познакомился, и затем женился на дочери врача, бывшего статского советника Людмиле Алексеевне Весницкой (1897–?), служившей на Николаевской железной дороге. В этом браке он имел дочь. На жизнь Мальм зарабатывал в это время службой в экспедиции газеты «Знамя Борьбы» – органа Северного областного комитета и ПК ПЛСР, и в качестве экспедитора совершил поездку по губерниям Северо-Запада для налаживания подписки. Прибыв по делам газеты в Москву, он встретился там с Богдановым, который, согласно показаниям 1918 г., в это время ходатайствовал в ЦК ПЛСР об отправке «в провинцию в качестве агитатора» по линии Наркомата просвещения. Оба друга имели встречу с секретарем ЦК М. Л. Сиротой и казначеем ЦК Л. Б. Голубовским, которые в виду владения ими французским и немецким языками неожиданно предложили друзьям совершенно иной вид деятельности.

Как сообщал на допросе в 1918 г. Богданов, Сирота «заявил, что мы пригодимся для лучшей работы, что сейчас в России и, в особенности в Москве, творится вакханалия империализма под руководством германского посла гр[афа] Мирбаха.... “Поэтому, – заявил далее он, – вы, как люди образованные, можете принести большую пользу в борьбе с этими империалистическими хищниками”. На наше возражение, что мы на этом попроще никогда не работали и не считаем себя пригодными, мы получили ответ, что ЦК это лучше видно, и он нас категорически посылает работать в ВЧК к т. Блюмкину, заведующему секретным отделом по борьбе с контрреволюцией»⁶.

В итоге этого разговора 18 июня 1918 г. они, как владеющие иностранными языками, были зачислены в качестве секретных сотрудников «иностранной контрразведки» Секретного отдела, который возглавлял небезызвестный Я. Г. Блюмкин, и законспирированы (по словам Мальма, «с тех пор, как мы поступили на службу ВЧК, нам не велено было иметь сношения с партией»⁷), получая при этом жалованье от партии левых эсеров. Вскоре они были посланы со спецзаданием обратно в Петроград: имея на руках паспорта на имя графа Татищева и барона Черкасова, Богданов и Мальм должны были внедриться в германское консульство под видом представителей офицеров-заговорщиков. В соответствии с этой легендой, 25 июня в петроградских газетах появилась заметка об их аресте в Белоострове и обнаружении у них «в двойном дне чемоданов» бумаг, якобы свидетельствующих о принадлежности «к монархической организации германофильского склада». Однако журналист В. Финк (бывший секретарь В. Л. Бурцева), с подачи председателя Петроградской уголовной следственной комиссии при тамошнем Совете комиссаров Болеслава Орлинского (под этим именем действовал внедренный в советские следственные органы белогвардейский разведчик В. Г. Орлов) 29 июня в газете «Новый вечерний час» за подписью *Виктор Ф.* опубликовал разоблачающий их материал. (Хотя к этому времени Мальм и Богданов уже приступили к внедрению, познакомившись с некоторыми чинами германской миссии, в частности, с лейтенантом Гортеном). Из-за непонимания ситуации и начавшихся в Петрограде разоружения и арестов левых эсеров вследствие произошедших из-за убийства Мирбаха событий, они решили переждать какое-то время на даче в пригородном Шувалово, где и были в ночь на 9 июля арестованы отрядом чекистов.

Первоначально незадачливые контрразведчики были помещены в тюрьму «Кресты». К 23 июля они были доставлены сначала в московскую тюрьму ВЧК, а затем переведены на гауптвахту в Кремль, где оказались в одной камере с видным левым эсером и писателем С. Д. Мстиславским, подробно изложившим их рассказ в своем тюремном дневнике. В записи Мстиславского Богданов именуется Михаилом, а Мальм – «Бароном». По словам мемуариста, они «отрекомендовались членами Б.О. (боевой организации)» и сообщили о том, что в Петроградской ЧК по главе с М. С. Урицким, лично их допросившим, их подозревали в «подготовке покушения на тамошнего германского консула»⁸.

24 июля Мальм был допрошен, после чего Особая следственная комиссия (ОСК) во главе с наркомом юстиции П. И. Стучкой вынесла постановление: «содержать Мальма и Богданова под арестом впредь до распоряжения». Между прочим, их даже сперва подозревали в двойной игре, и в письме к упомянутому Орлинскому (Орлову) Е. Н. Мальм горько сетовал: «Со мной, что будет, не могу себе представить. По всей вероятности поставят к стенке. Возможно, что это кошмарное недоразумение, а, может, и умышленная подтасовка. Во всяком случае, это крайне обидно и непонятно. Не знаю, выяснится ли вся эта непонятная история»⁹. В свою очередь Орлинский 20 июля адресовался в ВЧК с просьбой «срочно командировать для совместной работы товарищей Мальма и Богданова, с которыми удалось наладить и организовать значительную и тонкую осведомительную сеть...»¹⁰.

Совместно с сидевшими вместе с ними в Кремле «под Красным крыльцом» известной соратницей Спиридоновой А. А. Измайлович, Ю. В. Саблиным и другими остававшимися под стражей левыми эсерами они приняли участие в выработке и утверждении резолюций по текущему моменту и по организационному вопросу, требуя от ОСК отправки пакета собравшемуся в Москве I Совету ПЛСР¹¹. Резолюции, по-видимому, не дошли до адресата, и были подшиты в один из томов дела о «мятеже», но с этого момента Мальм находился в доверительных отношениях с Измайлович, и именно она курировала впоследствии его подпольную работу в 1922 г. Именно она 8 августа написала «верительную записку» такого содержания:

«Т.т. Богданов и Мальм члены Партии Левых Эсеров и никакого отношения к правым эсерам, англо-французскому империализму и вообще ко всякой контрреволюции не имеют»¹².

Приведу еще один необычный документ из того же дела: заявление арестантов Президиуму Всероссийского ЦИК об оскорбительном отношении к ним, датированный 3 августа 1918 г.:

«Мы, члены партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов), арестованные после террористического акта над послом германского империализма, требуем немедленного приведения в исполнение над нами смертного приговора, который, очевидно, входит в план действий правительственной партии. Иначе ничем другим необъяснимо то вызывающее и оскорбительное отношение к членам партии революционного социализма, которые мы встречаем за последние дни от некоторых начальствующих лиц нашего заключения (помощник коменданта, караульные начальники). Тот чисто жандармский режим, которому мы подвержены за последние дни после почти месячного заключения без всякого предъявления обвинения, выражающийся в грубых окриках “не разговаривай”, “проходи”, в тыканье, в ночных вторжениях в камеру к мирно сидящим или спящим людям с угрозами “посадить в холодную”, в наведении револьвера на безоружных заключенных и грубым хватании за шиворот, этот режим ясно показывает, что провоцируется “случайный” расстрел.

Требуем приведения его в исполнение не в случайном порядке во избежание лишних оскорблений полицейско-жандармского характера.

<...> Просим довести до сведения нас о получении этого заявления, так как нам ничто решительно не гарантирует его пересылку по адресу»¹³.

Это необычное заявление было подписано пятью подследственными, включая А. А. Измайлович и Е. Н. Мальма. Примечательно, что один из подписавших – сочувствующий ПЛСР Ф. Л. Жеблеенок (бывший служащий Центрального телеграфа, обвинявшийся в содействии захвата левыми эсерами здания телеграфа) через четыре дня погиб от якобы случайного выстрела часового¹⁴. Хотя Мальм, опрошенный в качестве свидетеля по заведенному делу о гибели товарища от винтовочного выстрела наповал, не настаивал на преднамеренном характере убийства, левыми эсерами, и в первую очередь М. А. Спиридоновой, высказывались сомнения в случайном характере выстрела.

В это время Богданов и Мальм были разлучены, и первого из них препроводили в губернскую (Таганскую) тюрьму с сопроводитель-

ным предупреждением от ОСК «о строгом содержании без свиданий до нашего разрешения и с бдительным над ним надзором». Тем временем разбирательство в отношении левозсеровского «мятежа» двигалось к завершению, и 7 сентября 1918 г. член Особой следственной комиссии В. Э. Кингиссеп вынес постановлено: «Мальма Евгения Николаевича из-под стражи освободить и обязать подпиской к явке в следственную комиссию револ[юционного] трибунала при Вс[ероссийском] ЦИК и сообщению туда своего адреса».

Мальм тут же дал соответствующую расписку: «Обязуюсь явиться в следственную комиссию Рев[олюционного] Трибунала при ВЦИК по первому требованию и сообщить ей свой адрес безотлагательно»¹⁵.

На другой день из Таганской тюрьмы был отпущен и М. А. Богданов, указавший в штампике данной подписки: «проживать буду в Москве, Арбат, 29, кв. 11, и обязуюсь из Москвы никуда не выезжать»¹⁶. Не вполне ясно, была подписка аннулирована официально, или они нарушили ее, скрывшись из столицы, так как далее начинаются довольно таинственные эпизоды в совместной биографии левозсеровских подпольщиков. Известно, что поначалу Богданов и Мальм были направлены в Смоленскую и Витебскую губернии с целью организации повстанческого движения против немцев в Белоруссии и восстановления разгромленных к этому времени партийных организаций.

По словам одного из главных руководителей ПЛСР В. Е. Трутовского, в его подробных показаниях в 1937 г., «авантюристическими были, вызванные Смоленской организацией ЛСР во главе с Богдановым (теперь умер) и Мальмом крестьянские восстания, как и восстания в Витебской губернии и ряде других мест»¹⁷.

В другом месте этих пространных показаний Трутовский заявлял: «В частности, характерна роль сторонников Спиридоновой Богданова и Мальма, добывших каким-то образом себе поезд, в котором они и разъезжали. Они оперировали сначала в Западной области, потом перебрались на Волгу, вступили в какое-то форменное сражение с чекистами в Казани, когда их вздумали арестовать. Подробности этой “авантюристической” работы мне недостаточно известны...»¹⁸.

Вероятно, сообщаемое Трутовским относится к периоду осени 1918 – зимы 1919 гг., так как с весны 1919 года «Аяксы» действи-

тельно активно действовали в Казани и ее окрестностях, входя в состав Поволжского областного и Казанского губернского комитетов ПЛСР. Надо сказать, что к этому моменту Казань сделалась средоточием руководства подпольной работой ПЛСР, поскольку именно сюда была вывезена из Москвы бежавшая в ночь с 1 на 2 апреля из кремлевского заключения М. А. Спиридонова. Как выяснили чекисты, Богданов и Мальм одно время проживали в Кошачьем переулке¹⁹, в квартире жены руководителя казанских левых эсеров И. А. Майорова²⁰.

По словам завербованного чекистами левое эсера Ивана Журавлева, ставшего секретным сотрудником, под руководством «Аяксов» группой из десяти человек, переодетых красноармейцами, был произведен налет в Чистопольском отделе социального обеспечения, закончившийся экспроприацией 800 тысяч рублей²¹. Еще одной дерзкой акцией прямого действия в Казани стало освобождение арестованных товарищей из Пересыльской тюрьмы (в ходе перестрелки погиб видный левый эсер Л. Н. Шульгин.) В августе 1919 г. М. А. Богданов прибыл для участия в III Совете партии в Москву. По постановлению ЦК он должен был 13 августа в парке Сокольники убить А. К. Мошина, еще одного левое эсера, ставшего агентом ВЧК, но тому удалось убежать. Во время начавшейся перестрелки Богдановым будто бы был убит красноармеец, пытавшийся его преследовать. На другой день на Казанском вокзале, окруженный «разведчиками» (сотрудниками наружного наблюдения) ВЧК, он открыл по ним стрельбу и также застрелил кого-то из чекистов, после чего успешно скрылся.

Дальнейшие операции по задержанию особо опасных «Аяксов» поручались весьма видным чекистам. 24 октября 1919 г. операцией в Казани руководил прибывший из Москвы член коллегии Секретного отдела ВЧК, начальник железнодорожной милиции и член коллегии Главмилиции М. А. Дейч. Операция производилась в дачном районе «Немецкой Швейцарии», где на одной из дач размещалась левое эсеровская подпольная типография. Но здесь надо сделать небольшое отступление.

В фонде Политического Красного Креста в ГА РФ удалось выявить анкеты Е. Н. Мальма и мастерового И. М. Шамова. Мальм сообщал, что вторично был осужден Кассационным трибуналом 3 ноября 1920 г. к 8 годам заключения за «убийство провокатора и вооруженное сопротивление»²². Заведующий обувной мастерской, са-

пожник по профессии и эсер по партийной принадлежности Шамов сообщал в анкете о том, как по просьбе товарищей по партии принял на работу некоего Петрова и предоставил ему комнату при мастерской, находившейся в Подмосковье на станции Малаховка. 5 октября 1919 г. Петров и другие левые эсеры устроили там собрание. Затем Петров пришел домой к Шамову с сообщением, что их «разогнали и попросился у меня ночевать, и ночью я был арестован вместе с ним и доставлен в В.Ч.К., после этого его не видел и где он не знаю»²³. А след «Петрова» отыскался между тем в Казани.

Вот как рассказывал об этом в 28-ми страничном мемуарном машинописном очерке «История одного процесса», сохранившемся в следственном деле 1923 г. в архиве УФСБ Санкт-Петербурга и Ленинградской области, М. А. Богданов:

«ЖУРАВЛЕВ, принявший в качестве «секретного сотрудника ВЧК» фамилию ПЕТРОВ, явился в Казань 24 октября, разыскал одного из партийных товарищей, работавшего в типографии О.К. (областного комитета. – Я. Л.), заявил, что он приехал только что Москвы с важными известиями от Центрального Комитета, и был приведен ничего, конечно, не подозревавшим товарищем к нам. В это время мы были на даче в Немецкой Швейцарии, где помещалась типография. Туда-то и был приведен ПЕТРОВ-ЖУРАВЛЕВ, которого мы приняли по-братски, как принимают своих товарищей в революционной семье. Этой же ночью дача (мы в ней и ночевали в то время, работая по 18–20 часов в сутки) была окружена приехавшим с ЖУРАВЛЕВЫМ чекистским отрядом. Провокатор должен был незаметно отворить им дверь во время нашего сна, но это ему не удалось. Мы проснулись, и чекисты, услышав внутри дачи наши шаги, открыли сразу же бешеную стрельбу по даче, сопровождаемую какими-то неистовыми воплями: «Открывай дверь. Зажигай огонь». (Впоследствии мы узнали, что причиной такого «нервного» невыдержанного поведения чекистов служили те фантастические сказки о наших боевых подвигах, которыми морочил провокатор их головы.) Нам ничего не оставалось делать, как подороже продать свою жизнь, осыпавшим нас градом пуль жандармам, и мы вчетвером начали отстреливаться (кроме меня и Евгения на даче осталось ночевать еще два партийных товарища).

Еще вечером поведение ЖУРАВЛЕВА и сбивчивость его в некоторых вопросах навела меня с Евгением на подозрения, которые

еще больше усилились при замеченной нами попытке его открыть дверь чекистами. Мы решили ни на одну секунду не спускать с него глаз, и когда он попробовал сначала у меня, а затем у одного из наших товарищей, под благовидным предлогом взять револьвер, наши подозрения превратились в уверенность. Прекратив на минуту стрельбу, я начал советоваться с Евгением, как поступить. В жуткой темноте дачи, освещаемой только вспышками револьверных выстрелов, нам надо было, руководствуясь только имеющимися немногими фактами и подозрениями да нашей революционной интуицией, решить вопрос о человеческой жизни. Решил его сам предатель. Почувствовав инстинктивно, что его игра раскрыта, он в панике бросился в окно, чтобы присоединиться к осаждавшим нас жандармам. И так же инстинктивно, обменявшись одним лишь взглядом, я с Евгением бросились за ним к окну с одной мыслью: “Нельзя допустить его предать остальную часть организации”.

Разом прогремело два выстрела – из моего Маузера и из Кольта Евгения, – и предатель рухнул бесформенной массой в двух-трех шагах от (в документе обрезана строка. – Я. Л.), но, двумя пулями, попавшими одна в затылок, другая в позвоночник. И несколько наших товарищей избежали коммунистической каторги, т.к. кроме нас и нескольких партийных работников из области ЖУРАВЛЕВ-ПЕТРОВ не успел еще никого предать. Интересно, что один из видных казанских чекистов, уже через полгода в разговоре с нами об этом эпизоде, характеризовал отношение Чека к казни этого предателя так: “Собаке – собачья и смерть”.

Чекисты были ошеломлены оказанным нами сопротивлением, т.к. они рассчитывали захватить нас спящими в постели. Пользуясь их смятением, нам всем после часовой перестрелки удалось, выпрыгнув из окна, прорваться сквозь их кольцо и бежать, отделавшись лишь легким ранением одного из бывших с нами товарищей»²⁴.

В известной книге М. Я. Лациса «Два года борьбы на внутреннем фронте» был приведен мартиролог погибшим чекистам. В нем значился и сотрудник ВЧК Петров: «убит левыми соц[иалистами]-революц[ионерами] в Казани»²⁵.

После перестрелки в «Немецкой Швейцарии» Мальм и Богданов вновь вернулись к активной работе в подполье. В 1920 г. они образовали «группу активных интернационалистов», и, проживая в Ка-

зани по фальшивым документам комиссаров «Губкомдезертира» (Губернской комиссии по борьбе с дезертирством), вели работу по вовлечению новых кадров в партию. Как раз в это время, в февралемарте 1920 г. на территории Казанской, Самарской и Уфимской губерний, где проживало около 3 миллионов крестьян, стихийно вспыхнуло восстание, называемое в историографии «вилочным» или «восстанием Черного орла-земледельца». Волнениями были охвачены в Бугульминском уезде 22 волости, Чистопольском – 12, Мензелинском – 25. Вскоре все Закамье было охвачено восстанием, распространившимся на Белебеевский, Уфимский и Бирский уезды. Восставшие жестко расправлялись с продотрядниками и советскими руководителями на местах. В «Вилочном восстании» в общей сложности приняли участие до 50 тысяч человек, и для их подавления пришлось срочно перебрасывать регулярные войска с фронта.

Согласно заключения от 19 мая 1920 г. военного следователя Особого отдела Реввоенсовета дислоцировавшейся в Казани Западной армии А. Хмелева по делу «СВИНЕЦ» «о раскрытии подпольной Казанской организации левых эс-эров», место нахождения «Аяксов» с октября по декабрь 1919 г. «было неизвестно, но поймать их было задачей агентуры». 18 декабря чекистам повезло: одному сотрудников удалось войти в доверие к хозяину конспиративной квартиры, левому эсеру Петру Шумилову, которого посещали Богданов с Мальмом. По словам Хмелева, «Шумилов снабжал организацию и деньгами, и продовольствием, и всеми нужными документами. В его же квартире находилась и типография. <...> Привести что-нибудь конкретное, подтверждающее их (Богданова и Мальма. – Я. Л.) усиленную агитацию среди красноармейских масс и работы на основании материала – нельзя».

Останавливаясь на их работе «в области восстания», Хмелев считал, что «мало что говорит за то, что Чистопольское и Мензелинское восстание “дело их рук”, но мне кажется, что работа в уездах ими велась – это подтверждают некоторые аг[ентурные] рапорты». Документы «комиссара Губкомдезертира»²⁶ давали им право иметь при себе оружие, брать лошадей в сельсоветах «по первому требованию», питаться и самое главное получать широкую информацию о положении дел на местах. Агентуре удалось зафиксировать две поездки в город Свияжск через село Васильево: «Останавливались у крестьян, преимущественно председателей Сельских Советов, пили

чай, а за чаем получали нужные им справки относительно дел [в] волости. Интересовались, много ли дезертиров и дезертирует? Председатели Сельского Совета, конечно, от “комиссаров”, которые “имеют право арестовывать”, ничего не скрывали. Из Казани они отлучались довольно-таки часто. Таким образом, можно отметить, что, кроме г. Казани, подпольная работа велась и в уездах, а связующим звеном были М. Богданов и Ж. Мальм²⁷. <...>

Многие начинания в корне пресек их арест 19 апреля [19]20 г. <...>».

Как бы то ни было в плане их с Богдановым реального или мнимого участия в плане подготовке восстания, но для их ареста в Казань теперь выехал никто иной, как заместитель председателя ВЧК и одновременно председатель Особого трибунала ВЧК И. К. Ксенофонов. Выданные агентом Москвичевым, ранее привлеченным ими к работе в Казанской организации, Богданов и Мальм были арестованы, после отчаянной перестрелки. Вот что поведал в собственноручных показаниях Е. Н. Мальм на допросе 15 июня 1920 г.:

«19 Апреля 1920 г. около 2[-х] часов дня я проходил с тов. Богдановым по Рыбнорядской улице гор. Казани. Мы подошли к стоявшему извозчику, и в тот момент, когда мы его нанимали, на нас сзади набросилось несколько человек и, повалив нас на панель, закричали: “Руки вверх” После некоторых усилий нам удалось подняться на ноги. В первую минуту я ничего не мог понять, несколько оглушенный падением. Затем я увидел уже на некотором расстоянии группу вооруженных людей, которые открыли по нас довольно таки крупный огонь. С этого момента мы разъединились с тов. Богдановым. Я только увидел тов. Богданова, упавшего раненым на мостовую – причем должен отметить, что до этого момента никто из нас даже не вынимал револьвера. Ввиду того, что создалась сильная паника – хлынувшая толпа несколько оттеснила меня от места происшествия и, таким образом, мне удалось скрыться – причем, уходя, я сделал несколько выстрелов в воздух. Переехав на лодке через реку Казанку, я высадился на дамбе, ведущей в так называемую “Козью слободу”. Через несколько минут я услышал позади автомобильный гудок и, обернувшись, увидел вооруженный автомобиль и конных мадьяр. Первой мыслью моей было желание спасти партийные суммы, находившиеся при мне. Я зашел в первый попавшийся двор с целью спрятать их, но, когда увидел, что двор со всех сторон окружен, и,

кроме того, выглядывающих из всех окон казанских обывателей, я отбросил эту мысль о спасении денег, и оставил их при себе. У меня был при себе портфель с “Маузером”, его я оставил на дворе, так [как] мне стало ясным, что я не уйду. Выйдя из ворот, я в первую минуту был буквально засыпан пулями, сразу же по выходе столкнулся с шофером Особ[ого] Отдела, который выстрелили в меня, на что я ответил тем же. Забежав за угол, я увидел (как потом оказалось) тов. Толле, который начал стрелять в меня, на что я отвечал тоже стрельбой. Во время этой перестрелки с тов. Толле я увидел на его голове “пилотку”. Это показало мне, что меня арестовывает Особ[ый] Отдел при Реввоенсовете Запармии, о котором нам было известно, что в нем были исключительно идейные и порядочные коммунисты. Это меня главным образом заставило отказаться от дальнейшего сопротивления. Тогда я поднялся на дамбу, совершенно не защищенную, и задал стоящим в отдалении особистам следующие вопросы: “Какова судьба тов. Богданова? Будет ли мне дана гарантия в неприкосновенности личности (в смысле оскорбления действием и т.д.)?”, и, удовлетворившись полученными ответами, передал револьвер подошедшим товарищам, заявив, что я сдаюсь. Увидев в высшей степени деликатное, не оскорбляющее революционера отношение арестовавших меня товарищей, я счел своим долгом сказать об оставлении портфеля с “Маузером” и указал его местонахождение»²⁸.

Свои действия получивший ранение в область правой груди М. А. Богданов объяснял на допросе следующим образом:

«1) Напали на нас в высшей степени неожиданно и в грубой форме, т[ак] ч[то] первым выстрелом я был ранен, т.е. первым моим вполне естественным движением была попытка схватиться за револьвер; 2) Огонь первыми открыли сотрудники Ч.К., первым выстрелом я был ранен, т.е. мне не оставалось ничего, как только отвечать тем же...».

Мальм о мотивах, «которые заставили меня оказать сопротивление», показал следующие: «1) для меня оскорбительны были способы ареста – путем нападения сзади и сшибания с ног; 2) я, как партийный работник, вполне естественно, нес ответственность за вверенные мне партийные суммы; 3) я со своей стороны открыл огонь только тогда, когда раздались выстрелы со стороны арестовавших меня лиц и когда я увидел, что тов. Богданов упал, сраженный пулей»²⁹.

Проведя около полутора месяцев под усиленной охраной в подвале Особого отдела, «Аяксы» были отправлены в сопровождении 15 мадьяр в Москву, во Внутреннюю тюрьму ВЧК. По прибытии они пытались адресоваться к руководству хорошо знакомого им еще с 1918 г., по работе в нем, учреждения. От имени группы «активных интернационалистов партии левых социалистов-революционеров», «ставящей себе целью агитационную и организационную работу и террор у белых и за границей», в связи с советско-польской кампанией Богданов и Мальм подали ходатайство о своем освобождении и заброске в тыл противника. Однако руководство ВЧК никак не прореагировало на их просьбу, и вместо этого они были преданы суду Московского революционного трибунала. По обвинению в убийстве секретного сотрудника ВЧК они предстали перед трибуналом 29 сентября 1920 г. В качестве защитников выступали представитель Политического Красного Креста Я. Н. Либсон и левый с.-р. И. З. Штейнберг, оба профессиональные юристы.

В ходе суда председательствующий С. С. Белорусов задал вопрос Мальму, признает ли он себя виновным в убийстве сотрудника ВЧК? По свидетельству Богданова, приведенному в его очерке, его друг и соратник отвечал:

«Признавая факт моего участия в убийстве Журавлева, виновным я себя не признаю, ибо я убивал его по тому же праву, по которому убивали в старое время провокаторов, продававших революционеров царской охранке, против чего в то время большевики не восставали.

Белорусов обиделся за Журавлева и стал на защиту его чести, доказывая, что его провокатором считать нельзя, т.к. он “честно раскаялся в своих заблуждениях и преступлениях против Рабоче-Крестьянского Правительства, вступил в единственно революционную партию коммунистов-большевиков и был послан в Казань, как член РКП с боевым заданием по борьбе с контрреволюцией”.

– Да, возразил Мальм, – Журавлев поехал в Казань, как член РКП, а явился к нам, как бежавший из Москвы от преследований той же РКП, левый эсер. Если это не чистой воды провокация, то объясните мне смысл этого слова. И в царской охранке попадавшие туда слабые “честно каялись” в своих преступлениях и боролись с революцией, как боретесь и вы.

Услышав такую “еретическую” отповедь, Белорусов как-то даже испуганно спросил.

– Так вы не видите никакого различия между провокатором царского охранного отделения и сотрудником нашей рабоче-крестьянской чрезвычайной комиссии.

– Ни малейшего, – твердо выразил Евгений. – Как тех, и других провокаторов мы убивали, убиваем и будем убивать»³⁰.

В итоге трибунал вынес неожиданное постановление: «признать все обвинения гр[ажд]н БОГДАНОВА и МАЛЬМА – ДОКАЗАННЫМ, но принимая во внимание, что совершенные ими преступления являются логическим следствием их антиматериалистической, мелко-буржуазной идеологии, особо вредной в 1919 году, и что представленное Ц.К. П.Л.С.Р. Интернационалистов (большинства) заявление о том, что подсудимые БОГДАНОВ и МАЛЬМ являются членами этой легализованной и лояльной к Советской власти партии, принимающим под свою ответственность отдельных членов ее, с одной стороны, и, с другой, возможность констатировать факт происходившей и происходящей эволюции в их идеологии, а посему ТРИБУНАЛ находит возможность не подвергать наказанию, БОГДАНОВА и МАЛЬМА и ИЗ-ПОД СТРАЖИ ИХ ОСВОБОДИТЬ»³¹.

Однако праздновать победу оказалось преждевременным. Оправданные арестанты добровольно вернулись в Таганскую тюрьму вплоть до поступления туда распоряжения об их освобождении. Проведя сутки в ожидании такового, они были вызваны в тюремную контору, где им официально объявили об освобождении. Но не тут-то было. Не успели они выйти из конторы, как к ним подошел комиссар ВЧК и... предъявил новый ордер на арест. В нарушение всех юридических норм «Аяксы» были препровождены теперь уже в Бутырскую тюрьму, а 7 октября оправдательный приговор был обжалован ВЧК. Член-докладчик по кассационному протесту, заместитель председателя ВЧК и личный враг «Аяксов» И. К. Ксенофонов полагал нужным «войти в Президиум ВЦИК с ходатайством о изменении оправдательного приговора в отношении гр.гр. МАЛЬМА и БОГДАНОВА, как не соответствующему коммунистическому правосознанию, революционной целесообразности и нарушающих ст. 24 Пол[ожения] о Триб[унале], требующей при вынесении приговора руководствоваться интересами пролетарской революции, и назначить за совершение МАЛЬМОМ и БОГДАНОВЫМ преступного деяния высшую меру наказания, заменив ее, в силу амнистии от 5 ноября 1919 года и от 1-го мая 1920 г. 5-ти летним лишением сво-

боды со строгой изоляцией и применением общественных принудительных работ»³².

Как излагал дело Богданов (данный фрагмент был опущен в публикации «Провал дела “Свинец”» в журнале «Родина»):

«Коллегия ВЧК все же подала жалобу в Кассационное отделение Верховного Трибунала, и этим получила (со своей точки зрения) право держать нас в тюрьме, вопреки приговору Трибунала. В ноябре Верховный Трибунал под председательством КРАСНОВА рассматривал снова наше дело, в наше отсутствие. Коллегия ВЧК опротестовала приговор Московского Трибунала по мотивам формальных неправильностей. Верховный же Трибунал разрешил дело иначе. Признав приговор Московского Трибунала с формальной стороны совершенно правильным, Верховный Триб[унал] по существу дела приговорил нас за столь тяжкое преступление к высшей мере наказания, расстрелу, но, принимая во внимание наше долгое предварительное заключение и две амнистии, объявленные за это время, вошел в Президиум ВЦИК с ходатайством о замене расстрела 8-ю годами тюремного заключения. Президиум ВЦИК, рассмотрев все это дело 21 января 1921 г., постановил: приговор Верховного Трибунала отменить и утвердить приговор Московского Трибунала, таким образом, вторично освободив нас. И после этого мы... продолжали сидеть в тюрьме...»³³.

Благодаря обнаружению в фонде Ф. Э. Дзержинского в РГАСПИ среди его служебных пометок такой: «Оправданные и задержанные М. Богданов и Ев. Мальм», – становится понятным, что их дело находилось под его личным контролем³⁴. Но тот же Дзержинский в феврале 1921 г. распорядился освободить М. А. Богданова «ввиду его болезни». На основании резолюции председателя ВЧК было вынесено постановление об отправки «на излечение в одну из санаторий Горкомздравия Москвы, а следствие по данному делу продолжать»³⁵.

Однако по истечении лечения³⁶ через три месяца Михаил Богданов был снова арестован прямо на улице. Со своим другом Мальмом они снова встретились в Таганке. И тогда, как иронизировал Богданов, «убедившись окончательно, что высшей властью в России, нагло смеющейся над всеми своими законами, и над верховными учреждениями страны (как ВЦИК) является ВЧК, твердо решившая сгноить нас в тюрьме, мы освободились сами, совершив в ночь с

25 на 26 августа 21 года удачный вооруженный побег из Таганской тюрьмы»³⁷.

В мемуарном очерке по очевидным причинам он не мог написать о том, что важной пособницей побега стала Екатерина Яковлевна Евстифеева, дочь бухгалтера Таганской тюрьмы, служившая там конторщицей, у которой случился роман с Мальмом. Бежали они в составе группы из шести лиц. Вооруженные доставленными им Евстифеевой револьверами левые эсеры разоружили надзирателей и начальника тюрьмы, и при помощи отобранных у них ключей вышли за наружные ворота, где разделились напополам и скрылись в разные стороны. Если М. А. Богданову, Е. Н. Мальму и С. Г. Панову удалось залечь на дно, то для С. С. Гана, И. Е. Елисеева-Семенова и Е. С. Филатова побег оказался неудачным. Через сутки, в ночь с 26 на 27 августа они были блокированы большим отрядом чекистов и красноармейцев на конспиративной квартире на Шаболовке и, решив не прибегать к насилию, сложили оружие³⁸. В июне 1922 г., одновременно с начавшимся процессом над членами ЦК ПСР, власти решили устроить показательный процесс над группой левых эсеров во главе с Ганом. 27–29 июня они предстали перед Верховным Революционным Трибуналом при ВЦИК, во время которого Ган выступал с резкими заявлениями и речами, обличающими коммунистический режим и его судопроизводство, подверг критике обвинительный акт. Суд под председательством А. А. Сольца приговорил его и других обвиняемых к лишению свободы на срок от одного до трех лет с зачетом предварительного заключения³⁹.

Тем временем путь благополучно скрывшихся Богданова и Мальма лежал сначала на Урал, где им пришлось заняться восстановлением связей местных организаций с руководством ПЛСР, а позже (приблизительно в апреле 1922 г.) они перебрались в Петроград. Здесь «Аяксы» возглавили левоэсеровское подполье и наладили контакты с анархистской группой «Безвластие». Созданному ими Петроградскому Секретариату ПЛСР (интернационалистов) удалось поставить типографию, создать несколько групп из рабочих и студентов общей численностью до 200 человек. Их весьма энергичная подпольная работа, охватывавшая создание молодежных кружков, издания на гектографе «Бюллетеня Петроградского Секретариата» и листовок, подготовку и поначалу успешное проведение XIV Петроград-

ской общегородской конференции, заслуживает написания отдельной статьи.

В личной жизни Мальма и Богданова также произошли перемены. Во втором браке Евгений Мальм соединился с Натальей Алексеевной Петровской (1904 – после 1949), дочерью видного ученого в области радиотехники и электротехники, ученика А. С. Попова и продолжателя его работ, профессора Петербургского электротехнического института и Морской академии, впоследствии заслуженного деятеля науки и техники РСФСР (1941), заведующего кафедрой физики Московского геолого-разведывательного института. В этом браке он имел сына Михаила, 1926 г.р. В середине декабря 1922 г. Богданов, живший под фамилией Орлов, вступил в брак с активной левозеровской подпольщицей Ефросиньей Ивановной Кормилицыной.

Общегородская конференция началась под видом встречи Нового года 31 декабря по адресу проживания Богданова и Кормилицыной в доме № 23 по Палевскому проспекту⁴⁰ за Невской заставой. В сохранившихся протоколах конференции Богданов фигурирует, как «Мишель», а Мальм под своим именем. В ночь на 1 января 1923 г. они были арестованы вместе с прочими участниками (всего на месте чекистам удалось схватить 13 человек, плюс попавшего в засаду 1 января представителя Центрального Секретариата ПЛСР, бывшего матроса-политкаторжанина, узника Шлиссельбургской крепости И. А. Шабалина, задержавшегося с приездом).

Мальма арестовали с документами на имя Александра Ивановича (Иосифовича) Найденова, 1902 г.р. Также у него было изъято удостоверение личности на имя Сергея Николаевича Павлова и револьвер системы «Наган» с патронами⁴¹. Аресты по делу левозеровского подполья продолжились и после того, и в общей сложности по этому коллективному делу проходило 55 человек. Во время следствия в ДПЗ (Доме предварительного заключения) Богданова избрали старостой арестантов. После вынесения приговора 28 апреля 1923 г. об отправке их в Пертоминский концлагерь Богданов и его товарищи объявили бессрочную голодовку. Их тюремная борьба закончилась победой: 16 мая заключение в лагерь было заменено на 3 года ссылки в Енисейскую губернию⁴².

Отбывая ссылку, «Аяксы» и их товарищи по партии снова пытались наладить подпольную деятельность, на сей раз в Красноярске и Минусинске, вследствие чего Г. Я. Голубков-Хохлов, В. И. Петров-

Кормов и И. А. Шабалин 19 августа 1925 г. были переведены в гибельный Туруханский край. Еще раньше находившийся в селе Богучаны Канского уезда на Ангаре М. А. Богданов тяжело заболел и 2 октября 1924 г. скоропостижно скончался. Еще не знавший о его смерти Мальм 7 октября телеграфировал начальнику Ленинградского губернского отдела ГПУ С. А. Мессингу на счет срочного перевода смертельного больного товарища в столичную клинику. 10 октября заместитель начальника Секретного отдела ОГПУ Я. С. Агранов телеграфировал в ответ красноярским чекистам об отправке политссыльного Богданова спецконвоем в Москву, но в ответ получил телеграмму об уже похороненном на Богучанском кладбище революционере.

Согласно, сводкам-наблюдениям Красноярского губотдела ГПУ, 9–10 апреля 1925 г. в Красноярск прибыла теща Мальма – известный врач Надежда Владимировна Петровская (между прочим, в 1896 г. игравшая роль тюремной «невесты» В. И. Ленина, имевшая с ним свидания три раза в неделю в течение двух месяцев) «с целью оказать содействие к облегчению положения ссыльным, перебрасываемым в отдаленные места». Отмечалось также, что она прибыла с Ангары, из чего можно сделать вывод, что Петровская являлась своеобразной связной между ссыльными⁴³.

Как говорилось в одной из сводок, «1-го сентября политссыльный МАЛЬМ устроил прощальную выпивку, на которую были приглашены большинство находящихся в Красноярске политссыльных. В этот же день вечером МАЛЬМ уехал с товарно-пассажирским поездом в Ново-Николаевск»⁴⁴. В Новониколаевске (ныне Новосибирск) он работал в Сибирском отделе здравоохранения и продолжал заниматься научными изысканиями в различных областях знаний, в том числе собрал «археологическую и этнографическую коллекции», гербарии⁴⁵. Вместе с ним жила его семья: жена с сыном и теща.

Из-за заболевания туберкулезом, по окончании ссылки Мальму было разрешено поселиться в Крыму, где с 10 октября 1926 г. по 19 марта 1927 г. он работал на Севастопольской биостанции АН СССР. В это время им была выполнена работа «Действие солянокислого хинина на *Paramecium Caudatum* [инфузории туфельки] в связи с концентрацией водородных ионов», представленная в Академию наук. Довольно неожиданно 30 марта 1927 г. он снова был арестован в Москве на вокзале, при следовании транзитом из Севастополя в Ленинград, перед самой отправкой поезда. При аресте у

него были отобраны собранные им в Сибири коллекции (которые он планировал передать в музей АН), микроскоп, «стеклянные банки с рыбками» в деревянном футляре, а также гербарий. ОГПУ заподозрило его в стремлении продолжить оппозиционную работу, поскольку в Ленинграде «у него имеются богатые связи в ЛСР подполье», тогда как сам Мальм утверждал, что собирался сдать в родном городе рекомендованную Академией наук свою научную работу в печать и «ликвидировать свое имущество» для отъезда в Сибирь. На сей раз под арестом он находился в двух тюрьмах – в Бутырской и Внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке. После ходатайства со стороны АН СССР в лице неопременного секретаря, академика С. Ф. Ольденбурга о «крайне желательной возможности продолжения занятий Е. Н. МАЛЬМА на Севастопольской биологической станции» его все же довольно скоро освободили.

Исходя из постановления Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 6 мая об ограничении права проживания в ряде городов Европейской части СССР («минус 10») сроком на 3 года, Мальм вернулся в Севастополь. Ему удалось выпустить ряд высокопрофессиональных научных работ: «Явления «длительной инкубации» и хинорезистентности Plasmodium [плазмодии] малярии с биохимической точки зрения» (Харьков: «Научная мысль», 1928), «К вопросу о действиях алкалоидов на простейших в связи с концентрацией водородных ионов и явлениями полупроницаемости клеточной оболочки» (Л., 1930), «Явления временного анаэробнозиса у некоторых представителей бентоса Черного моря» (Л., 1930), «Дельфины Черного моря» (Л.: издательство АН СССР, 1932), и др. Он участвовал в гидробиологических морских экспедициях, был постоянным автором журнала «Природа» и регулярно выступал с научными докладами.

В то же время в Севастополе Е. Н. Мальм продолжал контактировать с соратниками по движению, в частности с эсером-максималистом И. И. Жуковским-Жуком. По словам В. Е. Трутовского, у них проявились «террористические настроения»⁴⁶, что, несомненно, стало реакцией на начавшуюся коллективизацию. В этот же период Мальм женился на Марии Николаевне Майер (1906–1984), дочери полковника-артиллериста, участника Первой мировой войны, правнучке доктора Н. В. Майера, увековеченного М. Ю. Лермонтовым в романе «Герой нашего времени» в образе доктора Вернера. В начале 1933 г. по всему Советскому Союзу прокатилась волна арестов

бывших членов ПСР и ПЛСР. В Крыму среди задержанных оказались Мальм и его молодая жена (вскоре, к счастью, освобожденная).

Мальм же был этапирован в Бутырку и в связи с делом так называемого «Народнического центра» приговорен к трем годам заключения, которое отбывал в Ярославской тюрьме. По отбытии срока, после непродолжительного проживания в Мелитополе, несмотря на статус административно-высланного, 6 мая 1936 г. он был принят на должность старшего научного сотрудника Новороссийской биостанции. В разгар террора ему каким-то образом удалось добиться возвращения в Ленинград, где с 8 августа 1938 г. он трудился в должности научного сотрудника I разряда Северной биостанции и старшего научного сотрудника биохимической лаборатории штата «Наука» в НИИ нейрохирургии им. А. Л. Поленова в Ленинграде. Публикация его последнего доклада на тему «Роль водного обмена при некоторых заболеваниях головного мозга» была выявлена в «Трудах научных конференций» данного института в 1941 г.⁴⁷ Приказом директора НИИ от 24 сентября 1941 г. Е. Н. Мальм был отстранен от работы «на основании рапорта НКВД»⁴⁸. Его сын Е. Е. Мальм-Майер, родившийся в последнем браке, полагает, что отец либо стал жертвой немецкой бомбардировки, либо мог быть тайно убит сотрудниками НКВД – в том и другом случае при вывозе ленинградской милицией на баржах по Ладожскому озеру на Север всех ранее репрессированных и неблагонадежных лиц из Ленинграда. По крайней мере, после ареста в 1941 г. следы Мальма теряются.

Судьба его жен сложилась по-разному. Из Севастополя Мария Майер со своим семейством эвакуировалась в Элисту, но под немецкую оккупацию все же попала. Позже во избежание репрессий они решили пробираться на Запад, оказались в лагере для перемещенных лиц в Австрии. Далее семья попала в Аргентину, которая давно слыла страной иммигрантов. Взрослые члены семьи быстро нашли работу. Мария Николаевна устроилась переводчиком, ее брат – инженером-электриком, сестра – экономкой в английской семье. Дети пошли в школу, и, в конце концов, Евгений Мальм-младший окончил консерваторию по классу дирижера, был организатором и руководителем русских хоров «Ивушка» и «Знаменный», работал переводчиком, преподавал, участвовал в постановке «Бориса Годунова» в оперном театре Буэнос-Айреса. Позднее он был стипендиатом Гнесинского института в Москве, стажировался при Мо-

сковском камерном хоре, и продолжал руководить русскими хорами в Испании.

Наталья Алексеевна Петровская, окончившая Томский университет с дипломом радиофизика, проживавшая в Горьком и трудившаяся ассистентом кафедры радиотехники Горьковского промышленного института, в 1933 г. была этапирована в Симферополь и провела под арестом два месяца по подозрению в политических связях с бывшим мужем. 31 октября 1937 г. за ней снова пришли, и 9 января 1938 г. она была приговорена Особым совещанием при НКВД СССР к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. После окончания срока, который она отбыла в Сиблаге и Алтайлаге, Петровская устроилась на работу пианисткой в клубе Первомайского завода поселка Ташино⁴⁹ Горьковской области. 21 февраля 1949 г. она вновь была арестована и на этот раз Особое совещание при МГБ уже 20 апреля постановило этапировать ее в Красноярский край с последующей ссылкой на спецпоселение. Попытки заступничества за нее со стороны знаменитого отца ни к чему не привели. Но во время ареста в 1937 г. ей чудом удалось скрыть от следователей информацию о своем сыне, написав в анкете об отсутствии у нее детей. По-видимому, их с Мальмом сына Михаила в это время опекал дядя – сводный брат Натальи Петровской, контр-адмирал Всеволод Алексеевич Петровский. В дальнейшем сын окончил Одесскую «мореходку» и работал в торговом флоте.

Подводя итоги, надо сказать, что в биографии Е. Н. Мальма имеется еще немало лакун, которые, надеюсь, будут закрыты. Требуется еще дополнительного изучения и его научное наследие, которое даст дополнительные штрихи к личностному портрету этого, безусловно, яркого революционера и ученого.

¹ Левые эсеры и ВЧК : сб. документов. Казань, 1996. С. 181–183; *Велидов А. С.* Похождения террориста : Одиссея Якова Блюмкина. М., 1998. С. 7–9.

² Знамя Борьбы. 1925. № 9–10.

³ Провал дела «Свинец» / Публ., вступ. ст. и коммент. Я. Леонтьева // *Родина*. 2008. № 5.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 434. Оп. 2. Д. 194.

⁵ Партия левых социалистов-революционеров : сб. документов и материалов / Сост. Я. В. Леонтьев. Т. 1. М., 2000. С. 674.

⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-8. Т. 8. Л. 29.

- ⁷ Там же. Л. 45.
- ⁸ Левые эсеры и ВЧК. С. 181.
- ⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-8. Т. 8. Л. 70. (Партия левых социалистов-революционеров : сб. документов и материалов / Сост. Я. В. Леонтьев. Т. 2. Ч. 2. М., 2015. С. 334.)
- ¹⁰ Там же. Лист не пронумерован.
- ¹¹ Партия левых социалистов-революционеров : сб. документов и материалов. Т. 2. Ч. 2. С. 338–344.
- ¹² ЦА ФСБ РФ. Д. Н-8. Т. 8. Л. 44.
- ¹³ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-8. Т. 15. Л. 47–47 об. (Партия левых социалистов-революционеров : сб. документов и материалов. Т. 2. Ч. 2. С. 345).
- ¹⁴ Подробней см.: Партия левых социалистов-революционеров : сб. документов и материалов. Т. 2. Ч. 2. С. 1033.
- ¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Н-8. Т. 8. Л. 25. (Партия левых социалистов-революционеров : сб. документов и материалов. Т. 2. Ч. 2. С. 401.)
- ¹⁶ Там же. Л. 75.
- ¹⁷ Левые эсеры и ВЧК. С. 466.
- ¹⁸ Там же. С. 478.
- ¹⁹ Сейчас Юшков пер.
- ²⁰ Впоследствии И. А. Майоров женился на М. А. Спиридоновой.
- ²¹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-44321. Т. 1. Л. 30.
- ²² ГА РФ. Ф. Р-8419. Оп. 1. Д. 220. Л. 126.
- ²³ Там же. Д. 273. Л. 121 об.
- ²⁴ Провал дела «Свинец». С. 105.
- ²⁵ *Лацис (Судрабс) М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 80.
- ²⁶ Богданов действовал с мандатом на имя Михаила Алексеевича Бахметьева.
- ²⁷ В допросах ряда казанцев Е. Н. Мальм фигурирует в качестве «Женьки», как, видимо, за глаза его называли.
- ²⁸ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-44321. Т. 1. Л. 18, 19.
- ²⁹ Там же. Л. 20.
- ³⁰ Провал дела «Свинец». С. 109.
- ³¹ Там же.
- ³² ЦА ФСБ РФ. Д. Р-44321. Т. 1. Л. 9 об.
- ³³ Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-82335. Т. 1. Л. 55, 56.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 29.
- ³⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-44321. Т. 1. Л. 173.
- ³⁶ Небезынтересно отметить, что лечение М. А. Богданов совмещал с учебой в Московских Высших государственных художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС). Е. Н. Мальм также побывал на лечении в Пречистенской больнице.

³⁷ Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-82335. Т. 1. Л. 56.

³⁸ Вместе с ними были арестованы содержавшие явочную квартиру Е. А. Смирнова и Л. А. Головина, а также левозэсеровские подпольщики П. А. Сугутский (настоящая фамилия Егоров) и В. Н. Уткин.

³⁹ Пути революции. Берлин, 1923. С. 290.

⁴⁰ Ныне – проспект Елизарова.

⁴¹ Архив УФСБ по СПб. и ЛО. Д. П-82335. Т. 2. Л. 367.

⁴² Первоначально планировался вариант ссылки в Новониколаевск, как это видно из письма Е. Н. Мальма Е. П. Пешковой: «Наше “дело” кончилось более или менее благополучно. Московский приговор о Пертоминском лагере отменен, и взамен последнего нас всех (М. Богданова, В. Петрова-Кормова, А. Доброхотову, Е. Евстифееву, О. Рямаеву, М. Крупнову, Г. Голубкова, И. Шабалина, Е. Кормилицину и меня) высылают в Ново-Николаевск (на р. Оби) на 3 года. Отъезд наш предполагается 25 мая. Конфликта с Чека не было, так как приговор был довольно таки скоро отменен». (ГА РФ. Ф. Р-8209. Оп. 1. Д. 8. Л. 193).

⁴³ Вероятно, география разъездов Н. В. Петровской была достаточно широка, поскольку ее дочь Н. А. Петровская в это время училась в Томском университете.

⁴⁴ Архив УФСБ по Красноярскому краю. Д. 20209. Л. 129, 134.

⁴⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р-44321. Л. 25, 29.

⁴⁶ Левые эсеры и ВЧК. С. 494.

⁴⁷ См.: Труды научных конференций Ленинградского нейрохирургического института. Л., 1941. С. 26 и далее.

⁴⁸ Архивная справка Федеративного государственного бюджетного учреждения «РНХИ им. проф. А. Л. Поленова» Минздрава России.

⁴⁹ Ныне – г. Первомайск Нижегородской области.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив УФСБ по СПб. и ЛО	– Архив Управления федеральной службы безопасности по С.-Петербургу и Ленинградской области
ГАКО	– Государственный архив Курской области
ГА РФ	– Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ИВР РАН	– Институт восточных рукописей Российской академии наук (С.-Петербург)
НИОР РГБ	– Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
ПЛСР	– Партия левых социалистов-революционеров
ПСР	– Партия социалистов-революционеров
РГА ВМФ	– Российский государственный архив военно-морского флота (С.-Петербург)
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
РГИА	– Российский государственный исторический архив (С.-Петербург)
РНБ АДП	– Российская национальная библиотека. Архив Дома Плеханова (С.-Петербург)
РНХИ	– Российский научно-исследовательский нейрохирургический институт (С.-Петербург)
ЦА ФСБ РФ	– Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (Москва)

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамов Я. В. 3, 6, 20–26, 28–30, 32, 34–36, 170, 194–196, 198, 199, 203–213
Авксентьев Н. Д. 10, 60, 172
Аврус А. И. 81, 241
Агранов Я. С. 263
Айхлер В. 179
Акимова Т. 115
Аксельрод П. Б. 86, 92–94, 97–101, 104–106
Алафаев А. А. 212
Александр II 109, 146
Александр III 10, 20, 30, 41, 110, 113
Алексеева Г. Д. 241
Алисов П. Ф. 112
Альтман И. А. 120, 146
Андреюшкин П. 120
Анненский Н. Ф. 6, 159, 160, 218, 220
Анненков П. В. 198, 199, 207, 218
Антонов В. Ф. 12, 19
Аптекман О. В. 105, 142, 147
Аргунов А. А. 172
Арсеньев К. К. 201, 205
Арсланов Р. А. 127, 129
Ахиезер А. С. 69, 147
Ашенбреннер М. Ю. 119
- Бабурин С. Н. 10
Бакунин М. А. 12, 47, 85–88, 104, 107, 141
Балуев Б. П. 27, 35, 49, 146, 147, 162, 192
Барриве Л. 146
Бауэр О. 164
Бахарев В. 115
Бахметьев М. А. 246, 267
Безбережьев С. В. 81
Бек У. 51
Белевский А. С. 120
- Белокопский И. П. 214, 215, 218, 220, 223
Белорусов С. С. 258
Бердяев Н. А. 18, 38, 40, 45, 47–49, 64, 69
Берзина А. А. 68
Берк С. 76
Бернштейн Э. 132, 165, 170, 194
Бикерман И. 158, 159, 163
Бирюкович В. В. 153, 154, 162
Блан Л. 123
Блохин В. В. 3, 6, 121, 129
Блэк С. 50
Блюмкин Я. Г. 248, 266
Богданов М. А. 244–263, 267, 268
Богомолец С. Н. 89
Боград Р. М. 97
Бодаев В. А. 119
Бонч-Осмоловский А. О. 120
Боткин В. П. 198
Брешко-Брешковская Е. К. 120
Бруснев М. И. 120
Будницкий О. В. 34, 112, 120
Буланов А. П. 133, 134, 147
Буланова О. В. 110
Буланова-Трубникова О. В. 119
Буланый 247
Булгаков В. Ф. 40, 48
Бунаков-Фондаминский И. И. 60, 68
Бурцев В. Л. 113, 118, 248
Бухарин Н. И. 68
Буцевич А. В. 109
Буцинский Д. Т. 88
Быстрянский В. 80
Бычков А. И. 142, 147
Бялый Г. А. 199, 211, 212
- Валентинов Н. см. Вольский Н. В.
Вандалковская М. Г. 19, 146
Вандервельде Э. 231
- 270

- Варзар В. Е. 217, 218, 220
 Варынский Л. 96
 Васильев 247
 Васильчиков А. И. 123
 Вебер М. 170, 240
 Велидов А. С. 266
 Вернер К. А. 215, 218, 221
 Веселовский А. Н. 201
 Весницкая Л. А. 247
 Виленская Э. С. 146
 Виташевский Н. А. 131, 137, 138, 140
 Вишневский А. 69
 Вишняк М. В. 167–170, 172, 177, 178, 180, 181, 225, 241
 Водовозов В. В. 155, 163
 Волк С. С. 119
 Волков Ф. К. 88
 Володарский В. 78
 Вольский Н. В. 169, 180
 Воронцов В. П. 3, 6, 20–22, 26, 30, 33, 36, 130, 133, 182, 193, 195, 196, 208, 209, 230
 Воропонов Ф. Ф. 201
- Гайдебуров П. А. 30
 Гайер Д. 53
 Галахов А. Д. 201
 Гальперин Е. А. 120
 Ган С. С. 261
 Гармиза В. В. 80
 Гатти Г. 231
 Генералов В. 120
 Герц Ф. О. 132, 128
 Герцель Т. 158
 Герцен А. И. 7, 8, 9, 11–13, 15, 19, 30, 46, 47, 55, 137, 213
 Гершензон М. О. 168
 Гершенкрон А. 51, 52, 59
 Гершуни Г. А. 120
 Гильфердинг Р. 132
 Гинев В. Н. 59, 67, 71, 80, 241
 Гоголь Н. В. 8
- Годунова Л. А. 119
 Головина Л. А. 268
 Головинов А. В. 49
 Головки В. М. 3, 6, 29, 36, 49, 194, 213
 Голосеева А. А. 81, 241
 Голубков Г. см. Голубков-Хохлов Г. Я.
 Голубков-Хохлов Г. Я. 262, 268
 Голубовский Л. Б. 247
 Горев Б. И. 80
 Гортен 248
 Горький А. М. 44, 49
 Гоц А. Р. 60, 172
 Градовский А. Д. 127, 129
 Грановский Т. Н. 198
 Грегори П. 53
 Григорьев В. Н. 215, 218, 220
 Гросул В. Я. 104
 Грушевский М. 104
 Гусев К. В. 71, 80, 81, 241
 Гуссерль Э. 209
- Даниельсон Н. Ф. 130, 133, 189, 192, 230
 Данилевский Н. Я. 227
 Дебогорий-Мокриевич В. К. 88, 95
 Дейч Л. Г. 86, 88, 91, 92, 94, 97, 100, 102–106, 131, 142, 220, 223
 Дейч М. А. 252
 Дембский А. 112
 Джордж Г. 43
 Дзержинский Ф. Э. 260
 Дикштейн С. 96
 Длусский К. М. 99
 Добровольский А. В. 81
 Доброхотова А. 268
 Должиков В. А. 47, 49
 Достоевский Ф. М. 38, 44–46
 Драгоманов М. Н. 6, 84, 86–88, 90, 92–102, 104, 106
 Дьячков В. Л. 180
 Дюркгейм Э. 209

Евстифеева Е. 261, 268
Егоров М. 115
Егунова-Щербина С. 104
Елисеев-Семенов И. Е. 261
Ерофеев Н. Д. 58–61, 67, 79, 81
Ерыгин А. Н. 213

Жвания Д. Д. 36
Жеблеенок Ф. Л. 250
Жебунев Л. Н. 88
Желябов А. И. 84, 98, 104, 108
Житецкий Р. А. 88
Житловский Х. О. 111
Жорж 101
Жук 101
Жуков В. Н. 213
Жуковский Н. И. 86, 99
Жуковский Ю. А. 201
Жуковский-Жук И. И. 264
Жумаева Л. С. 80
Журавлев И. 244, 252–254, 258

Забрамский Л. 88
Завалишин Ф. И. 119
Зайчневский П. Г. 107
Засулич В. И. 92, 94, 96, 99, 106
Захаров В. Ю. 66
Зверев В. В. 3, 6, 27, 28, 30, 31, 35,
36, 56, 67, 119, 146, 147, 180, 182,
192, 194, 206, 211, 213
Зеленин Ю. А. 3, 5, 8–10, 18, 37,
212
Зензинов В. М. 60, 172
Зеньковский В. В.

Иванова П. О. 89, 90
Иванов-Разумник Р. В. 23, 24, 34,
43, 44, 49, 122
Измайлович А. А. 249
Иммонен Х. 68, 81, 241
Исупов Е. И. 217
Итенберг Б. С. 33, 36, 146

Каблиц И. И. 5, 20, 25, 26, 28–30,
32, 35, 36, 43, 130, 146, 148–154,
161, 162, 195, 196, 208, 209
Кавелин К. Д. 127, 129, 198, 207,
210, 213
Кадиков Э. Р. 79, 81, 180
Калинчук С. В. 3, 6, 82
Камнева Г. П. 80
Капустин С. Я. 26
Каракозов Д. М. 216
Карамзин Н. М. 8
Кареев Н. И. 175, 181
Каронин-Петропавловский Н. Е.
137–139, 147
Карпачев М. Д. 3, 5, 7, 19
Касаров Г. Г. 79, 81
Касторнов С. Н. 3, 6, 36, 148, 162
Каутский К. 132
Кашинцев И. 112
Квасов О. Н. 3, 6, 107
Квитко Д. Ю. 41, 48
Керенский А. Ф. 172, 176, 177, 181,
246
Кизеветтер А. А. 168
Кингиссеп В. Э. 251
Клеменц Д. А. 131, 133, 135, 147
Клочкова 247
Ковалевская М. П. 84
Ковалевский М. М. 194, 201, 210,
213
Ковалик С. Ф. 133
Ковальская Е. Н. 83, 89, 98, 105
Козлов Н. С. 39, 48
Козлова-Рубанчик Е. 97, 98
Козьмин Б. П. 11, 19, 25, 34, 36,
146
Колеров М. 27, 35
Колесниченко Д. А. 19, 81, 146
Комин В. В. 71, 80
Кони А. Ф. 201
Кондратьев Н. Д. 18
Коновалова О. В. 3, 6, 57, 61, 67,
79, 81, 146, 225, 241–243

- Кононенко А. А. 3, 5, 70, 80
Кормилицина Е. И. 262, 268
Корнилов А. А. 146
Корнилов Е. Г. 218, 219, 223
Корнилов Л. Г. 246
Короленко В. Г. 155, 159, 160, 163, 177, 215
Короткевич Н. И. 88
Костин А. Ф. 120
Костомаров Н. И. 201
Котляревский Н. А. 201
Котов А. Э. 213
Кочаровский К. 112
Кравчинский С. *см.* Степняк-Кравчинский С. М.
Красильников С. А. 80
Красин Л. Б. 136
Краснов 260
Красноперов И. М. 215, 216, 219, 220, 223, 224
Кривенко С. Н. 20–22, 24, 25, 29, 30, 33–35, 148–151, 154, 162, 199, 209
Кронштадтский И. 41, 48
Крупнова М. 268
Крылов И. А. 8
Ксенофонов И. К. 256, 259
Кудюкин П. М. 179
Кузнецов Т. В. 46, 49
Кузьмин-Караваев В. Д. 201
Кукушкина И. А. 179
- Лавров П. Л. 12, 30, 42, 43, 46–48, 96, 141, 173, 200, 209, 217, 247
Лаврский К. В. 6, 217
Лазарев Е. Е. 60, 68
Ланской Г. Н. 66
Лауэ Т. Фон 59
Лацис (Судрабс) М. Я. 254, 267
Лачаева М. Ю. 33, 35, 36
Левин С. В. 3, 6, 214, 223
Левин Ш. М. 19, 146
Левченко Н. В. 88
- Ленин В. И. 7, 14, 15, 19, 21, 25, 39, 44, 47–49, 62, 63, 69, 78, 95, 112, 120, 170, 224, 263
Леонов М. И. 55, 62, 66, 69, 71, 79, 80, 81, 180, 241
Леонтьев Я. В. 3, 6, 244, 266, 267
Лермонтов М. Ю. 8, 264
Либсон Я. Н. 258
Лимонов Э. В. 10
Литвин А. Л. 71, 80
Личков Л. С. 217
Лоо ванн дер Х. 65
Лопатин Г. А. 203
Лукьянчикова М. В. 66, 68
Луначарский А. В. 80
- Майер М. Н. 264, 265
Майер Н. В. 264
Майнов И. И. 131, 136, 141, 147
Майоров И. А. 252
Макаренко А. А. 133
Макаров Н. П. 18
Маккин Р. 52
Максимов Е. Д. 24, 34
Малиа М. 17, 19
Маликов А. К. 43
Малыхин К. Г. 241
Мальм Е. Н. 3, 6, 244–252, 254–268
Мальм Ж. 265
Мальм-Майер Е. Е.
Мануйлов П. Н. 119
Марков В. – *см.* Вишняк М.
Маркс К. 7, 64, 132, 165, 169, 227, 239
Мартов Ю. О. 23, 34
Марусин С. П. – *см.* Швецов С. П.
Мейснер И. 143
Мелансон М. 68, 240, 243
Мессинг С. А. 263
Местковский Д. А. 81
Мещеряков В. Н. 80
Миллер В. И. 60, 68
Милюков П. Н. 80, 155, 168

- Мирбах В. Фон 248
Миронов Б. Н. 53, 66
Миронов С. В. 10
Михайлов А. Д. 108
Михайловский Н. К. 6, 21, 22, 24, 32, 37–39, 44–48, 96, 121–130, 141, 146, 152, 168, 171, 173, 196, 206, 209, 225, 234, 238, 243, 247
Мицкевич С. И. 215, 223
Мокшин Г. Н. 3, 5, 6, 20, 34–36, 110, 119, 146, 147, 192, 195, 211, 213
Морозов К. Н. 55, 60, 61, 67, 68, 79–81, 91, 107, 113, 118, 172, 180, 181, 241
Москвичев 256
Мошин А. К. 252
Мстиславский С. Д. 244, 249
Муромцев С. А. 205
Мышкин И. Н. 143
Мякотин В. А. 10, 160, 161, 163
- Найденов А. И. – см. Мальм Е. Н.
Нарский И. В. 62, 69
Неведомский М. 23, 34
Неволин П. И. 217, 220
Ненароков А. П. 181
Нечаев С. Г. 107
Нечкина М. В. 12, 14, 16, 19
Николаев П. Ф. 120
Николаев С. Н. 68
Николай II 110, 180
Ницше Ф. 38, 42, 47
Новак С. Я. 35, 195, 211
Новиков А. П. 81, 241
Новожилов Н. Ф. 68
- Оболенский Л. Е. 28, 30, 31, 35, 36, 196, 209
Овсяннико-Куликовский Д. Н. 37, 43, 48, 84
Овченко Ю. Ф. 120
Овчинников М. П. 131, 144
Огарев Н. П. 8
- Оксенюк А. А. 79, 81
Оленин Б. см. Чернов В. М.
Ольденбург С. Ф. 264
Опульская Л. Д. 48
Орлинский Б. 248, 249
Орлов см. Богданов М. А.
Орлов В. Г. см. Орлинский Б.
Орлов В. И. 216, 217
Осипанов В. 120
Ошанина М. Н. 108
- Павлов Д. Б. 79, 81
Павлов С. Н. – см. Мальм Е. Н.
Пайпс Р. 52
Панов С. Г. 261
Паули Н. 142, 143
Пашенко 97
Перовская С. Л. 91, 92, 220
Петровский В. А. 266
Петрищев А. Б. 181
Петров – см. Журавлев
Петров Д. С. 47, 49
Петров-Кормов В. И. 262, 268
Петровская Н. А. 262, 266
Петровская Н. В. 263, 268
Петровский В. А. 266
Пешехонов А. В. 160, 161, 163, 169, 170, 171, 177, 178, 180, 181, 214, 220, 222
Пешкова Е. П. 268
Пиирайнен Т. 51
Пиотровский Я. Г. 90
Плеве В. К. 221
Плеханов Г. В. 9, 38, 47, 92, 93, 95–100, 102, 104, 106, 192, 220
Плеханова Р. М. 104
Подолинский С. 96, 106
Покровский В. И. 216
Полевой Ю. З. 146
Поленов А. Л. 265, 268
Полонский Л. А. 194, 196, 207, 209–211
Попов А. С. 262

Попов И. И. 115, 136, 147
Попов М. Р. 83, 88, 89, 104, 105
Портнягина Н. А. 120
Португалов В. О. 123
Посников А. С. 121, 124–126, 128, 129
Потресов А. А. 24, 34
Приклонский С. А. 27
Прилепин З. 10
Присецкая М. Н. 89
Протасов Л. Г. 180, 181
Протасова О. Л. 3, 6, 164, 181
Прошьян П. П. 247
Пругавин А. С. 30, 196
Пругавин В. С. 26, 30, 220
Пудовкин С. В. 180
Пустарнаков В. Ф. 46, 49
Пушкин А. С. 8, 203
Пятковский А. П. 154

Равич-Черкасский М. Е. 89
Радищев А. Н. 8, 9
Радки О. 76
Раев М. 53
Разин С. Ю. 69
Райен ван В. 65
Ралли З. К. 86, 99, 101
Распутин И. 115
Растворов 217
Рачков М. П. 192, 193
Редько А. 176, 181
Реклю Э. 101
Решин И. Л. 146
Рихтер Д. И. 219
Родионова-Клячко Л. М. 120
Родичев Ф. И. 198, 205
Рожков Н. А. 45, 49
Розенберг В. А. 129
Розенберг У. Г. 243
Романов Н. Н. 220
Ростоу У. 50
Рошер В. 125
Румянцев П. П. 215

Русова С. 104
Рутковский Н. О. 88
Рэдки О. 60
Рюшмейер Д. 51
Рямаева О. 268

Саблин Ю. В. 249
Сазонов Г. П. 26, 30
Салтыков-Щедрин М. Е. 83, 205
Светленко С. И. 105
Свитыч-Иллич В. С. 147
Святловский В. В. 219, 223
Седов М. Г. 15, 19, 35
Секиринский С. С. 146
Селунская Н. Б. 52, 66
Сементковский Р. И. 22, 34
Сенявский А. С. 58, 61, 67
Сергеев Е. Д. 108
Серебряков В. И. 219
Серебряков Е. А. 119
Сивиркин Д. В. 223, 224
Сирота М. Л. 247, 248
Скабичевский А. М. 37, 42, 47
Скворцов Н. С. 205
Слетов С. Н. 80
Слобожанин М. *см.* Максимов Е. Д.
Смирнов А. Ф. 14, 16
Смирнова Е. А. 268
Соколов О. Д. 14
Соколовский П. А. 30, 36
Соловой *см.* Буланов А. П.
Соловьев В. С. 45, 155, 160
Соловьев Е. А. 146
Соловьев С. М. 201, 210, 213
Сольц А. А. 261
Сорокин П. А. 40, 48
Спенсер Г. 194, 209
Спиридович А. И. 80, 120
Спиридонова М. А. 81, 249–252, 267
Спирин Л. М. 71, 80
Спирина М. В. 241
Сталин И. В. 11, 25, 180
Стасюлевич М. М. 201, 205

Степанов Е. 112
Степняк-Кравчинский С. М. 92, 98,
101, 118
Стефанович Я. В. 83, 88, 91, 97,
131, 144, 147
Столыпин П. А. 234
Страхов Н. Н. 46
Струве П. Б. 23, 34, 168
Стучка П. И. 249
Сугутский (Егоров) П. А. 268
Сунь Ят-сен 17
Суслов А. Ю. 3, 5, 6, 50, 80
Сухов А. Д. 41, 48
Сыпченко А. В. 181

Тайлор Э. Б. 209
Тамарченко Д. Л. 45, 49
Твардовская В. А. 19, 25, 34, 211
Теплов А. 112
Тихомиров Л. А. 83, 95, 103, 106,
108, 119, 143
Ткачев П. Н. 5, 12, 46, 107, 218
Ткачева А. Н. 218
Ткаченко П. С. 11, 19
Толле 257
Толстой Д. А. 221
Толстой Л. Н. 3, 5, 37–47, 202
Троицкий Н. А. 13, 16, 19
Троцкий Л. Д. 44, 49
Трутовский В. Е. 251, 254
Тун А. 146
Тургенев И. С. 194–205, 207–213
Турен А. 51
Тучапский П. Л. 104
Тюкачев Н. А. 49

Ульянов А. И. 113, 120, 146
Уортман Р. 52
Урицкий М. С. 78, 224, 249
Утин Е. И. 201
Уткин В. Н. 268

Файджес О. 65

Федоренко А. А. 241
Федорова В. И. 3, 6, 130, 241, 243
Фельштинский Ю. Г. 79, 81
Фигнер В. Н. 91, 105, 119
Филатов Е. С. 261
Философова А. П. 202
Финк В. 248
Флеров Н. М. 119
Флоровская-Фигнер О. Н. 120
Фомин А. 34
Фроленко М. Ф. 91, 105
Фромм Э. 42

Хайдеггер М. 209
Харизоменов С. А. 6, 215, 216, 219,
220, 223
Харламов В. И. 26, 27, 30, 33–36,
146, 195, 211
Хевролина В. М. 106
Хеймсон Л. 52, 63, 66, 69
Худолеев А. Н. 19
Хильдерймаер М. 59–61, 68, 69, 81,
146, 195, 211
Хмелев А. 255
Хорос В. Г. 19, 36, 45, 49, 56, 57,
67, 146, 241
Хэфнер Л. 52

Чаадаев П. Я. 8
Чарушин Н. А. 175
Чаянов А. В. 9, 18
Червинский П. П. 28, 30, 32, 196,
195, 218, 220,
Чернов В. М. 3, 10, 57, 59, 67, 68,
81, 116, 122, 129, 146, 171–173, 177,
178, 202, 225–243
Чернышевский Н. Г. 7, 11–13, 15,
16, 24, 30, 55, 234
Черняев В. Ю. 243
Черняк М. А. 216
Чешихин-Ветринский В. Е. 146
Чичерин Б. Н. 198, 210, 213
Чубаров С. Ф. 220

Чубыкин И. В. 80
Чудновский С. Л. 133, 137–139, 147
Чупров А. И. 121, 124, 126, 128

Шабалин И. А. 262, 268
Шамов И. М. 252, 253
Шаховский Д. И. 198, 205
Швецов С. П. 133, 135, 137, 139, 140, 147
Шевченко Т. Г. 95
Шевырев П. 120
Шекспир В. 83
Шелгунов Н. В. 20, 21, 23, 24, 31, 34
Шелер М. 209
Шелохаев В. В. 54, 62, 66, 69, 146
Шепелева В. Б. 66
Шестов Л. И. 38, 41, 47, 48
Шимко Р. Н. 47, 49
Шипов Д. Н. 205
Широкова В. В. 146
Шишко Л. Э. 131, 132, 147
Шишков А. С. 8
Шопенгауэр А. 42
Шпенглер О. 227
Штейн Лоренц фон 125
Штейнберг И. З. 258
Штеннер А. 163
Штернберг Л. Я. 111, 113, 118
Штирнер М. 42
Штомпка П. 51
Шуб Д. 76

Шубин А. В. 10, 169, 180
Шульгин Л. Н. 252
Шумилов П. 255

Щедрин *см.* Салтыков-Щедрин М. Е.
Щедрин Н. П. 89
Щербакова Е. И. 120
Щербина Ф. А. 6, 217, 218

Эйхенбаум Б. М. 49
Эктон Э. 243
Энгельс Ф. 7

Южаков С. Н. 25, 26, 30, 148–151, 154–157, 162, 163
Юзов – *см.* И. И. Каблиц
Юрченков Е. Ю. 58, 67

Якубович П. Ф. 119
Янсен М. 76, 81
Ярцев Б. К. 68

Berc S. M. 81
Gerschenkron A. 66
Häfners L. 79, 81
Haimson L. 66
Hildermeier M. 68, 79, 241
Immonen H. 68
Melancon M. 68, 79, 81
Radkey O. H. 68, 80
Shub D. 81
White E. 79, 81

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Блохин Владимир Владимирович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (г. Москва), blohin.vladimir.1960@mail.ru.

Головко Вячеслав Михайлович – д-р филол. наук, профессор кафедры отечественной и мировой литературы Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь), vmgolovko@mail.ru.

Зверев Василий Васильевич – д-р ист. наук, профессор кафедры истории российской государственности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва), v.v.zverev@bk.ru.

Зеленин Юрий Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правотворчества Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул), uri-zelenin@yandex.ru.

Калинчук Сергей Викторович – канд. ист. наук (г. С.-Петербург), kasv2@yandex.ru.

Карпачев Михаил Дмитриевич – д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного университета, m-karpach@mail.ru.

Касторнов Сергей Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, kastsergej@yandex.ru.

Квасов Олег Николаевич – д-р ист. наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета, kvasonoleg@yandex.ru.

Коновалова Ольга Викторовна – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ ФСКН России (г. Красноярск); профессор кафедры истории России Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г. Красноярск), olgav--k@yandex.ru.

Кононенко Анатолий Анатольевич – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета, a-kononenko@yandex.ru.

Леонтьев Ярослав Викторович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории государственного и муниципального управления Мос-

ковского государственного университета имени М. В. Ломоносова, leouar@mail.ru.

Лёвин Сергей Владимирович – д-р ист. наук, доцент кафедры истории Балашовского института Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, serg.lewin@yandex.ru.

Мокшин Геннадий Николаевич – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета, mok410@mail.ru.

Протасова Ольга Львовна – канд. ист. наук, доцент кафедры «Связи с общественностью» Тамбовского государственного технического университета, olia.protasowa2011@yandex.ru.

Суслов Алексей Юрьевич – д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Казанского национального исследовательского технологического университета, plusha131333@yandex.ru.

Фёдорова Вера Ивановна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, vi-fedorova@yandex.ru.

Научное издание

НАРОДНИКИ В ИСТОРИИ РОССИИ

Межвузовский сборник научных трудов

В ы п у с к 2

Издано в авторской редакции

Компьютерная верстка *Г. Н. Мокшина*
Художественное оформление *Е. Ю. Бочарниковой*

Подписано в печать 18.08.2016. Формат 60X84/16
Усл. п. л. 16,3. Тираж 300. Заказ 646

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3